
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 9 ФЕВРАЛЬ 1974

В воздухе пахнет весной...

ЧЕРНЫ

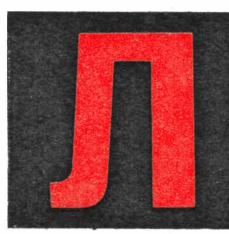
Лесовод Юлия Алманис коллекционирует причудливые творения леса.

Николай БЫКОВ

Фото Б. КУЗЬМИНА.

Й АИСТ

Час вечерних сказок в доме лесничего.

Люди — как ноты... Так представлялось гениальному литовцу Чюрлёнису.

В Литву я собирался две зимы и два лета. Не вообще в Литву — в гости. Все не выходила из головы встреча в Горном Алтае с рослым бородачом лет тридцати пяти, столь живописным, что мимо него при всем желании не прошел бы.

Люди — как ноты... Звучание иной слышишь долго-долго. И даже через год-два после встречи различаешь ее среди других, по-разному звучащих нот, стараешься постичь сокровенный смысл ее и надеешься не обмануться в ней, прозвучавшей однажды сильно и чисто. Помню, как поразило спокойное — сразу же после краткого знакомства,— такое необычное объяснение: «Из Литвы. Не командировка — отпуск. Жил в горах. Собирал корни, травы, минералы. Нет, я не охотник... Спешу домой — завтра у жены день рождения...» А до дома тысяч пять километров, и то если напрямую — тремя самолетами лететь! Далено от Литвы до Горного Алтая — и наоборот. Сильно, помнится, прозвучала нота того бородача.

Напоминала о нем все эти годы и запись в старой записной книжке:

— Лесничий из Литвы. Любит походить по горам. Походил три недели. Зовут Витаутас Алманис.

Наши пути тогда, в августе 1971 года, разошлись. Вместо прощания немногословный, как большинство литовцев, корректный Витаутас любезно пригласил: «Приезжайте. Лесничество Берженай».

В начале третьей зимы я поехал в лесничество Берженай, к Витаутасу Алманису. Нынче эпистолярный жанр не в чести, и все же мы изредка переписывались. Из писем Витаутаса я узнал, что он не случайно, как мне представлялось, оказался в Горном Алтае — когда-то он начинал там самостоятельную жизнь, с юных лет работал, учился заочно, потом стал дипломированным лесничим. Восемь алтайских лет оставили след — не просто запись в трудовой книжке. Литовец, по всему видно, полюбил и Катунь, и горы Алтая, и сибиряков. И лес Сибири — пихты, лиственницы, кедры органного звучания. Он уже не мог не вернуться туда, хотя бы на время отпуска. Ни расстояние, ни стоимость трех авиабилетов уже не могли помешать вернуться в горные леса удивительной страны, куда позже выманил юную Юлию, где родились и Андрюс и Рита, где древние легенды аборигенов провели его нехожеными тропами к заветным кладам сибирской земли — он постепенно постиг тайну многих целебных растений и глубоко упрятанных корней. Однако не так-то легко утолить жажду активного освоения особого, навсегда полюбившегося мира. И в литовском лесу не мог не думать Витаутас о кедрачах Сибири, о сибиряках, о ледниковых реках Алтая... Он стал записывать видения, а получились зарисовки, очерки для районной газеты, потом надолго засел за рукопись первой книжки... Должны же в Литве узнать о Горном Алтае, не одному же владеть таким богатством узнанного, порою экзотического и в общем-то касаемого всех.

Такова присказка, сказка впереди.

Продолжение см. на стр. 6—7.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

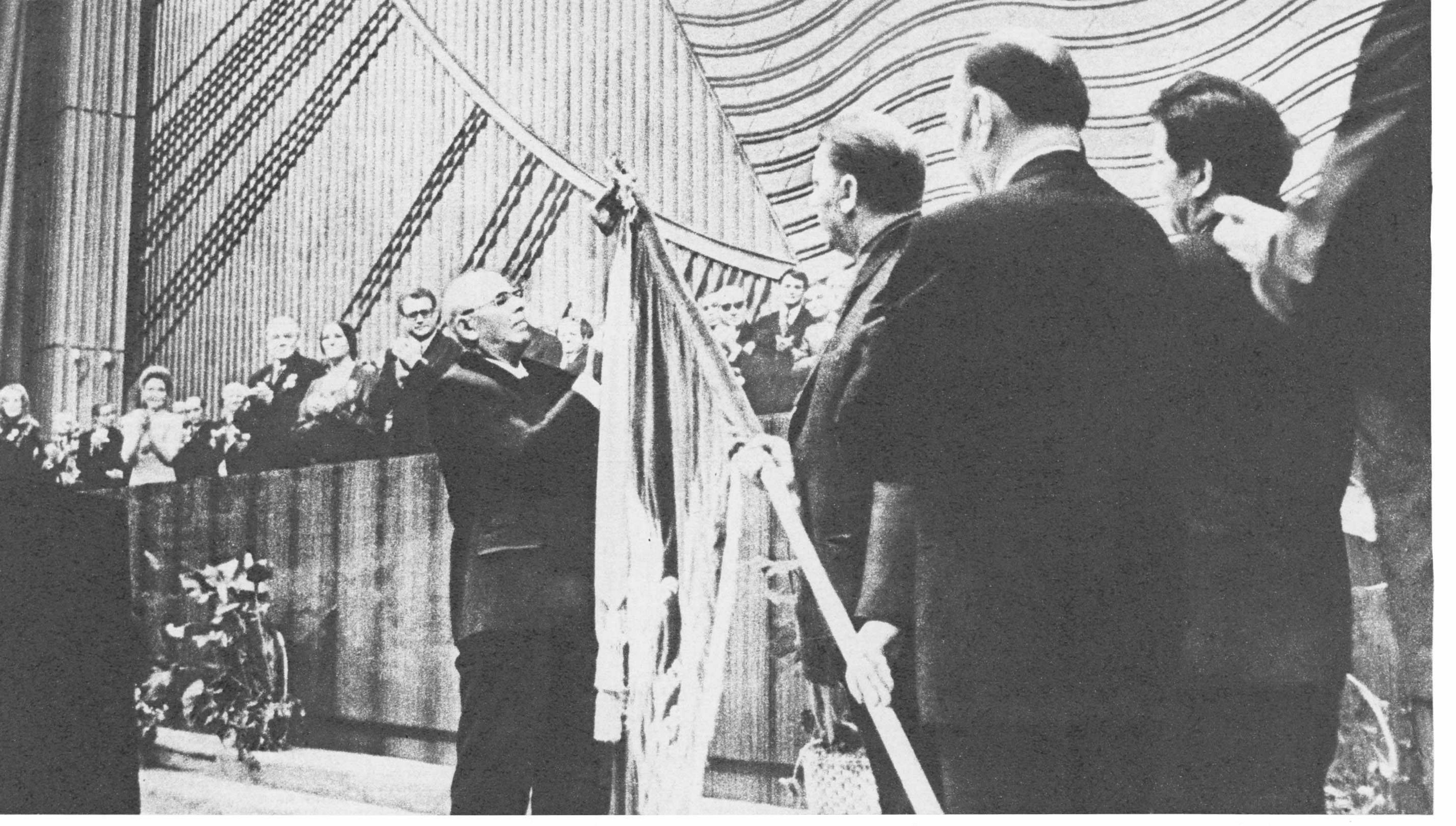

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 9 (2434)

23 ФЕВРАЛЯ 1974

Николай Викторович Подгорный прикрепляет орден Октябрьской Революции к знамени «Мосфильма».

Фото А. Геринаса.

ПРАЗДНИК «МОСФИЛЬМА»

Гости мосфильмовцев, многочисленные соратники и друзья заполнили 13 февраля Кремлевский Дворец съездов, где в торжественной обстановке состоялось вручение киностудии «Мосфильм» ордена Октябрьской Революции в ознаменование полувекового юбилея.

Горячо встреченный присутствующими, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Николай Викторович Подгорный сказал о большом удовлетворении, которое испытывает он, вручая орден славному коллективу «Мосфильма», старейшине советского киноискусства.

От имени работников «Мосфильма» чувства глубокой благодарности и признательности Центральному Комитету КПСС, Президиуму Верховного Совета СССР, Советскому правительству за высокую оценку труда коллектива выразили в своих выступлениях генеральный директор студии Н. Т. Сизов, народный артист СССР С. Ф. Бондарчук, народная артистка РСФСР Н. В. Мордюкова.

С огромным подъемом мосфильмовцы ответили сердечным письмом на приветствие Генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Ильича Брежнева, заверив Коммунистическую партию и Советское правительство, весь народ в том, что и впредь они будут отдавать все свои силы, добиваясь дальнейшего идейного и художественного подъема советского кинематографа, стремясь к созданию фильмов, радующих и воодушевляющих зрителей, полных любви и уважения к советскому народу и Родине.

СМОТРЯТ МИЛЛИОНЫ

«Будут написаны сотни и тысячи страниц, чтобы рассказать об этом событии. Они расскажут, что знаменует собой для Кубы, для Латинской Америки и для истории мирового революционного движения пребывание на нашей земле Генерального секретаря ЦК КПСС». Это строки из газеты «Гранма», вышедшей в тот день, когда Л. И. Брежнев прибыл на Кубу.

Телевидение сделало миллионы людей очевидцами и участниками встреч на острове Свободы. И новый фильм телевизионного объединения «Экран» (авторы сценария — Г. Боровик, В. Дунаев, режиссеры — В. Бутков, В. Лисакович) «Праздник солидарности братских народов» позволил нам еще раз пройти через радость, гордость, верность, которые стали паролем тех дней.

В фильме есть эпизод: в одной из гаванских школ идет урок русского языка. Пожалуй, вся героическая биография свободной Кубы — это урок языка революции.

Уходит на вечную стоянку шхуна «Гранма» — ее силуэт впишется в вечный портрет Кубы, как силуэт нашей «Авроры» вписан в панораму рождения Советского государства.

Берут винтовку рабочий и мачетеро, чтобы отстоять свободу. И облик Петрограда возникает на гаванских улицах.

Зарево первых заводов (старая Куба знала только табак и сахарный тростник) загорается над островом в Карибском море — и отсвет первых домен Магнитки ложится на лица молодых кубинских металлургов.

Уезжают на стройки студенты гаванских вузов — и кажется, слышишь гул московских вокзалов, с которых уходят студенческие эшелоны на стройки Сибири, на целину. Куба проходит школу социализма.

Недаром образ школы так часто возникает в фильме. В этом есть и прямой смысл и символика. Одной из первых акций кубинской революции был поход за грамотность.

Учится вся страна, учится жить иначе, чем жила веками. Потому прежде всего строятся школы. Такая школа открыта в бывшей казарме Монкада. Здесь некогда батистовцы судили Фиделя и его единомышленников. Здесь Фидель произнес: «История меня оправдает».

Да, и урок истории, наглядный урок борьбы за свободу и становление новой жизни показывает нам фильм. Авторы ведут нас по местам, вошедшим в летопись кубинской революции. И одна из самых волнующих глав этой истории — история дружбы наших народов. Советский Союз был с Кубой во всех ее испытаниях и радостях.

Оттого таким громом оваций встречает миллионная толпа на гаванской площади слова Ф. Кастро о братской солидарности, «с которой в решающие моменты нашей борьбы великая родина Ленина протянула нам руку бескорыстной и щедрой помощи».

На протяжении всего кинорассказа — от встречи на аэродроме до последних прощальных кадров — каждый из нас становится свидетелем поистине всенародного энтузиазма, чувств, которые кубинский народ испытывает к нашей стране, к Генеральному секретарю ЦК КПСС Л. И. Брежневу.

И мыслью, пронизывающей весь фильм, становятся слова Л. И. Брежнева:

«Творцами советско-кубинской дружбы стали сегодня миллионы людей. Это рабочие, техники, инженеры советских предприятий, которые изготавливают для Кубы станки, машины, комбайны, другую продукцию. И это труженики сафры, знающие, что часть произведенного ими сахара поступит советским людям. Это и советские специалисты, работающие на Кубе, и кубинские юноши и девушки, которые приезжают учиться в нашу страну».

...Будут написаны тысячи страниц. И фильм этот, свидетельство очевидцев, свидетельство яркое и талантливое, займет в той летописи достойное место.

Г. ШЕРГОВА

18 ФЕВРАЛЯ ИСПОЛНИЛОСЬ 26 ЛЕТ СО ДНЯ ПОДПИСАНИЯ СОВЕТСКО-ВЕНГЕРСКОГО ДОГОВОРА О ДРУЖБЕ, СОТРУДНИЧЕСТВЕ И ВЗАИМНОЙ ПОМОЩИ. КАК ПРЕТВОРЯЮТСЯ В ЖИЗНЬ СТРОКИ ЭТОГО ДОКУМЕНТА, РАССКАЗЫВАЕТ КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ А. ГОЛИКОВА.

КРЫЛЬЯ «МАЛЕВА»

В столичном аэропорту Шереметьево стоит готовый к рейсу воздушный лайнер «ТУ-154» с опознавательными знаками венгерской авиакомпании «Малев». Это новое пополнение самолетного парка гражданской авиации Венгерской Народной Республики.

В рейс самолет поведут опытные венгерские пилоты Андрош Фюлен и Золтан Шебэк. Спрашиваю у летчиков, нравится ли им «ТУ-154». Они говорят, что уже полетали на нем достаточно, испытали в воздухе и могут ответить вполне определенно: очень нравится. Это современный пассажирский самолет, комфортабельный, надежный.

— Для нашего сравнительно небольшого авиапредприятия это — существенное подкрепление,— рассказывает генеральный представитель «Малева» в Москве Владимир Замек.— Мы летаем в 27 стран. Рейсы выполняем в пуле с другими авиакомпаниями.

«Малев» тесно сотрудничает с авиакомпаниями стран — членов СЭВ. Особенно тесные связи у нас с Аэрофлотом, который, можно сказать, стоял у колыбели «Малева». В школах Аэрофлота проходили подготовку венгерские летчики. А первое время на наших самолетах летали смешанные экипажи — советские и венгерские.

Советский Союз — главный потребитель венгерских товаров. И естественно, что авиалинии, связывающие республику с СССР, самые оживленные. Самолеты «Малева» летают из Будапешта в Москву, Ленинград, Киев. Вместе с Аэрофлотом за неделю выполняем 24 рейса. Поток пассажиров и грузов возрастает.

— А какие грузы вы возите?

— Лекарства, фрукты, измерительные приборы, лабораторное оборудование, продукцию нашей химической промышленности и многое, многое другое...

«ТУ-154» улетает, а мы с товарищем Замеком встречаем рейсовый самолет, прибывающий из Будапешта. Лайнер подруливает точно по расписанию. Пока пассажиры выполняют таможенные формальности, знакомлюсь с некоторыми из них.

Ласло Драгош — работник венгерского внешнеторгового предприятия «Хунгаротекс», которое поставляет в Советский Союз различные ткани и одежду.

— Эта продукция,— рассказывает Ласло Драгош,— пользуется спросом во всех советских республиках. Однако быстрое развитие вашей швейной промышленности, появление в магазинах товаров западных фирм, а также продукции ГДР и Чехословакии заставляют нас изучать требования покупателей. Вот для этой цели я и приехал. Представители нашей фирмы уже побывали в Грузии, Армении, в Риге, в Ленинграде, а я собираюсь в Среднюю Азию...

Впервые прибыл в Москву инженер Дьердь Домакош.

— Моя специальность — ткацкие станки,— говорит он.— Почти все венгерские текстильные фабрики оборудованы советскими машинами. Я командирован в Москву для знакомства с новинками в этой области.

Прибывший из Будапешта Андрош Яновский — инженер по механизации сельского хозяйства.

— СССР и ВНР совместно производят целый ряд сельскохозяйственных машин, предназначенных для удовлетворения потребностей обеих стран,— говорит товарищ Яновский.— На полях Венгрии работают тысячи советских тракторов, зерноуборочных и рисоуборочных комбайнов. Я приехал в Москву, чтобы уточнить некоторые вопросы, связанные с производством машин для сбора ягод и фруктов.

Среди прилетевших из Будапешта большая группа туристов из западных стран.

— Почему они выбрали для путешествия самолет вашей авиакомпании?— интересуюсь я.

— На самолетах «Малева»,— объясняет Владимир Замек,— первоклассное обслуживание пассажиров, отличная кухня, отличное венгерское вино. Как видите, конкурируем мы с западными авиакомпаниями успешно. И перспективы хорошие. Крылья «Малева» крепнут!

БОЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО

Николай ПАСТУХОВ

Что происходит в хваленом «свободном мире»? Простое перечисление событий может дать ответ на этот вопрос. Безудержно растут цены на товары первой необходимости, процветает расовая и социальная дискриминация, огромные суммы денег расходуются на вооружение, а миллионы и миллионы трудящихся лишаются работы. Нехватка энергии приводит к тому, что в американских школах дети сидят на уроках в зимних пальто и шапках. Владелец табачной фабрики Шеффилда привел в движение водяное колесо, сооруженное почти три столетия назад, чтобы продолжать производство, а одна типографская фирма в Эссексе вернулась к ножным прессам...

И всегда, когда капитализму приходится туго, западные средства массовой информации, как по команде, разворачивают неистовую антисоветскую кампанию. На сей раз пищу для этой кампании дал Солженицын своим пасквилем «Архипелаг Гулаг». Отщепенец мечтал о свободе западного образца, он тосковал по ней. «Теперь,— пишет австрийская газета «Фольксштимме»,— он имеет эту свою «свободу», а заодно и свободный доступ к своему швейцарскому счету. Правда, вес этого героя сильно поубавился. К тому же и конкуренция здесь большая. Но все это риск, свойственный свободному рыночному хозяйству».

Что же касается самого этого «хозяйства», то оно поражено острым недугом. Общая сумма дефицита платежных балансов 24 основных капиталистических стран достигнет в этом году 40 миллиардов долларов. Это похоже на катастрофу, считают многие экономисты. Буржуазия перекладывает тяготы кризиса на плечи трудящихся. Так, например, налоговые сборы в минувшем году в ФРГ возросли более чем на 14 процентов. Они составили огромную сумму — 205,9 миллиарда марок, что почти вдвое больше годового бюджета страны. В январе 1974 года рост цен на продукты питания в Англии составил более 20 процентов по сравнению с январем прошлого года. И какой бы диагноз этой болезни ни ставили буржуазные политики, суть ее уже давно была открыта марксистско-ленинским учением: она заложена в самой природе капитализма, подверженного хроническим социально-экономическим кризисам.

Буржуазная пропаганда тщетно пытается в эти дни убедить общественность, что кризис носит якобы не общий характер, а является только лишь энергетическим и вызван он не загниванием капитализма как общественно-социальной системы, а, видите ли, акциями арабских стран после октябрьских событий прошлого года на Ближнем Востоке.

Хотелось бы в этой связи вспомнить состоявшееся пять лет назад в Москве международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Его участники из самых разных стран приводили в своих выступлениях массу фактов, свидетельствовавших о «ползучем кризисе» системы капитализма. Генеральный секретарь ЦК нашей партии Леонид Ильич Брежнев в своей речи на Совещании подчеркнул: «Чем дальше империализм заходит в своих попытках приспособиться к обстановке, тем глубже становятся его внутренние социально-экономические антагонизмы. Развитие капиталистической экономики отмечено периодическими спадами. Усиливается неравномерность и однобокость развития отдельных стран. Все это не может не порождать серьезных трудностей внутри этих стран и роста противоречий между ними. Свидетельство тому — постоянный бюджетный дефицит, острейшие вспышки валютно-финансовых кризисов, дороговизна и инфляция, которые стали в шестидесятые годы хронической болезнью многих капиталистических стран».

Коммунисты планеты, таким образом, **еще пять лет назад** засвидетельствовали вспышки хронического заболевания экономики капиталистической системы. В эти дни оно углубляется и расширяется, принимая такие масштабы, которые выходят из-под контроля государственной машины Запада.

Недавно США предприняли попытку «решить» проблему горючего. С этой целью они созвали в Вашингтоне закрытое совещание капиталистических стран — потребителей нефти. Цель совещания состояла в том, чтобы под эгидой американских монополий объединить его участников в отношениях с государствами — производителями нефти. Еще накануне вашингтонской встречи сенат конгресса США принял резолюцию, полную угроз в адрес государств Ближнего Востока, Канады и Венесуэлы, а на страницах американской прессы появилась серия статей, инспирированных сионистскими кругами и нефтяными магнатами, в которых снова начала разжигаться вражда к арабским народам. Однако западноевропейские участники этого совещания прибыли в Вашингтон подготовленными и со своей позицией — сохранить самостоятельность в отношениях с нефтедобывающими странами. В итоге затея США лопнула. Им не удалось навязать участникам переговоров так называемый «кодекс поведения», фактически запрещающий странам-потребителям заключать двусторонние соглашения с арабскими государствами.

Тем временем социально-экономическая жизнь капиталистической системы все более и более парализуется. В ответ на инфляцию, рост цен, растущую безработицу трудящиеся поднимаются на организованную борьбу. Забастовка 270 тысяч английских шахтеров до предела накалила политическую атмосферу в стране. Досрочные выборы в Англии будут проходить в обстановке острейшей классовой борьбы, невиданной за всю историю Великобритании. Японские трудящиеся готовятся провести «весеннее наступление» под лозунгами коренного изменения экономического и политического курса страны в интересах народа. Как признает журнал «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт», 1974 год в США «может стать годом бурных забастовок». Мощная волна забастовок прокатывается по странам Западной Европы.

Мир капитализма ждут новые серьезные потрясения.

ОТЩЕПЕНЦУ-ПРЕ

ПОЗОР НОВОЯВЛЕННОМУ ИУДУШКЕ!

Могуча наша Отчизна. Добродушен и хлебосолен народ советский. Приветливо и открыто его сердце друзьям. Но страшен гнев народный и презрение к изменникам, предавшим землю отчую.

Поэтому такую всенародную поддержку вызвал Указ Президиума Верховного Совета Советского Союза о выдворении за пределы государства и лишении гражданства гнусного перевертыша, литературного власовца Солженицына.

«От ворот — поворот!» Такова воля народная!

Великий русский писатель Салтыков-Щедрин оставил нам образ растленного предателя и мерзавца Иудушки Головлева, за грош медный погубившего родную семью, лицемера и ханжи, прикрывавшего свои темные и грязные дела маской святости и добродейства. Солженицын, новоявленный Иудушка, фальшивый радетель о судьбах России, продал за иноземные сребреники интересы своего народа и скатился в объятия самых черных реакционных сил планеты, мечтающих толкнуть весь мир в бездну новой кровавой бойни во имя чистогана.

Новоявленный Иудушка, Солженицын поспешил податься из ФРГ в Цюрих, поближе к своим сребреникам. Жалок финал этого изменника, покрывшего себя несмываемым позором на века.

А. КИБАЛЬНИКОВ,
народный художник СССР

СКАТЕРТЬЮ ДОРОЖКА!

Солженицын дождался того, что заслужил : он выдворен за пределы Советского Союза, лишен гражданства советского.

Вот уже несколько лет Солженицын, живя в Москве, вел себя как внутренний эмигрант, сотрудничая в буржуазной реакционной прессе, поставляя своим заграничным боссам «произведения пера», дышащие ненавистью ко всему советскому. Он не стеснялся грязно клеветать на все, что дорого сердцам миллионов честных людей: на революцию, на социализм, на подвиги героев, посвященные свободе и демократии. Он не стыдился выступать в роли заядлого мракобеса, холуйски прославляющего военную машину кайзеровской армии или предательски оправдывающего изменников Родины — власовцев. Все русское, советское, все честное, героическое стало ему ненавистно, и он яростно клеветал на наши духовные святыни, радуя своих заграничных заказчиков и покровителей.

В последние годы само имя Солженицына вызывает негодование миллионов советских людей, миллионов зарубежных друзей нашей страны. Оно — синоним предательства, измены. «Вон из нашего советского дома!.. Прочь из Советского Союза!..» — слышатся миллионы гневных голосов.

Злоба иссушает мозг, опустошает сердце. Сегодня Солженицын — мертвая душа. И место его — среди тех смердящих полутрупов, которые подвизаются в органах черносотенной пропаганды на Западе, ведущих свою родословную от газеты, просто и точно прозванной Щедриным «Помои». В таких помойных изданиях, как «Грани» или «Новый журнал», на таких помойных радиостанциях, как «Свобода» или «Свободная Европа»,— там подлинное место Солженицыну.

И пусть он будет поближе к ним. Как в народе говорится: скатертью дорожка!

Александр ДЫМШИЦ,
профессор,
доктор филологических наук

ВОЛЯ СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ

Нужно быть стопроцентным слепцом или злопыхателем, чтобы не видеть героических усилий советского народа, успешно претворяющего в жизнь величественную программу партии. Прислушайтесь к ритму пятилетки, вчитайтесь в победные рапорты о трудовых свершениях, окиньте мысленным взором Советскую родину — наша страна в расцвете своих сил уверенным шагом идет вперед.

Но нашелся человек, который не хотел видеть всего этого, который хаял и чернил великие завоевания социализма, сделал героями своих опусов ренегатов, продавшихся фашистам изменников. И вот пришло справедливое возмездие.

Гнев и возмущение вызывают у советских людей вражеские действия Солженицына. Клеветник и подонок, он предал Родину, советский строй, советский народ и стал марионеткой в руках тех, кому не по душе экономические и политические успехи Советского Союза, кому не по душе разрядка международной напряженности.

Как писатель Солженицын уже мертв. Как человек — омерзителен и ничтожен и не имеет морального права дышать одним воздухом с нами. Он справедливо пригвожден к позорному столбу. Сорнякам нет и не будет места в нашем чистом поле.

Выдворение из страны отщепенца Солженицына — это выражение воли и желания всего советского народа.

М. АТАКИШИЕВА,
Герой Социалистического Труда,
учительница 37-й школы Баку

ПО ЗАСЛУГАМ

Решение Президиума Верховного Совета СССР о лишении гражданства СССР Солженицына и о выдворении его за пределы Родины я воспринял как справедливейший акт возмездия предателю. Черное перо Солженицына пыталось оклеветать все, что в суровых боях гражданской и Отечественной войн, в горячих трудовых буднях отстаивали и отстаивают советские люди.

Нам, рабочим-кировцам, с первых дней победы Октябрьской революции пришлось стать активными участниками и творцами нового, социалистического строя. Это из наших цехов выходили первые советские тракторы. Наши рабочие-путиловцы в рядах коммунистов-двадцатипятитысячников становились организаторами первых колхозов. В Великую Отечественную войну завод стал фронтом.

НАХОДКА ДЛЯ ВРАГОВ

Анри АЛЛЕГ,
политический
обозреватель газеты
«Юманите»

Последняя книга А. Солженицына «Архипелаг Гулаг» — прекрасная пища для развертывания на Западе бешеной антисоветской и антикоммунистической кампании.

В советской литературе есть много талантливых авторов, рассказавших о радостях, успехах и о некоторых неудачах грандиозного свершения — построения социалистического общества, общества, которое впервые в истории уничтожило эксплуатацию человека человеком. Буржуазия обходит молчанием эти произведения, которые рассказывают о

ЗРЕНИЕ НАРОДА!

Рабочие забывали о сне и отдыхе, своим трудом приближая час победы.

Сегодня Кировский завод решает важные задачи, поставленные партией и правительством. И мы постоянно чувствуем на себе заботу Родины и на эту заботу отвечаем упорным трудом.

И вот нашелся клеветник, который осмелился оскорбить самые святые чувства нашего народа, мешает с грязью героический труд и подвиги, совершаемые нами во имя будущего. Ему милы подонки истории — власовцы и бандеровцы, белогвардейцы и фашисты. Он с теми, кому не по душе прочный мир на земле.

Родина — это тот неиссякаемый родник, который придает силы человеку и питает его всю жизнь. Лишение Родины — самое тяжкое наказание. Но Солженицын заслужил его.

И. ДАШКО,
шлифовщик механического цеха № 10 объединения «Кировский завод»

ГНЕВ РОДИНЫ

Указ Президиума Верховного Совета СССР — это выражение и воли и гнева советского народа. Лишение Родины — грозная, но заслуженная Солженицыным кара, на которую он сам себя обрек, войдя в стан недругов Советского Союза в их борьбе против мира и социализма.

Л. И. ТИМОФЕЕВ,
член-корреспондент Академии наук СССР

ЖАЛКИЙ ОДИНОЧКА

Есть у нас на Востоке старинное мудрое народное изречение: «Дому, где хоть раз отведал соли, сорок раз поклонись!». И сорок раз достоин презрения тот, кто ответил гнусной неблагодарностью на соль и на хлеб родной земли!

С искренним удовлетворением восприняли мы, писатели Узбекистана, сообщение о том, что клеветник и злопыхатель Солженицын выдворен за пределы нашей страны и лишен звания гражданина нашей Советской Родины. Этот человек, который с таким злобным упорством много лет оскорблял свой родной народ, поистине заслужил наше общее презрение. В здоровом, могучем организме советского общества он стал инородным телом, той зловредной, больной, отравленной клеткой, от которой с чувством облегчения освободился наш героический народ.

Мне, советскому писателю, представителю нашей дружной многонациональной литературы, оскорбительно слышать о том, что этот мелкий, бесчестный отщепенец и пасквилянт тщился называть себя писателем. Ибо каждый истинный писатель — это прежде всего верный сын своей родной страны, посвятивший свой труд, свой талант и мастерство многомиллионному читателю — трудовому народу. А для кого писал этот распаленный эгоизмом и тщеславием жалкий одиночка? Не для народа писал он, а на потребу таким же, как он, злобствующим клеветникам, тем, кто отравляет зарубежную прессу и эфир самыми нелепыми и гнусными измышлениями о нашей великой Советской стране.

Мудро и достойно поступило наше правительство, вышвырнув за порог господина Солженицына.

Не сомневаюсь, что тысячи и тысячи моих земляков — хлопкоробы Ферганы, металлурги Бекабада, бурильщики Газли, оросители Голодной степи — присоединятся к моим словам, идущим из глубины разгневанного сердца: ничтожному предателю нет места на нашей священной земле!

Рамз БАБАДЖАН,
поэт, лауреат Государственной премии СССР

рождении нового мира. В СССР, по ее мнению, есть только один писатель, Солженицын, и как не восхвалять его — ведь он такая редкость: человек, родившийся в России, выросший в советском обществе, преподносит такой букет злобных обвинений против социализма, какая находка!

«Архипелаг Гулаг» не роман, не исторический очерк. В этой книге Солженицын «теоретизирует» и раскрывает свои сокровенные мысли. Предметом его атаки является социализм. Ошибки прошлого служат только предлогом для клеветы на Советский Союз, Коммунистическую партию Советского Союза и советский народ. Даже Ленин не избежал его необузданной ненависти.

Вступив на этот путь, Солженицын идет далеко, так далеко, насколько можно зайти, если принять идеологию реакции. Он встает на защиту Власова и подобных ему предателей, перешедших на службу к гитлеровцам во время второй мировой войны, чтобы воевать против своего народа. Он высказывает такую чудовищную ложь, которую самые реакционные историки и самые ярые антисоветчики никогда не осмеливались говорить: по словам Солженицына, именно Власов и эсэсовские наемники, находившиеся в это время в Чехословакии, выгнали немцев из Праги! Такие умозаключения смущают даже антисоветчиков и антикоммунистов. Один из них, который поместил в «Политик-Эбдо» статью, прославляющую Солженицына, все же считает, что надо быть осторожным с некоторыми его утверждениями, и подчеркивает: «С ним трудно согласиться, когда он проявляет снисходительность к власовцам и другим нацистским наемникам, к убийцам евреев, партизан»...

Таким образом, выходя за «нормы» антисоветской клеветы, Солженицын доходит до того, что получает замечание даже от тех, кому его писанина так хорошо служит.

Больной ненавистью к социалистическому строю (он пишет, что советские люди «заражены прошлым, которое началось в 1917 году»), этот человек болен также презрением к трудящимся, к интеллигенции своей страны. Великую задачу, которую они выполнили за пятьдесят лет, уничтожив национальное угнетение, эксплуатацию, голод, невежество, пройдя сквозь огонь революции и второй мировой войны, покорив космос; и в международном плане советские люди оказывали и оказывают бесценную помощь всем народам в борьбе за освобождение, всем эксплуатируемым, всем угнетенным мира,— все это он отказывается видеть. Так же, как он отказывается видеть, что именно жертвы и усилия народа, который он оскорбляет, помогли установлению нового соотношения сил в мире, обеспечивающего мирное сосуществование. Разве удивительно после этого, что именно реакционеры, сторонники «холодной войны» восхваляют Солженицына как героя!

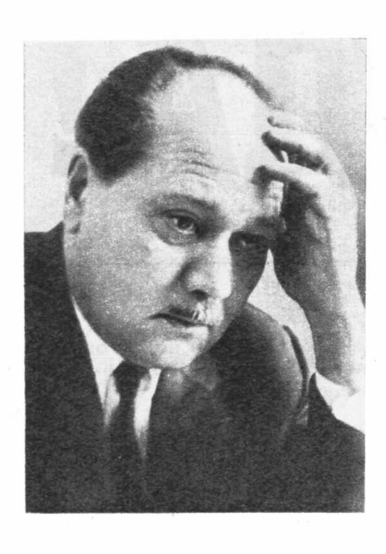
«Сегодня,— заявляет Центральный Комитет Французской коммунистической партии, отвечая на антисоветскую кампанию, одним из элементов которой является издание книги Солженицына,— могущество нового мира, который создают рабочий класс, крестьяне и интеллигенция, все больше и больше затрудняет применение силы против него. Однако капиталистические руководители не отказались от намерения наносить ему удары. Некоторые из них едва скрывают свою враждебность к успехам разрядки международной напряженности. Будучи вынуждены мириться с ней, все они боятся благоприятных для социализма последствий контактов и обменов, к которому она приводит в экономическом, техническом, культурном плане и в плане отношений между людьми. Мирное сосуществование представляет собой также борьбу идей. Буржуазия боится успехов идей социализма. Тогда, для того чтобы спасти свой режим, она пытается возродить обстановку «холодной войны» и предпринимает яростные нападки на социализм».

Экономический кризис, беспрецедентные повышения цен, закрытие заводов, сокращение часов работы и политика экономии, свидетельствующие об ухудшении условий жизни народных масс на Западе,— все это толкает буржуазных пропагандистов усиливать кампанию против социализма и против Советского Союза в целях диверсии. Вот зачем им так нужен Солженицын.

ВЛАСОВ: Спасибо Солженицыну! Наконец-то и обо мне доброе слово сказано!

Рисунок Бор. Ефимова.

Михаил **НЕБОГАТОВ**

МИРНЫЙ ДЕНЬ

* * *

Он с фотокарточки смеется,
Такой счастливый, молодой...
А в поле, где поземка вьется,
Над ним — лишь столбик со звездой.
И ничего уж не поправить...
Он был ровесником моим.
Но не могу никак представить
Его и старым, и седым.
Глядеть на снимок — сердцу больно,
Там острой горечи комок.
И вопреки всему, невольно
С губ так и просится: — Сынок...

* * *

Годы в сердце живут без прописки.
Все так близки. И все на виду...
Помню пленных на станции Лиски
В октябре, в сорок первом году.
Сбитый летчик, мальчишка зеленый,
Весь во власти воинственных пут,
Зло: «Хайль Гитлер!» — кричал исступленно,
Добавляя: «Москау капут!»...
А потом, попоздней, в Сталинграде,
Где бесславье свое обрели,
Уцелевшие рослые дяди,
Как бродяги, понуро брели.
И один, не сдержавшись от вздоха,
Не по-зимнему — в тряпки обут,
Воскліцал: «Сталинград! Очшень плёхо!»
И заученно: «Гитлер капут!»

* * *

Война не только все губила,
На свет бросала ночи тень —
Она и многому учила,
Что забываем в мирный день.
Окутав мир метелью лютой,
Грозя всему, что жаждет жить,
Учила каждою минутой,
Секундой каждой дорожить.
В любом — большом и малом — деле
Все исполнять учила в срок,
Хотя уж силы на пределе,
Хотя усталость валит с ног...
Пусть по земле родимой русской
Война не ходит никогда,
Но жить бы с полною нагрузкой
И в будни мирного труда.
Ценить, как тот глоток из фляжки,
Судьбой отпущенный нам в срок,
И не давать себе поблажки,
Не говорить: — Устал, не смог...

г. Кемерово.

ЧЕРНЫЙ АИСТ

Начало см. на 2-й стр. обложки.

«Сейчас у нас холодно и дуют сильные ветры. Вынимал почту из ящика — ветром схватило письма и газеты и унесло в ночь. Всё ли нашел — не знаю...»

Из письма В. Алманиса.

Дом лесничего довольно большой, под одной крышей с конторой. Лес подступает близко. Тихо. Шумы леса не в счет — они и есть та тишина, которой мы, горожане, лишились навсегда.

Накануне лег большой снег. Витаутас назвал его «русским». Говорят, давно такого снегопада, как в начале нынешней зимы, не было. Андрюс и Рита смотрели на снег, как на давно забытого знакомца. Подарок Сибири — из того детства, которого обычно не помнишь как реально прожитое, которое как возвращающийся сон.

— Такую зиму и ждали,— заметил лесничий.— Еще с осени синицы стучали в окна... В тепло просились. Старая примета...

И обступил меня мир хвойных запахов, треска горящих поленьев, удивительных книг, собранных хозяином дома; тихих детей, которые, как водится, дичились поначалу, а потом, прижавшись к теплой печке, спели в два голоса старую литовскую песню... На полках увесистые камни с хребтов далекого алтайского Коргона, на стенах — листы Чюрлёниса, на столе — пузатый кувшин с ячменным пивом домашнего производства (Юлия смеется: «Натураль продукт»), за которым, оказывается, в погреб одному ходить даже и опасно:

— Иначе пробка валит наповал. На пиво вдвоем ходят. Как на медведя!..

Нет, что и говорить, хорошо в доме лесничего.

Кувшин потеснился — легла на стол карта Алтайского края. Девятилетний Андрюс что-то шепчет маленькой Рите, тычет пальцем в кружок «Кош-Агач». Догадываюсь: быть может, в который раз показывает сестренке, где они появились на свет, куда полетят и поедут с родителями летом. Вспоминать русский язык.

За окном — лесные кварталы лесничества Берженай. Но лес Алманиса куда больше — он и там, в Горном Алтае, и дальше, по берегам Енисея и Лены, до тундры. Его лес велик, страна его — экология. «Я поэт — тем и интересен», помните? Витаутас — лесничий, тем и интересен; только его лес всюду, где дереву хорошо. И где дереву плохо.

Я попросил автора если не перевести всю книжку, то хотя бы перевести ее оглавление. Витаутас перевел, комментируя. Он написал для литовцев о Стране Белых вод — там высокие горы, сильные люди, быстрые ледяные реки, белые от бурунов. Горный Алтай — отсюда некогда русские первопроходцы послали великому Гёте коллекцию минералов... Он не мог не рассказать об удивительных поселенцах Сибири — кержаках, робинзонах чернёвой (чисто алтайское слово!) тайги. О земле теленгитов, представителей малой горной народности. О том, что лес, даже если это бескрайняя тайга, не может быть ничьим. В его книжке есть горькие страницы: плач по кедрачу, который погиб от огня на склонах Белькенека...

— Лесничий, как капитан, уходит последним. Я не мог оставить лес... Солнце было чумазое от пожарища... Сон и усталость побеждали. Просыпался, когда огонь добирался до ватника.

Думаю, страшны и строки, рассказывающие о том, как вскрывало невежество могильники гуннов... бульдозером. А когда он сажал лес не по инструкции — в траву, во влажную тень, ища единственный способ повысить процент приживаемости, то же самое невежество грозило: «Ну, погоди, не приживется лес — выгоню».

Летом — снова на Алтай. Хотя бы на месяц. Всей семьей. И дети должны знать Большой лес родины. Они уже сейчас знают, что он существует, их Большой лес. Недаром от карты не оторвешь. И Витаутас тихо, медленно подбирая слова, как сказку для всех, рассказывает о другой карте. Ее расстилал на столе отец — дед этих вот малышей,— то была очень старая карта со старым названием «Российская империя». На ней было много белых пятен — они и манили. Витаутас почему-то чаще всего перечитывал слово «Таймыр». Мечтал после школы поехать на Таймыр — тундра, какая она? Лесов и дома много. А занесла нелегкая в Горный Алтай, и лесная Сибирь потрясла. Да, видно, уж на роду ему написано: лес — детство, призвание, профессия, любовь, о которой не болтают...

...Как некогда, когда я был еще ребенком...

Это Чюрлёнис. Когда Витаутас был еще ребенком, война огнем и железом обложила лес. Он помнит танковое побоище под Шяуляем. Люди горели и падали, как деревья. Деревья умирали, как люди. Спаслись—спастись от немцев помог лес... Я всматриваюсь в один из листов Чюрлёниса. Он так и называется «Лес». На фоне светло-серого неба — чернолесье. Отдельные стволы вырываются ввысь. И все. Таков пейзаж почти повсюду в Литве. Но тут начинается сказка. Кроны высоких, самых высоких дерев обернулись сказочными витязями, юными королевичами с огромными, всевидящими глазами («...жить, широко раскрыв глаза на все, что прекрасно...» — из письма Чюрлёниса). А выше всех — сама королева, и ее шлейф метельно и тихо развевается над черным лесом. Это мир глазами поэта. Уверен, что таким лес видят и маленькие Андрюс и Рита, таким его видят их молодая мама Юлия и высоченный чернобородый витязь из Берженая Витаутас Алманис.

«Черные аисты у нас есть в 4-м квартале — это верховья Мушии. Летом часто видим их в Лаумакяй (помните, там, где, по преданию, обитают феи). Птицы не так уж пугливы, пришлось подойти очень близко...»

Из письма В. Алманиса.

Все большее число просвещенных землян утверждается в мысли, что человек как вид, мягко говоря, паразитирует на живом организме планеты, единственной, быть может, в своем роде во Вселенной. Сколько лет человеческому обществу? Говорят, не менее пяти миллионов лет, однако люди, и то далеко не все, лишь сейчас начинают понимать, что долгие века творили, не ведая, что именно, и самое время восстановить главные взаимосвязи в природе Земли, в ее растительном и животном мире, нарушенные в ходе весьма бурного саморазвития. Но постепенно, постепенно возникает в человечестве потребность осознать объем допущенных ошибок. Не лес один, не реки только, не пахотный слой — спасать надо планету! Не завтра — сегодня. Ибо закон всего сущего на Земле суров: нельзя нарушать равновесие, существующее в природе. А существует оно только благодаря прочным, теснейшим биосвязям. И почва, и уровень рек, и здоровье леса; развитие и самая жизнь человечества — все это взаимосвязано. Примеров тому, как цивилизация наносит смертельные удары по зелено-голубой планете,— таких примеров множество, и они множатся с каждым днем. Примеров чело-

вечного отношения к природе мало, все еще катастрофически мало. Они обнадеживают, но не решают судьбы природы. Вот почему, как мне кажется, суровы и серьезны люди типа лесничего из Берженая. Им, сведущим в том положении, в котором оказалось технически вооруженное человечество, не до шуток. Собственно, и характер формирует именно степень общения с природой, которая, по словам Гёте, всегда правдива, всегда серьезна, всегда строга, всегда права,— ошибки же и заблуждения исходят от людей. Как давно это поняли лучшие умы, и как медленно очевидные истины овладевают теми, кто рубит сук, на котором сам же и устроился жить долго и припеваючи...

Витаутас усадил в санки детей, и мы поехали лесными просеками. В лесу дети притихли. Отец рассказывал о деревьях, о птицах, о зверье. На опушках, на деревьях, выбегающих к дороге,— всюду скворечники. Мерин тянул вдоль оснеженных малинников; то и дело попадались стайки куропаток. Сначала удивляли частые следы зайцев и каких-то парнокопытных, не верилось, что лес обитаем,— отвык я от такого. И вдруг — заяц! Живой, смышленый, сытый. Невероятно. Витаутас ухмыляется в бороду. Доволен произведенным эффектом

Витаутас Алманис и директор лесхоза Антонас Дакнис.

Да, леса Литвы обитаемы, здесь стало много не только зайцев (из соседней Латвии приезжают охотники), но и лосей, косуль, оленей, кабанов. Там и сям обглоданы осины. Косули поработали, олени. Вот лёжка большого стада — снег умят, утоптан, чернеется свежий «горох». И снова обглоданные ветви, тонкоствольные осинки, ольха.

Что может быть прекраснее сознания: зеленая обитель не мертва. И тишина эта не мертвая, а сторожкая, чуткая, живая!

Мы оставили лошадь и гуськом полезли через придорожные сугробы к школке. Витаутас обещал сюрприз.

Что это — пихта? Здесь, в Литве?

Пришлось Витаутасу кое в чем признаться. Еще будучи лесничим в Горном Алтае, влюбившись в кафедральные соборы кедрачей и пихтовых лесов, он послал на родину семена многих пород сибирских деревьев. Витаутас убежден, что любить природу надо активно... «Плакала Саша, как лес вырубали, ей и теперь его жалко до слез...» Святые слезы, говорит Витаутас, но... Но не по всякому дереву надо плакать. И устроить кормушки в лесу— это еще не значит любить зверье. Сейчас, заговорил Алманис страстно, наступил как бы новый этап в наших отношениях с природой, с лесом, с дикими зверями. В Литве уже нет самовольных порубок, нет нужды прислушиваться к каждому выстрелу — браконьеров нет. Наведен не только строгий порядок, это само собой,— повысилась культура во взаимоотношениях человека с зеленым миром. Поэтому важно не столько охранять, сколько всячески способствовать полнокровной, продуктивной жизни литовского леса. А он весьма еще скуден на деловую древесину. Ели мало, и вокруг нее много сорной поросли. Пора найти замену осине, березе, ольхе. Рубят только худшее, больное — пока. И пока экономический эффект от таких рубок, быть может, невелик, но в будущем лес будет стоять только здоровый; он и украсит жизнь нарождающихся поколений.

— Наше дело, дело моего поколения, позаботиться о породном составе леса. Лес не только эстетика, но и экономика. Прежде всего аккумулятор кислорода, влагорегулятор, ягоды и грибы, охота. Но и древесина обязательно. Поэтому еще в Сибири я думал, как переделать лес на родине? Я полюбил, изучил сибирскую лиственницу, пихту, кедр... Ну, и задумал...

Витаутас привез года четыре назад шесть тысяч семян лиственницы и посеял их на земле Берженай. Он разбросал варежками снег, и я увидел крошечный лес Сибири. Живые лиственницы в снежных мехах Литвы.

А пихту он находил в горах, выкапывал, хранил и отослал однажды — давненько это было — со знакомым в Литву. Просил посадить в каком-нибудь лесничестве. Этим лесничеством оказался Берженай — да, сказка продолжается! И вот однажды Витаутас, новый лесничий, принял во владение молодой пихтач, несет за него не только моральную, но теперь и материальную ответственность.

— Вот здесь, вот они под снегом — пять тысяч деревцев Алтая. Скорее бы весна...

Весной Витаутас и Юлия — она лесовод в Берженае — начнут пересаживать пихты. Деревца в ранге саженцев покинут школу, поселятся в лесу.

А лиственницам сибирским пока лишь второй год, а кедрам два-три года. Гадкие утята в зеленой обители Литвы. Витаутас и Юлия видят их в лесу. Поднимутся ли они когда-нибудь выше, намного выше Андрюса и Риты? Я верю, поднимутся и дети и деревца, рожденные в Сибири.

«Сейчас с Юлией много ходим по лесу, принимаем заготовленную продукцию, то и дело попадаются звери — всякие. Смело осматривают нас, не убегают».

Из письма В. Алманиса.

В лесу Витаутас иной, совсем иной, чем дома или в конторе лесничества. Он размашисто ходит среди черных стволов, успевает заметить многое: следы, повреждения, гнездо...

— Вот расчистили ветровал и липы посадили. Не все меня понимали сначала... В ольшанике — и вдруг липовая аллея! Четыре гектара — и мед и аромат, в будущем прекрасные деревья!

— Трактор и лес несовместимы. Я не пускаю в лес ни бульдозеры, ни тракторы — лошадьми обходимся. Зверь привыкает и к людям и к моторам. А дерево такого соседства не терпит.

— Жаль, экскаваторщики спугнули семьи бобров, разорили их поселение. Большая потеря. Мелиорация — это хорошо, но бобры все еще редкость. Как черные аисты. Пильщики, как правило, обходят подальше места гнездовий и нор... Сейчас так много косуль, зайцев и оленей, что погрызы молодой поросли могут обернуться новой бедой. Отстрел необходим. И санитары нужны — волки! А у нас их нет, поэтому не исключено, что есть больное или ослабшее, изнеженное зверье... Надо бы семьи две волков переселить.

— Знаете, жаль, не отстояли болото. Просили у мелиораторов хотя бы одно оставить. Ну, как без болота — это же целый мир. Реликтовые растения, птица водоплавающая, трели лягушек по весне. А то у нас даже змей нет...

Вот такой он, Витаутас Алманис. Не доброхот, а хозяин. Грамотный и любящий.

Верховный Совет СССР еще в сентябре 1972 года принял постановление о мерах по дальнейшему улучшению охраны природы и рациональному использованию природных ресурсов. Нелишне напомнить, что гектар соснового бора поглощает более тридцати тонн пыли!..

Лесничество Берженай имеет довольно большой план (не в масштабах Сибири) — в год надо заготовить до пяти тысяч кубометров. Рубят в основном зимой. Своими силами. А летом вся работа в питомниках и в школах. Прополка, прополка, прополка, пересадки... И посадки — до тридцати гектаров в год! А еще и санитарные рубки, и осветление леса, и рубки ухода. А еще заготовка дров для школ, для учителей, для всех, кто хочет их купить. Дел много. И лесничий, и лесовод, и лесники все время на ногах (а у Юлии на плечах заботы о доме, о корове, о прочей домашней живности — в лесу все должно быть своим, под рукой). И только глубоко вечером загорается лампа на письменном столе лесничего. Его не на шутку увлекла вторая книжка рассказов о Горном Алтае.

Библиография В. Алманиса пока невелика: книжка да очерки в журналах «Нямунас» и «Моислейвис». В прошлом году по радио прозвучала серия его очерков... Иногда приглашают в Вильнюс на телевидение или с просьбой выступить перед студентами.

А дома — лес и письменный стол. И снова лес. Специфика этих двух профессий — лесничего и литератора — одиночество. И работа для будущих поколений. Дуб в сто лет еще молод, ясень рубят только через сто лет жизни. Посадишь осину — осрамишься, она лет через тридцать, то есть еще при твоей жизни, будет убита внутренней гнилью. Сработаешь на дрова. Как на макулатуру... Выйдешь в тираж как специалист. Витаутас, по-моему, из тех, кто работает только с ценными породами — будь то дерево или слово. Он говорил мне о том, как необходимо уже сейчас позаботиться об уплотнении леса, с тем, чтобы дети наши могли получить с того же гектара больше кубометров и древесины и кислорода. А я думал об искусстве уплотнения слов, мыслей... О, как емка старая истина: лес рубят — щепки летят. А ведь щепки-то подчас — это необходимейшие компоненты в равновесии природы. Нельзя обращать в «щепки» чувство прекрасного, стрессовое состояние и право называться человеком. Не зря заботой о сохранении природы, биосферы проникнуты совсем недавние соглашения таких могучих, индустриально развитых держав, как СССР и США. Не зря, конечно же, люди объединились в Международный союз охраны природы и создали Всемирный фонд охраны животных. Не зря. Тревога охватывает тех, кто не утратил способность видеть за деревьями лес, кто умеет жить и работать ради завтрашних поколений землян. А пока в городах ежемесячно на каждых ста квадратных метрах осаждается по килограмму грязи; втрое больше, чем в лесу. Пока. Пусть лес придет в город.

В лесу, где лесничим работает Витаутас Алманис, живет и хранится исток невеликой речушки Муши. Она течет себе в зеленых берегах на север; в Латвии она ширится среди лугов, сливается с латвийской соседкой и называется иначе — Лиелупе. Та же река с новым названием впадает в залив, уходит в море, а дальше в океан. Вот вам и маленький лес, раскрывший шатер над истоком маленькой речушки. Нет их, границ, все связано в мире живым течением — воды ли, соков ли, трав или мыслей. Вот почему так взволновали в Литве очерки Алманиса о судьбах алтайского леса. Вот почему я рад, что услышал тогда высокую и чистую ноту Витаутаса, пошел за ней — ожидания удивительной встречи меня не обманули. Я как-то понял, что нет отныне на советской земле глухомани или тихих профессий, что мир интересов у человека может быть безграничным. А главное, прав природолюб Дж. Даррелл, утверждающий, что животные и растения не могут устроить забастовку, даже сидячую, за них некому заступиться, кроме нас, людей! Некому. И очень близко от Горного Алтая до Литвы, если станет между ними человек. Планета наша не что иное, как довольно небольшой ковчег, у которого огромный звездный путь, на котором нам всем предстоит сохранить все сущее до сих пор на Земле. Да и сам человек — только одно из непрочных звеньев в живой цепи биоценоза, многосложного комплекса всего сущего. Он, пожалуй, «царь природы», но кавычки обязательны. Часто.

...Первыми чувствуют приближение весны птицы. Стозвоном полнится заоконный мир! Вот-вот весна сгонит слабый снег — и снова в верховьях мало кому известной речушки Муши поселятся черные аисты, птицы настолько редкие, что кое-кто сомневается в их существовании. И проклюнутся цветы, самые первые. И будет праздновать свой праздник жизни зеленая наша обитель — лес.

Анатолий КАЛИНИН

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

* * *

Еще выпадали росы, но уже предвещающие, что однажды, разомкнув глаза под сенью куста, не мудрено будет увидеть на листве вместо прозрачных слезинок и твердые блестки инея. И сколько бы ни намащивал он с вечера под бока мягкой палой листвы, как бы ни натягивал на себя свою старую плащ-палатку, к рассвету мурашками так и осыпало его всего, и, забираясь всюду, они щекотали и кусали, как будто иголочками пропарывая кожу.

Ветер, продувающий стенки придорожных лесополос, нагребал перед мотоциклом на дороге сугробы косматых клубков перекати-поле. Уже почти на излете оказалась и эта стрела, вспарывающая своим жалом его карты. И чем дальше забиралась она в глубь памяти, чем больше нанизывалось на нее встреч с мертвыми и с живыми, тем как будто круче становился этот путь, и то ли это мотор его мотоцикла начинал временами захлебываться на этом крутом подъеме, то ли еще что-то другое...

— Я тебе завидую, Будулай. Если бы у меня тут не своя война, я бы тоже попросился к тебе на раму. Взял бы?

— Если ты не будешь против, чтобы мой сундучок к тебе на спину перекочевал.

— На моей спине, как ты помнишь, и не такой груз себе место находил.

— Это я помню.

И, окидывая взглядом могучие плечи своего друга, невольно вспоминал Будулай, какой тот приволок на себе груз в самый последний раз, когда корпус уже вышел к Австрийским Альпам. Доставленный сержантом разведки Ожогиным в дивизию «язык» весил за сто килограммов, и тащить его надо было на спине два километра.

— Как на передовой живу,— отвечая на взгляд Будулая, пояснил Ожогин.— Но то была война с врагами, а тут попробуй пойми. Браконьер ходит где-то рядом с тобой и даже выступает на собраниях за коммунизм, а где-нибудь в лесной глуши он хуже, чем волк. У волка только и оружия — его природные зубы и ноги, а у него — мотор, бензопила «дружба», ружье с оптическим прицелом и даже самодельная граната для глушения рыбы. По сравнению с ним твои сородичи, Будулай, которые опять стали приворовывать по пути своего кочевья колхозных лошадей, жалкие кустари. Не какое-нибудь бревнышко на стропила дома норовит уволочь, а целый лесовоз кругляка. Не копешку для своей буренки, а сразу десять тонн госфондовского сена, затюкованного и уложенного на зиму в скирды. Не дватри вентерька поставить, а капроновой сетью или сотней переметов перехватить горло Донца, а то и выглушить за какие-нибудь полчаса в лесу озеро с карпами.

На стенах мезонина, где с утра уже далеко за полдень засиделись они, вспоминая фронт, трепетали отблески волнуемого легким ветром леса, а по некрашеным бревнам скользили тени тех, чье посвистывание, пиликанье, ржавый скрип врывались в раскрытое наружу окно. Из окна сквозь стволы молодых сосен, обступивших дом, сквозила синева Северского Донца.

— Никогда не думал, что и после войны на земле эта пакость может быть.

Ожогин даже встал и заходил по тесному мезонину взад и вперед, круто разворачиваясь на месте. Половицы прогибались под тяжестью его шагов. И только когда он, останавливаясь, начинал к чему-то прислушиваться, слабая улыбка вдруг расползалась по его лицу, сплошь обросшему, как, должно быть, и полагалось ему по его должности лесника, клочьями бурого мха. Вот и этот друг Будулая склонял голову набок, прислушиваясь к тем звукам, которые тоже доносились до него из низов дома, но это были совсем другие звуки. Как будто там, в низах, все время что-то катали по полу или же какой-то зверек бегал по коридору и по всем комнатам взад и вперед на упругих лапках. И опять, круто развернувшись на месте, Ожогин заглушал этот гул своими шагами.

— У меня даже уши стали шевелиться на каждый шорох в лесу. Особенно после того, как мы с Северного Кавказа фазанов завезли. И лосей никогда здесь раньше не было, а теперь даже приходится отстреливать их ежегодно по восемь—десять штук, потому что и колхозы уже стали жаловаться: сады грызут. Но лично у меня, Будулай, после войны как-то не налегает рука. Совсем уже поднимешь ружье, а из-под этих расчудесных рогов вдруг глянут на тебя прямо-таки человеческие, с поволокой, глаза, и будто кто снизу твое ружье подобьет. А он тут же повернется — и от тебя в лес вот так...— И по волнообразному движению его руки Будулай явственно представил себе, как уходил в лес этот лось.— Но браконьеру, конечно, все равно, с поволокой или без поволоки, ему как раз и не терпится влепить из своего нового карабина прямо между этих глаз.— Ожогин махнул рукой и, возвращаясь на свой стул, круто повернулся к Будулаю, меняя разговор: — Неужто и донскую элиту на вашем конезаводе удалось сохранить?

— Да,— подтвердил Будулай.

— А я, признаться, как услышал по радио, что уже и до распашки задонских лугов дошло, так и решил, что теперь она тоже на колбасу пойдет. На казы́. А какие всегда по Задонью были займища, какие травы! Ты там, конечно, прилепился к генералу Стрепетову из нашего корпуса не один.

— Не один.

— Но ты у него, как табунщик, на вес золота должен быть. Как-никак помесь цыгана с казаком. Вот уляжется эта перестроечная черная буря, и вас за сохранение донской чистокровной еще будут орденами награждать. В наше время это подвиг. Так и надо, сцепи зубы и, несмотря ни на что, каждый на своем месте делай свое дело. Каждый при своем табуне.

При этом впервые в жизни странное чувство раздвоенности испытывал Будулай: как будто с того дня, как уехал он с конезавода, потерял он право и на то, чтобы слушать все эти слова. Но и не сказал ли ему тот же Стрепетов, чтобы все это время он чувствовал в отпуске себя, пока будет совершать свой путь по фронтовым картам. И не мог же Будулай теперь вдруг нанести удар своему другу, который, глядя на него своими далеко запрятанными под склоны бровей глазками, растроганно говорил:

— Вдвойне тебе завидую, Будулай, потому что ты там не только при своем деле, но и среди тех же самых людей, с которыми вместе войну прошел. Хотя, конечно, и мне тут не приходится жаловаться на свою жизнь. Другие и ропщут на свою судьбу и все чего-то ищут, а мне было бы грех. От добра добра не ищут. Как приехал после демобилизации на этот кордон, огляделся вокруг и сам же себе сказал: больше тебе нечего искать. Ты же помнишь, что я и на фронт прямо с выпускного вечера в лесном техникуме попал...

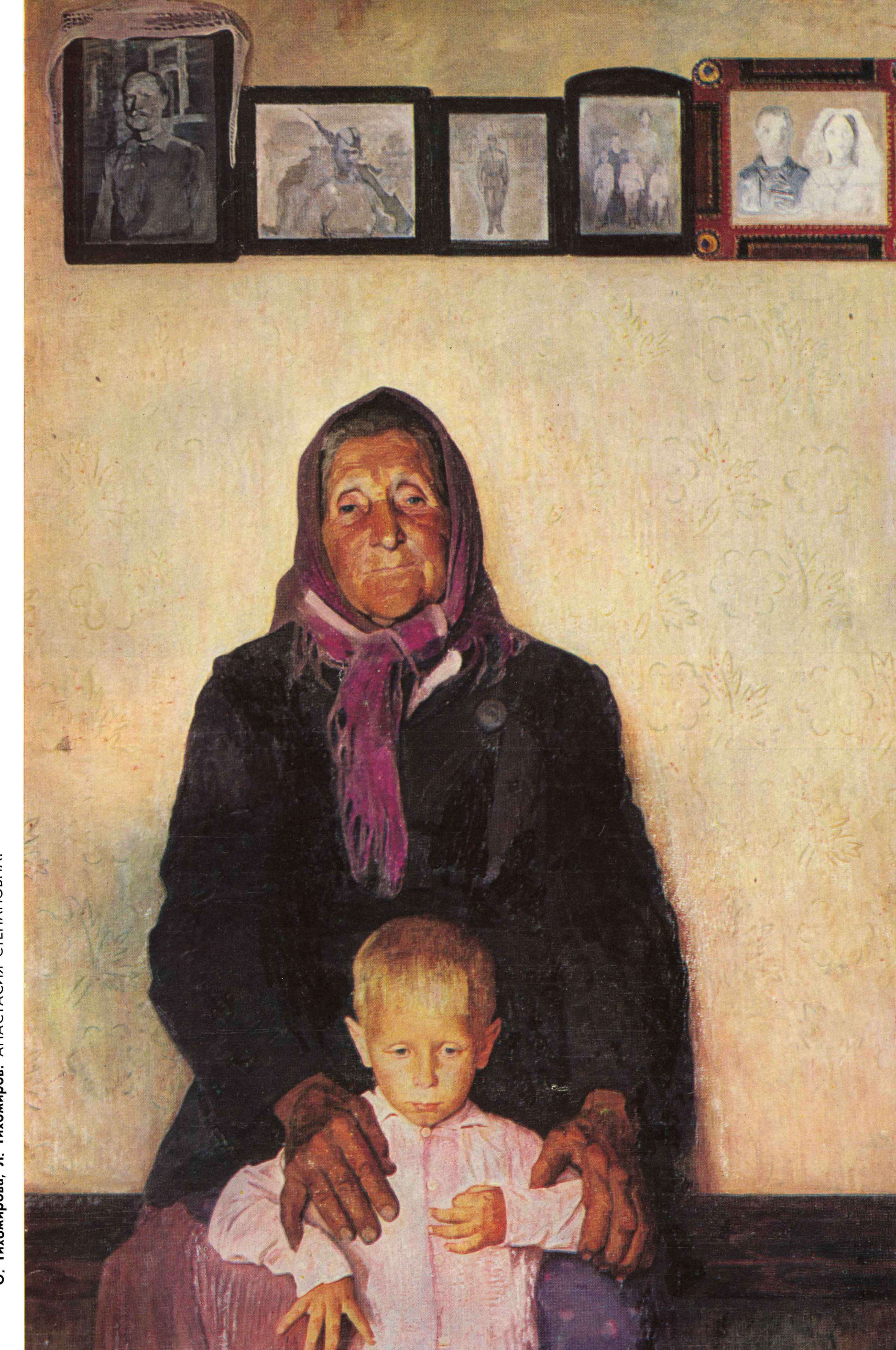
— Помню.

— Не хочу хвалиться, но всю эту сосну, которую ты видишь перед собой, уже я насадил. То есть, конечно, не я один, но весь этот лес по берегу Донца появился уже при мне. А ведь тут были одни сыпучие буруны, совсем как под Кизляром, откуда наш корпус свой путь начинал. А тебе тут нравится, Будулай?

— Нравится.

— И никакой другой жизни для себя я не хочу. Но... как бы тебе получше объяснить. Оказывается, может быть у тебя и любимая работа и такая подруга жизни, что сам удивляешься, за что тебе могло такое счастье привалить, а все же это еще не все счастье. Особенно когда вдруг незаметно подкрадется день, когда из окна машины твоя первая и твоя единственная дочь на прощание сделает тебе рукой вот так...— И Ожогин снова, но уже не волнообразно, а как-то надломленно показал это своей рукой.— И когда после этого ты вернешься в свой дом, а он совсем пустой. Только вчера лопотали по всему дому ее ножки, что ни день, приносила она из леса то какого-нибудь зайчонка, то скворчонка, выпавшего из дупла, и елку ты своими руками убирал для нее каждый год. И вот больше уже в твоем доме никогда не будет елки.— Неожиданно он спросил Будулая: — А цыгане устраивают елки для своих детей?

Продолжение. См. «Огонек» №№ 5—8.

О. Тихомирова, Л. Тихомиров. АНАСТАСИЯ СТЕПАНОВНА.

И. Бордачев. ВРЕМЕНА ГОДА.

Н. Тимков. РЕМОНТ ПЛОТИНЫ.

Будулай покачал головой. Из давнего своего детства только и запомнил он, как, будучи однажды с матерью в каком-то городе, долго стоял перед большим окном, за которым что-то сияло и переливалось на все цвета сквозь затянутое морозом стекло. По словам матери, это и была русская елка. Но сколько он помнил, цыгане никогда не устраивали таких елок для своих детей, да и где бы они могли это сделать — не в декабрьской же степи среди шатров, обледенелых под лютой стужей? Но почему же, слушая теперь своего фронтового друга, с такой остротой представил себе Будулай, как это должно быть страшно, когда в том доме, где всегда устраивали елки, больше уже никогда не будет детских елок.

— Короче, мы с женой так и завяли в один прекрасный день, когда один студент из лесного института, который тут у нас на кордоне свою преддипломную практику проходил, уезжая, вдруг взял и прихватил с собой на крыло нашу Олю. Из-за его плеча она только взмахнула на прощание.— В третий раз он повторил свое движение рукой.— И как будто не было ее совсем. Вот тогда-то, Будулай, впервые и понял я, до чего беззащитным может оказаться человек перед лицом неминуемой судьбы. И тогда хоть кричи, хоть стены грызи. А разве мы сами не такими были? Разве оглядывались на родителей тех, кого спешили зацепить своим крылом?— И, не дождавшись от Будулая ответа на свой вопрос, сказал:— Вот тебе и любимая работа и жена, с которой прожил больше двух десятков лет, ну и все остальное, что обычно называют семейным счастьем. Мне-то еще ничего, у меня есть мой лес, посадки и порубки, лоси и фазаны, пожары и браконьеры. Как с зари завеюсь, так и возвращаюсь уже к ночи, а каково потом было моей жене по целым дням одной в доме Олины игрушки перебирать, платьица и тетрадки. Ничего другого не оставалось, как потихоньку одну за другой уносить их к себе в мезонин и прятать в этом диване.— Он показал рукой.— Но и на самого, бывало, когда останешься со своими воспоминаниями наедине, такое нападет, что хоть своим воем волков из леса вызывай. Ты, Будулай, там на конезаводе все время среди людей, и тебе, должно быть, неизвестно, что это за штука тоска одиночества. И еще неизвестно, задержались бы мы после этого с женой на этом кордоне, если бы ровно через год... Но сейчас ты и сам поймешь...

И, склоняя голову, он опять прислушался к тому гулу, который давно уже улавливал и слух Будулая. При этом улыбка опять забрезжила под усами на широком, почти квадратном лице его фронтового друга, которое с первого взгляда могло бы показаться и угрюмым. Нет, это не катали что-то под полом мезонина, а, скорее всего действительно, бегал какой-то лесной зверек. Ничего удивительного не было бы, если бы в этом доме на кордоне и жил среди людей кто-нибудь из четвероногих обитателей леса. Из тех, что или отбивались от своих маток, или же лишались их после выстрелов браконьеров и лесник приносил их на руках в дом, чтобы отогреть и откормить до поры, когда их опять можно было отпустить в лесную чащу.

И что же это за неутомимый молодой зверь может быть, если он, ни на секунду не останавливаясь, так и мотается по всем коридорам и комнатам дома? Так, что и дробный топот его лап сливается в этот сплошной гул. Ожогин с таинственным видом приложил к губам палец.

— Еще немного подождем.— Улыбка, раздвинувшая его губы, опять блеснула озерцом со дна дремучего оврага.— Ах, обезьяна, уже и по лестницам начинает шастать.— Но и после этих слов Будулаю еще трудно было что-нибудь понять до конца, а под усами его друга продолжала блуждать эта таинственная улыбка. Оставалось ждать развития событий. Сперва какой-то шорох послышался в самом низу лестницы, поднимающейся в мезонин, и потом под чьими-то мягкими, но упругими толчками стали поскрипывать ступеньки. Можно было догадаться, что нелегким оказался для какого-то четвероногого существа этот подъем, потому что чем громче раздавался скрип перебираемых его лапами ступенек, тем громче оно пыхтело. Будулай увидел, что улыбка на лице его друга сменилась тревогой.— Так недолго и спину сломать.— Вставая со стула, он сделал шаг к двери, но тут же и махнул рукой.— Там всего одиннадцать ступенек. Когда-то и привыкать надо.— И все-таки до конца он так и не смог выдержать свою роль. Когда пыхтение уже вплотную приблизилось к двери-ляде в мезонин и что-то снаружи как будто коготками поскреблось об нее, он нагнулся и, раскидывая створки ляды на две стороны, торжественно объявил:

— Ну, а теперь пожалуйте, принцесса.

Из отверстия ляды сперва появилась круглая, как кочан, русая головка совсем крохотной девчушки, а потом закраснело и ее платьице. Так вот, оказывается, кто все время неутомимо бегал внизу взад и вперед по дому и теперь отважился добраться сюда по крутым ступенькам. Ну и чем же не зверек, если у этой девчушки в красном платьице, которой было от роду не больше двух лет, оказались такие коготки, что она, цепляясь ими за ступеньки, все-таки сумела одолеть на четвереньках этот непростой для нее подъем. И, еще не встав на ножонки, поднимая голову и бесстрашно взглядывая снизу вверх на деда своими глазенками, будто подкрашенными изнутри густой синькой, оповестила:

— Дедуся, Лена пришла.

— Ну и кто же это ей позволил? — строго спросил у нее дед.

— Я сама.— И, вставая с четверенек, обнимая ногу деда, она вкрадчиво попросила:— Не нужно, дедуся, Лену ругать.

Тут ее взгляд зацепился за бороду Будулая, и испуг, вспыхнувший у нее в глазах, сделал их еще более синими. Она крепче прижалась к ноге деда. Тот поспешил положить свою руку на ее ярко-желтую, как спелый подсолнух, головенку:

— Это, Лена, хороший дядя.

Еще минуту она пытливо изучала бороду Будулая и потом, решительно согласившись со своим дедом: «Это хороший дядя»,— оторвалась от его ноги, чтобы тут же и вступить во владение всеми теми богатствами, которые таила для нее эта зеленая комната. Сразу можно было увидеть, что власть ее здесь была безгранична и ей не надо было подсказывать, как распорядиться всеми этими пеньками, обрубками и чучелами, которыми между книгами были заставлены все полки в комнате ее деда. Тут же она и начала распоряжаться ими, по-хозяйски двигая и перетасовывая их, явно озабоченная поисками чего-то такого, что, несомненно, в данный момент интересовало ее больше всего на свете. Ее обдавало пылью, вспорхнувшей с потревоженных полок, и она то и дело чихала. Все это время дед неотрывно наблюдал за ней такими же сине вспыхнувшими глазами.

Но вот она, кажется, нашла то, что ей нужно было. Из-за чучел и снопов сухих лесных трав она извлекла большую плоскую коробку и, победоносно взглянув на своего деда еще больше просиявшим синим взглядом, тут же уселась посреди комнаты на цветную дерюжку. Раскрывая перед собой коробку, она засмеялась журчащим смехом при виде того сокровища, которое открылось ее взору: многоцветной россыпи маленьких и больших жуков, которых, по ее убеждению, только для нее и мог насобирать в лесу ее дед. И, судя по всему, он совсем не намеревался разуверять ее в этом, наблюдая за тем, как она, высыпав на половичок жуков, играет и любуется ими.

— Но это, Будулай, ты теперь ее видишь такой,— сказал Ожогин,— а посмотрел бы, какая она была, когда ее непутевые мать с отцом только привезли к нам. Еще вся красная и такая худенькая, что, когда мне на вокзале в Шахтах дали ее подержать, страшно стало. Звереныш. И наша Оля, еще сама дитя, совсем не знает, что с ней делать. Еще к тому же и молоко у нее пропало, вся черная стала, из стороны в сторону шибает. А когда этот залетный гусь увозил ее от нас — как лесное яблоко была. Ну, какая же после всего этого из нее могла быть счастливая мать. Мы с женой только переглянулись друг с другом, и жена тут же за нас обоих заявляет им: «Вам надо пока доучиваться и вообще на ноги стать, а она будет с нами жить». Вот так с тех пор и живем тут на лесном кордоне опять втроем...

Краснело посредине комнаты пятно платьица на ковре-половике. Лесное солнце, пробиваясь сквозь лиственную зыбь, подкрашивало круглую, как кочан, головенку зеленцой. Лишь изредка, вспомнив о Будулае, девчушка подползала к своему деду, чтобы удостовериться:

— Это хороший дядя, да?

— Конечно, Лена, хороший. Это у него только борода страшная,— приласкав ее русую головенку своей большой рукой, отвечал дед.

И, успокоенная, она опять отползала к своим жукам.

— Но не такое это простое дело, Будулай, с ребенком в глухом лесу. Конечно, основные заботы легли на плечи Маруси, моей жены, ей надо и кашку сварить, и пеленки постирать, и, кроме как в бабушкиной постели, эта принцесса, видите ли, не согласна спать... Но и у меня уже свой круг обязанностей есть. У нас с женой разделение труда. Я должен вовремя ногти и волосы подстричь, занозу вытащить, а если надо, то и клизму поставить. Не знаю, откуда только у меня все эти способности взялись, но все это считается моим делом, и отношусь я к нему вполне серьезно. И ничего мне не надо, как знать, что она и поела и управилась кое с чем хорошо, а если еще подойдет и, заглядывая снизу вверх своими синими глазенками, скажет: «Дедуся»,— то ты уже больше чем Герой Советского Союза. Женился я не как-нибудь, а по довоенной еще любви, и работа, как я уже сказал, у меня любимая, но только теперь, когда она вот так прижмется к коленке и скажет: «Дедуся»,— я могу сказать, что это лучшие минуты моей жизни. Тут я одну французскую пословицу вычитал: «Первый ребенок — последняя кукла. Первый внук — первый ребенок». Так и есть. И все бы теперь, Будулай, было хорошо, если б в этом не было еще и другой стороны,— внезапно заключил Ожогин.— Но в этом ты, может быть, меня и не поймешь, и знаешь почему?

Будулай, не отвечая, смотрел на него.

— У вас, цыган, все проще. Должно быть, и к своим детям вы не так привязываетесь, не говоря уже о внуках, все потому же, почему и к одному месту не можете привязаться никак. А я теперь уже больше всего боюсь, как бы отец с матерью в один прекрасный день не приехали за ней и не увезли с собой. Так ведь оно когда-нибудь и должно быть. Поживут немного по своей молодости ради самих себя и о своей дочушке вспомнят. А ее к тому времени тоже может к своим молодым родителям потянуть, не век же ей при дедах жить. И тогда неизбежно наступит тот день, когда эти топотушки перестанут по дому лопотать. Сколько ни прислушивайся, не слышно будет их. Опять станет пусто в доме.— Он взглянул на внучку, которая, ни о чем не подозревая, играла лесными жуками у его ног, и вдруг зажмурился так, будто солнце ударило ему в глаза. Когда он снова открыл их, взгляд у него оказался совсем померкшим.— Но до этого пусть меня лучше на бугор отвезут.— Отвечая на вопрос в глазах у Будулая, он пояснил:— Так у нас тут эту самую конечную остановку зовут. Конечно же, глупо так говорить, но это же не зависит от меня.

Он мимолетно дотронулся ладонью до груди, и Будулаю явственно почудилось, как там, под ладонью, что-то хлюпнуло у него. И вдруг у самого Будулая что-то заныло в том же самом месте. Вставая, он молча протянул Ожогину руку.

Тот страшно удивился:

— Что это ты заспешил?

— Нужно мне ехать,— сказал Будулай.

Ожогин искренне опечалился.

— Ты же собирался заночевать у меня.

— Нет, мне пора,— твердо сказал Будулай.

Нет, он совсем не намеревался кого-нибудь обманывать: ни Ваню, когда говорил ему в кузнице, что накочевался уже на всю свою жизнь, ни генерала Стрепетова, начальника конезавода, но почему же чем дальше втягивался в дорогу, тем все привычнее его уху эта неумолчная песня степного ветра и тем ярче разгораются тлеющие на самом дне памяти угли из-под праха времени, сдуваемого этим ветром.

Не помнил он и того, чтобы когда-нибудь раньше так беспокоили его сны. Разве что в самом раннем детстве, когда, внезапно пробудившись от сновидения на ворохе тряпья,

как от толчка, всегда можно было увидеть, как трепещут между ушами лошадей звезды, а иногда по дороге прямо навстречу катилась луна и, разрастаясь, вплывала под полог кибитки, все заполняя собой. Окончательно проснувшись, он кричал «Мама!», судорожно нащупывая подле себя ее руку. Сонным голосом успокаивая его, мать давала ему руку, и он, уцепившись за нее, опять засыпал под мягкий гул колес и под все одну и ту же песню, с которой никогда не расставался его правивший лошадьми отец.

А вот теперь его стали одолевать и такие сны, что, пробудившись под скирдой или под лесополосой от ударов собственного сердца, он долго не мог ощутить и себя и время своей жизни. Где он и когда мог очутиться там, где очутился, и то ли это розовое молоко молодой лунной ночи сочится сквозь истлевшее под дождем и ветром рядно шатра, которое матери уже не под силу было заштопать своей толстой цыганской иглой, то ли это со всех сторон уже занялись от немецких зажигалок камыши Кугейского лимана под Азовом, а он лежит в разведке и под ним подтаивает лед, к которому он прижимается грудью. А как-то вдруг пробудился он от мгновенного испуга, что земля, с непостижимой скоростью мчавшаяся до этого в пустоте, внезапно остановилась, намертво затормозив, и он лежал, обхватив ее руками, на какой-то полуосвещенной сумеречным светом закругленной равнине совсем один. Не было больше никого.

Вот когда впору было пожалеть, что, разуверившись еще в самой ранней молодости во всяких предсказаниях, которыми обычно угощали цыганские гадалки доверчивых людей, не верил он теперь и в сбыточность сновидений. Мало ли какое наваждение может нахлынуть на человека, когда ему неподвластен его собственный разум. Но почему же тогда с таким упорством повторяется все один и тот же сон, будто он — конь, а Клавдия и Настя попеременно пасут его. И каждый вечер, собираясь на ночлег, он ждет продолжения этого сна и потом, в дороге, ловит себя на том, что размышляет и тревожится по поводу увиденного во сне, как если бы увидел все это наяву, и допытывается сам у себя, что бы это могло значить. Так недолго и до беды в дороге, когда такое движение. Так и снует взад и вперед, встречаясь с ним и обгоняя его, всевозможный транспорт...

Вот бабка его, чтобы справиться с подобным наваждением, ни на минуту не задумалась бы, как ей поступить. Она взяла бы и выдернула из конского хвоста волос, обмотала его вокруг пальца и ровно в полночь бросила в огонь ягори, прошептав при этом соответствующую молитву.

Но и у коня того, на котором теперь едет Будулай, ни единого волоса не выдрать, и все цыганские молитвы он давно позабыл, да и, посмеиваясь, заключал он, пожалуй, уже поздно ему было бы возвращаться в тот мир сказок и гаданий, из которого он давно уже бежал, от которого отлучила его жизнь. Все, что когда-то так манило его и так пленяло его доверчивую детскую душу, уже давно утратило для него свою прелесть. Никакого от жизни обмана он уже не хотел. Никакого обмана не надо, это все для слабых душой, которые утешают себя надеждами на то, что никогда не сбывается и не может сбыться.

Не только кому-нибудь другому, но и ему самому уже впору было спросить у себя: «Так что же это в конце концов с тобой происходит, Будулай, и кто ты такой? Если ты уже не кочевой, а вполне сознательный и на все сто процентов советский цыган, то каким же это ветром все время подхватывает тебя и опять ты мчишься на своем мотоцикле по осенней степи. Конечно, это уже не цыганский конь и не копыта выцокивают по затвердевшему грунту дороги какую-то древнюю песню, навевающую сон, но все равно ведь под тобой седло и как там ни объясняй, а это все та же дорога с шорохом наматывается на колесо и все та же убегает по сторонам степь с ее обагренными осенью лесополосами. И как же в конце концов вышло, что ты теперь спешишь промчаться мимо своих соплеменников, ни на секунду не задерживаясь, боясь, что они могут спросить у тебя: «А не ты ли громче всех агитировал нас, чтобы мы, темные рома, раз и навсегда бросили бродяжничать и сели на землю, как все другие люди, и при этом бренчал перед нами, особенно перед цыганками, своими боевыми орденами, надеясь ослепить их, растопить их сердца, а через них добраться и до сердец цыган. И что же после всего этого нам, темным рома, думать о тебе, передовой ром Будулай, если ты теперь самый кочующий из всех нас цыган. Вон как рвет и рвет голубое полотно воздуха твой бензиновый зверь, и пока мы доскрипим на своих телегах от одного шлагбаума до другого, ты уже целую сотню их оставишь позади. А твои ордена при этом позвенькивают на ухабах дороги, наглухо запертые на замок в дорожном сундучке, притороченном к раме мотоцикла».

А что, если и в самом деле правду сказала Настя и это он едет не куда-нибудь, а просто бежит от самого себя?

* * *

— Ох, мой Громушка-Гром, научи меня, как мне дальше быть? Мои же родные детушки все шибче шатают меня, как ветер вербу, и какая-то я бываю совсем не своя. Месяц за месяцем, Гром, как на крыльях, все летят и летят куда-то назад, и теперь мне вдруг иногда начинает казаться, что я твоего бывшего хозяина, этого несчастного цыгана Будулая, никогда не видела в лицо, а придумала его себе или же приснился он мне когда-то уже очень давно. А сейчас-то он мне и нужен больше всего, пусть и не он сам и даже не письмо от него, а хоть бы какая-нибудь самая маленькая весточка, чтобы я только знала, что он живой и здоровый.

Нет, Гром не оставался равнодушным к ее словам. Собрав своими шершавыми влажными губами с ладони Клавдии крошки сахара, он все еще не отпускал ее руку и не отходил от нее. Он все, конечно, понимал, а если и не так, то откуда же эти протяжные вздохи и это не сильное, но требовательное постукивание ногой по земле, как будто он настаивал перед кем-то: «Ну скорей же...»

Земля отвечала ему порожним звоном.

* * *

С подножки самосвала спрыгнула на ранней заре перед хутором смуглая молодая женщина в летнем платье, засеянном красным горошком по белому полю, и пошла наискось от дороги к кукурузному массиву, желтеющему сквозь просвет в лесополосе. Из шоферской кабинки вдогонку высунулся пшеничный чуб, вспыхивая под октябрьским солнцем, и суровый голос одернул ее:

— Тебе, Настя, пора уже привыкать полегче скакать.

Не оглядываясь, она только отмахнулась белой плетеной сумочкой в смуглой руке, и тот же голос, но уже примирительно, предложил ей:

— А то давай я тебя прямо в хутор доставлю.

Но и на этот раз она не оглянулась, только чуть полуоборачивая голову, с досадой мотнула ею:

— Нет, я же сказала, что сразу туда не пойду. Мне еще надо тут побыть.

Сдвинувшийся с места самосвал, съезжая на обочину, догнал ее, и чуб свесился из дверцы, приоткрытой с обратной стороны.

— Ну, тогда я на обратном пути за тобой спущусь.

Только после этого она, не останавливаясь, подняла голову, заглядывая под этот пшеничный чуб своими сердитыми черными глазами.

— Незачем. На этом же месте я тебя и буду ждать.

Михаилу Солдатову нужно было спешить на товарную станцию Артем за срочным грузом для конезавода, и поэтому у него не было лишнего времени для разговора с женой на развилке дорог.

— Ну, как знаешь.

Его чуб спрятался в кабину, дверца обиженно захлопнулась. Самосвал взревел, стороной объезжая Настю.

Ни единой души не было в этот сверххранний час перед хутором в степи, за исключением какой-то старухи, промышлявшей с мешком на кукурузном поле, которая, завидев Настю, тут же и шмыгнула в изжелта-зеленую чащу... Из неоднократно перечитанного письма Клавдии, которое Михаил так и вернул Насте, нигде не наткнувшись во время своих поездок на Будулая, знала она, что могилу своей сестры Гали ей теперь надо было искать не здесь, на горе, а в хуторе. И даже малейшего признака, где раньше могла быть эта могила, теперь не обнаружил ее взор. Все было перепахано вокруг, и оставлен был из расположенного под горой хутора лишь узкий прогон для скота в степь, истолченный копытами и сплошь унавоженный коровьими лепешками вперемешку с яблоками конского помета. Уже с самого раннего утра воробьи деловито выклевывали из него овсяные зерна. И после того, как эта старуха с мешком наломанных ею початков при приближении Насти поспешила спрятаться от нее в кукурузе, никого больше пока не было видно вокруг в этот час, чтобы расспросить... Видно, еще зоревали люди в хуторе под горой.

В том месте кукурузного поля, куда нырнула старуха, слегка шевелилась сухая листва, и Настя, по грудь забредая в золотистую чащу, окликнула:

— Бабушка, вы меня не бойтесь, я не местная.

Махровые метелки там, где затаилась старуха, зашевелились быстрее, и голова, закутанная серым пуховым платком, как куль, показалась было из них, но тут же и схоронилась обратно. Настя приободрила старуху:

— Мне только спросить у вас надо.

Теперь серый куль, раздвигая кукурузные будылья, выглянул из них больше, и не старческой зоркости глаза настороженно блеснули на Настю из-под надвинутого на самые брови платка. Настя подошла ближе. Дородная старуха стояла среди низкорослых будыльев на коленях, заслоняя собой мешок с початками.

— Мне, бабушка, надо узнать, где тут на цыганскую кибитку немецкий танк...

Договорить Настя не успела. Старуха метнулась от нее в сторону с проворством испуганной ящерицы и, привставая с коленей, рысью побежала в глубь кукурузного массива, волоча за собой по земле мешок с початками.

— Куда же вы, бабушка?! — в недоумении крикнула ей вдогонку Настя.

Но старуха, даже не оглянувшись, вдруг легко вскинула себе на загорбок большой мешок и побежала от нее прочь, хрустя будылями, оставляя за собой по кукурузе извилистый след. Неописуемая злость ударила в голову Насте:

— Ах ты, старая воровка! — устрашающе закричала она вслед старухе. — Вот я сейчас тебя догоню и прямо в милицию сдам. Шибче беги, а то я сейчас же догоню! — И, развеселившись, засунув пальцы в рот, Настя протяжно свистнула по-мужски. — Улюлю, догоню! — грозила она и топала ногами.

Куда там догнать было, за бедной старухой едва успевали смыкаться будылья. Но свой мешок она не бросила, и оттого казалось, что два шара катятся по кукурузному полю между махорчатых метелок, маленький и большой. Закутанная в теплый пуховой платок голова старухи и ее туго набитый кукурузными початками мешок.

Всплывающее из-под горы, из-за Дона, солнце еще только начинало шарить своими первыми лучами по степи, подкрашивая и метелки кукурузы, перестаивающей на корню свой срок. Разлученная в самом раннем возрасте со своей старшей сестрой и с отцом, Настя почти не удержала их в своей памяти и, должно быть, поэтому, жалея о них, все-таки как-то вчуже, отстраненно представляла себе, какой смертью им довелось умереть на этом кукурузном поле. Тем более, что и Будулай рассказывал Насте об этом совсем кратко. Теперь же, окидывая медленным взглядом предутреннюю степь, она вдруг впервые воочию представила себе, как все это должно было происходить. Как безуспешно пытались уйти на своей жалкой цыганской кибитке ее сестра Галя и ее престарелый отец от танка и как по-страшному умирали они, настигнутые его гусеницами на этом ку-

курузном поле. Леденящий ужас, объявший Настю, сплелся в ее сердце с доселе не испытанной мучительной скорбью, а какое-то мгновение вдруг даже почудилось ей, что это не утренней степной зарей окрашены острые лезвия кукурузы, иссушенной и приклоненной к земле астраханской черной бурей. И, объятая почти суеверным страхом, Настя бегом бросилась в ту сторону, где лежал под горой хутор.

Уже на половине спуска из степи в хутор она услышала впереди себя на дороге дробную россыпь множества копыт. Из-за нависающей над дорогой глиняной кручи прямо на нее вдруг надвинулся конский табун, и не успела она посторониться, как длинная теплая морда уже уткнулась ей в плечо и задышала над самым ухом, щекоча ей своим дыханием шею. Инстинктивно отшатываясь, Настя хотела отступить с дороги, но эта глазастая атласная морда настойчиво последовала за ней, толкая ее в плечо. И, поднимая глаза, Настя с радостным испугом ахнула:

— Гром?!

Замыкавший табун верхом на пегой лошади старик в фуражке с казачьим околышем тоже испуганно закричал, угрожающе щелкнув над головой длинным кнутом:

— Гром! Ах ты, цыганское отродье! — И он издали предупредил Настю: — Ты, гражданочка, не бойся его, а только на месте стой.

— А я и не боюсь,— улыбаясь сквозь затуманившую вдруг ей глаза пленку, радостно говорила Настя. Знакомая, с длинными чуткими ушами морда расплывалась перед ее глазами, и она видела только желтое пятно.— Так это ты, мой Гром?! Ну, здравствуй!

— Это у него такая дурная привычка к женщинам приставать, и он вас, должно быть, за другую женщину признал,— подъезжая, объяснил Насте табунщик. И вдруг подозрительно осведомился у нее: — А тебе откуда может быть известно, как его кличут?

— Вы ведь сами, дедушка, только что так называли его,— ответила Настя, лаская Грома, который настойчиво искал мягкими влажными губами у нее на ладони то, что привык всегда находить, и, не найдя, обиженно, шумно вздыхал.— Ничего, Гром, у меня для тебя нет,— виновато говорила Настя.— Если бы я могла знать, я бы, конечно, припасла для тебя, но откуда бы я могла знать.— И в доказательство она привычно вывернула перед ним карманы своей вязаной кофты, надетой сверх платья, как всегда это делала, когда приезжала, бывало, на отделение к Будулаю и, скормив Грому весь припасенный для него сахар, позволяла потом ему производить у нее обыск, пока он не убеждался, что у нее и в самом деле уже ничего не осталось.— Ни единой, Гром, крошечки.

Хмуро наблюдавший за всем этим со своего высокого казачьего седла табунщик возмутился:

— Ах ты, бабий прихвостень, мало тебе попрошайничать по всему нашему колхозу! Я тебе покажу, как у чужих людей на дороге ревизию делать.

И, подъехав вплотную, он раскружил над головой свой длинный кнут. Но Настя поспешила встать между его лошадью и Громом так, что табунщик в последний момент едва успел пронести кнут чуть выше ее головы.

— Это же я, дедушка, виновата.— И она сама шлепнула Грома ладонью по боку.— Беги, Гром, беги. А то из-за тебя и мне еще от твоего нового хозяина может достаться.— Недоумевая, Гром топтался возле нее, обдавая ее своим влажным теплом, и Насте пришлось повторить, с силой отпихивая его от себя: — Ну беги же скорей!!

Только после этого он обиженно отошел от нее и, оглянувшись еще раз, выкатывая яблоко глаза, рысцой потрусил догонять табун, поднимавшийся из хутора в гору.

— А ты к кому же в наш хутор? — внимательно оглядывая Настю с головы до ног, спросил у нее табунщик.— К сродственникам или в гости?

— К родственникам,— ответила Настя.

Приглядываясь к ней, табунщик усомнился:

— У нас в хуторе вроде цыганей нет. Один завелся было на развод и того в одночасье как ветром сдуло.

Настя весело возразила ему:

— Это вы просто, дедушка, не знаете. Есть в вашем хуторе и цыгане.

Старый табунщик не на шутку обиделся, и даже небольшие седые усы у него приподнялись над желтыми зубами.

— Как это я могу не знать, если я тут от самого пупка живу.— Вдруг его осенила догадка: — Так это же у тебя, должно быть, какой-ся из военных. Их у нас сейчас понапихано полный хутор.

— Из военных, дедушка, из военных,— с готовностью подхватила Настя, обрадованная тем, что, как оказалось, солгала она этому табунщику только наполовину. Из того же прочитанного ею письма этой женщине к Будулаю знала она, что его сын Ваня пошел учиться по военной части, а ведь она, Настя, как-никак была ему не чужой.

— Ну тогда другое дело,— сказал табунщик.

Так он ей и поверил. Медленно поворачиваясь на седле всем корпусом, он провожал Настю взглядом, пока она не скрылась за поворотом дороги, огибающей нависшую над хутором глиняную кучу. Ни единому слову этой молодой цыганки он, конечно, не поверил. Пусть она поищет простачков где-нибудь в другом месте, а он, слава богу, уже седьмой десяток разменял. Если судить по одежде и вообще по наружному виду, эта молодая цыганочка вполне может за какую-нибудь образованную врачиху или же за агрономшу сойти, но это еще ничего не значит. А ее драгоценные родичи последнее время что-то опять стали по степям шуровать и колхозных лошадей щупать. И очень может быть, что вот таких молодых да красивых цыганок они как раз и высылают впереди себя на разведку, чтобы те заранее прицелились, где что лежит и где кони стоят. Не миновать, пожалуй, на эти две-три ночи переселиться от старухи в каморку при конюшне, да и ей приказать, чтобы на ночь не бросала незамкнутыми курей. На теперешних колхозных сторожей, особенно после того, как у каждого в погребе уже отыграло свое вино, надежда плохая. И от председателя надо завтра же потребовать, чтобы натянули наконец хотя бы какую-нибудь железную сетку вокруг конского двора, сколько же еще можно напоминать. От вора, понятно, не может быть запора, но все же. С цыганами шутки плохие. И раз им опять приспичило кочевать, то надо же им свой транспорт иметь.

И, окидывая обеспокоенным взглядом поднимающийся в гору табун, он невольно поискал среди лошадей Грома. Нет, Гром, как всегда, шел на своем месте впереди табуна.

Во всяком случае, стоит ему там в степи, на вольном воздухе, пока лошади будут на последней молодой отаве пастись, все это как следует обдумать. Ничего хорошего эта встреча с молодой красивой цыганкой, разнаряженной, как какая-нибудь городская краля, не могла предвещать.

Уже на окраине хутора, перед птичником, встретились Насте две женщины в белых халатах. Та из них, что была постарше, внимательно взглянула на нее и даже посмотрела вслед, провожая глазами. Но все это Настя лишь косвенным зрением отметила про себя и тут же забыла об этом, потому что она уже увидела большую братскую могилу в проеме улицы, которая, разрезая хутор надвое, выходила к Дону.

Как и над многими другими такими могилами, которые Насте до этого не раз приходилось видеть в других местах, над этой бронзовый солдат тоже, преклонив колено, приспускал к земле тяжелое знамя. Но то ли потому, что на приспущенном крыле этого бронзового знамени еще оставался отблеск задонской зари, то ли потому, что из-за плеча солдата почти такими же складками переливался потревоженный утренним ветром Дон, сердце у Насти вдруг затосковало так, как никогда еще в жизни.

Продолжение следует.

ИНТЕРВЬЮ «ОГОНЬКА»

СТРОГОСТЬ

В. БЛИНОВ,
министр юстиции РСФСР

ВОПРОС. Скажите, пожалуйста, как обеспечивается сочетание мер наказания и воспитания при осуществлении правосудия?

ОТВЕТ. Формирование нового человека неразрывно связано с искоренением преступности, разного рода правонарушений, антиобщественных проявлений и причин, их порождающих.

«Главное внимание,— говорится в Программе КПСС,— должно быть направлено на предотвращение преступлений». Среди государственных органов, находящихся на переднем крае борьбы с преступностью, важное место занимает советский суд. Осуществляя свои функции, он действует как орудие воспитания. Вынесение приговора, вся судебная деятельность сами по себе оказывают большое предупредительное влияние на лиц, склонных к антиобщественному поведению.

Суд воздействует на граждан главным образом убедительностью приговора, а не «жестокостью» наказания. Ставка на одну лишь суровость, оторванную от особенностей преступления и личности преступника, ослабляет возможности исправления и перевоспитания осужденного. Справедливо заметил в свое время К. Маркс, что «жестокость, не считающаяся ни с какими различиями, делает наказание совершенно безрезультатным, ибо она уничтожает наказание как результат права».

В условиях социализма каждый выбившийся из трудовой колеи человек может вернуться к полезной деятельности, говорится в Программе КПСС. Значит, дело заключается не в том, чтобы механически назначать максимально допустимые сроки лишения свободы, а, учитывая конкретные обстоятельства дела, в пределах санкции закона находить тот наиболее разумный предел, который, ставя осужденного в условия ограничения, оставлял бы для него открытой перспективу снова стать достойным гражданином советского общества.

В строго определенных случаях, когда речь идет о преступлениях, не представляющих большой общественной опасности, закон открывает перед судом возможность применения к виновному мер общественного воздействия. Их применение по своей сути является освобождением от уголовной ответственности, но ничего общего не имеет с прощением.

Тщательно взвешивая все «за» и «против», суд решает, достаточны ли для данной личности будут меры воспитания или степень ее опасности такова, что необходимо государственное принуждение. Применение мер общественного воздействия является выражением доверия к оступившемуся человеку, уверенности в его внутренних силах переломить себя.

Меры воспитания сопряжены еще с одним важным фактором — воздействием трудового коллектива на правонарушителя.

По действующему законодательству лица, совершившие малозначительные преступления, при наличии указанных в законе условий, могут быть переданы на поруки коллективам трудящихся по их ходатайствам, дела в отношении таких лиц могут быть направлены для рассмотрения в товарищеский суд, а если речь идет о подростках, то в комиссию по делам несовершеннолетних. При условном осуждении суд по ходатайству или с согласия трудового коллектива вправе возложить на него обязанность по перевоспитанию и исправлению виновных.

Применение предусмотренных законом мер воспитания прочно вошло в практику и полностью оправдывает себя. И здесь важно подчеркнуть ответственность коллективов трудящихся и организаций, принявших на себя обязанности по исправлению и перевоспитанию своих товарищей, совершивших антиобщественные поступки. Большой вред делу наносится там, где в применении мер воспитания усматривают только одну сторону — освобождение от уголовного наказания и забывают о другой — ответственности за воспитание человека, взятого коллективом под свою опеку.

ВОПРОС. Что изменилось в руководстве судами с образованием Министерства юстиции?

ОТВЕТ. Три года назад по решению ЦК КПСС и Совета Министров СССР была создана система органов юстиции, которым переданы функции судебного управления. В областях и краях образованы отделы юстиции, а в автономных и союзных республиках — министерства.

Образование органов юстиции и переход к ним организационного руководства судами благотворно сказались на судебном управлении. Раньше оно осуществлялось вышестоящими судебными органами. Такое смешение судебных и управленческих функций отвлекало много сил от выполнения основной обязанности суда — осуществления правосудия. В то же время оставляло желать лучшего руководство судами.

Создание органов юстиции — это практическое воплощение в жизнь курса партии на совершенствование государственного управления. Освободившись от несвойственных им функций управления, суды могут теперь значительно глубже заниматься рассмотрением судебных дел. Укрепились их связи с государственными и общественными организациями, активизировалась профилактическая работа. Одновременно органы юстиции, сконцентрировав внимание на вопросах организационного руководства судами, подняли уровень судебного управления, что в конечном счете самым положительным образом сказалось на общем состоянии законности.

Судебное разбирательство включает в себя деятельность многих участников процесса. Важную и активную роль играют, например, адвокаты, эксперты. В связи с тем, что руководство адвокатурой и судебно-экспертными учреждениями также осуществляется Министерством юстиции, оно воздействует на повышение уровня судебной деятельности путем совершенствования работы адвокатов и экспертов.

Улучшилась переподготовка кадров судебных работников. Повышение их квалификации ведется на более совершенной организационной основе. При министерстве созданы республиканские курсы повышения квалификации работников юстиции. Здесь обучаются судьи и сотрудники юридических учреждений. А на местах имеются филиалы республиканских курсов. Министерство юстиции координирует деятельность государственных и общественных организаций по правовой пропаганде, правовому воспитанию граждан, особенно молодежи.

Более целеустремленно и интенсивно осуществляется материально-техническое обеспе-

И СПРАВЕДЛИВОСТЬ

чение судебных органов. Это в немалой мере способствует повышению культуры в деятельности судов, совершенствованию организации их труда, более эффективному использованию рабочего времени судей. Развернуто строительство новых помещений для судов, принимаются меры к их оснащению техническими средствами — магнитофонами, диктофонами, переговорной и иной аппаратурой.

Создание министерства и органов юстиции способствовало улучшению координации деятельности судов с другими административными органами, установлению более тесной связи с ними для выработки и проведения совместных профилактических мер.

ВОПРОС. В какой форме, какими методами суд выполняет свои воспитательные функции?

ОТВЕТ. Прежде всего организацией самого судебного процесса. Весь судебный ритуал, от начала и до конца основанный на строжайшем соблюдении закона, наглядный показ истоков преступления и его юридических последствий оказывают огромное правовое воздействие. Здесь нет мелочей и все важно: и своевременность начала судебного заседания, и поведение судей, прокурора, адвоката, степень подготовленности к процессу и овладения материалами дела, непредвзятость в исследовании доказательств и многое другое. Воспитательный эффект слагается из самых разных компонентов судебного процесса, среди которых нужно прежде всего назвать обеспечение законности самим судом.

Большое воспитательное значение имеют выездные судебные заседания, которые организуются в коллективах по месту работы или по месту жительства виновных. Такие процессы вызывают повышенный общественный резонанс, вокруг них собирается большая аудитория, они помогают коллективам вскрыть в своей собственной среде беспорядок, неурядицу, изъяны в работе с людьми. Министерство юстиции поощряет практику проведения подобных процессов, число их увеличивается. Но при этом мы подчеркиваем, сколь важно тщательным образом подготовить такой выездной процесс. Только тогда он обретет подлинно воспитательное значение.

Исследуя материалы дел, суд имеет в виду не только вопросы виновности и назначения наказания. Важное значение придается выявлению и устранению причин, условий, способствующих совершению преступлений. Можно хорошо провести процесс, дать правильную юридическую оценку, определить справедливое наказание, но если останутся в тени обстоятельства, породившие преступление, значит, суд не довел дело до конца. Одна из его существенных обязанностей заключается в том, чтобы дойти до корней правонарушений и обеспечить их устранение.

Воспитательная роль суда при выяснении причин, порождающих преступные посягательства, особенно важна тем, что охватывает и командный состав предприятий, учреждений, организаций, побуждая его критически осмыслить положение дел в коллективе и оперативно ликвидировать недостатки в работе. Закон вооружает органы правосудия определенными правовыми средствами для успешного выполнения этой важной государственной задачи. Установив изъяны в хозяйственной, воспитательной, организаторской деятельности предприятий, учреждений, строек, учебных заведений, изъяны, создавшие благоприятную ситуацию для преступления, суд доводит о них до сведения руководителей. Они обязаны принять необходимые меры и в месячный срок сообщить суду, что практически сделано для устранения обстоятельств, способствовавших преступлению.

Министерство юстиции РСФСР недавно проанализировало практику вынесения и исполнения частных определений. Разработаны меры, направленные на повышение их роли в предупреждении правонарушений.

Чрезвычайно важной формой воспитательного воздействия суда является участие в судебном заседании общественных обвинителей и защитников. Этот демократический институт, получивший широкое распространение в практике работы судов, способствует мобилизации внимания всего коллектива к вопросам укрепления законности, общественного порядка, утверждения коммунистической нравственности в быту. Для правового воспитания трудящихся очень важно обсуждение судебных приговоров в коллективах, освещение судебных процессов в печати.

ВОПРОС. Вы говорили о повышении воспитательной роли судов. Нельзя ли привести некоторые примеры из практики?

ОТВЕТ. Ну вот хотя бы народный суд Торопецкого района, Калининской области.

Народный судья Т. Н. Царькова обратила внимание на распространившиеся случаи хулиганства и других нарушений общественного порядка в колхозе «Россия». В связи с этим поступившее в суд уголовное дело об особо злостном хулиганстве было решено рассмотреть в колхозе. Подготовленный самым тщательным образом выездной процесс проводился в колхозном клубе. На суде присутствовало более трехсот человек. В судебном заседании, кроме прокурора и адвоката, участвовал общественный обвинитель. В ходе процесса, проведенного на высоком профессиональном уровне, было вскрыто и убедительно показано, что привело обвиняемого на скамью подсудимых, выявлены недостатки в воспитательной работе.

Суд определил строгую меру наказания виновного, и присутствующие с одобрением восприняли приговор. Характерно, что нарушения общественного порядка на территории здешних сел после этого резко сократились. В перевоспитании преступников велика роль не только судебного процесса, но и самого судьи.

Вот один из таких примеров. Народный судья Свердловского районного народного суда Москвы Е. Н. Цветкова ведет большую, плодотворную работу по перевоспитанию несовершеннолетних правонарушителей. Она наладила тесную связь с воспитательно-трудовой колонией, регулярно посещает ее, встречается с подростками, осужденными в суде под ее председательством, интересуется их поведением, проводит беседы, лекции. Стараясь пробудить у воспитанников интерес к литературе, искусству, спорту, организует встречи с писателями, артистами, известными спортсменами. Осужденные и их родители ведут обширную переписку с судьей. Многие после освобождения приходят к судье и по ее совету, при ее помощи находят свое место в жизни.

Позволю себе привести выдержки из письма одного такого подопечного Цветковой, он отбывает наказание за грабеж: «...Я поставил перед собой задачу выйти досрочно, с хорошей характеристикой... Товарищ судья, от всего сердца я прошу Вас простить меня, я понимаю, что мне трудно поверить в настоящий момент, но я постараюсь доказать, что мне можно верить. Я прошу Вас передать мои глубокие извинения моему потерпевшему... Я надеюсь, что, когда я выйду из колонии, мы с ним обязательно встретимся и о многом поговорим. Еще раз прошу прощения у Вас, у моего потерпевшего и у всего советского народа».

ВОПРОС. В чем вы видите главную задачу судов в настоящее время?

ОТВЕТ. В предупреждении преступлений. Министерство юстиции придает этой стороне судебной работы чрезвычайно большое значение. При этом речь идет не только о всемерном развитии традиционных форм судебной профилактики, в основе которых лежит работа по отдельным делам, но и о широких комплексных мероприятиях, базирующихся на глубоком анализе всей судебной деятельности, тесном контакте с прокуратурой, милицией, предприятиями, учреждениями, учебными заведениями, мероприятиях, охватывающих наиболее часто встречающиеся недостатки в работе предприятий, учреждений, организаций.

Важнейшим направлением в предотвращении правонарушений является всемерное усиление воспитательной роли судебных процессов, связанной с укреплением законности, государственной и трудовой дисциплины, обеспечением сохранности народного добра, искоренением пьянства, повышением уровня правосознания, нравственной устойчивости граждан.

Совершенствование судебной деятельности предполагает неукоснительное, последовательное обеспечение процессуальных гарантий с тем, чтобы, как говорит закон, каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден. Необходимо полностью искоренить кое-где еще встречающиеся в судебной деятельности бюрократизм и волокиту. Крупный ущерб авторитету суда наносит равнодушие, с которым отдельные суды перекладывают рассмотрение дел с одного срока на другой и при этом неоднократно вызывают многих лиц. Такая порочная практика, кроме законного возмущения, порождает у граждан превратное представление о всей судебной деятельности.

Министерство юстиции РСФСР настойчиво занимается совершенствованием организации и стиля работы судебных учреждений, добивается повышения ответственности судебных работников за выполнение служебного долга.

Судебные учреждения по своей природе должны показывать пример высокой культуры, прежде всего правовой культуры. Культура судебной деятельности — емкое понятие, в основе которого лежат и профессиональные и нравственные критерии. Она проявляется не только в поведении отдельных сотрудников, но и в организации всей работы судебного учреждения. Правильно подмечено, что правовая культура — это не просто сумма юридических знаний, но и внутренняя потребность выполнять правовые предписания, не допускать никаких отступлений. Требования высокой культуры особенно важны и потому, что вся судебная деятельность проходит на глазах у людей, которые по ней судят о государственном аппарате. «...Культура управления,— подчеркивал Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев на XXIV съезде партии,— органически включает в себя и внимательное, заинтересованное отношение к нуждам и заботам трудящихся, оперативное рассмотрение их обращений и просьб. Атмосфера благожелательности, уважения к человеку должна царить в каждом нашем учреждении».

Беседу вел Ю. ЧЕРНЯВСКИЙ.

...Итак, подарок маршалу готов. Его снова придирчиво осматривают бывшие воспитанницы детдома «Соревнование» Клавдия Матицина (Степанова) и Валентина Бреева (Малышева).

Фото М. Мальцева.

ПОСЫЛКА ПРИШЛА С ФРОНТА

Листку бумаги почти тридцать лет. На нем — подпись Маршала Советского Союза Г. К. Жукова и дата: 20 февраля 1945 года. В тот день маршал вызвал к себе адъютанта и сказал:

— Вот это письмо отправьте по адресу, который указан сверху. Да вот еще что: тетради, карандаши, ручки найдутся в штабе?

Соберите посылку и отправьте вместе с письмом... Хорошо бы еще сластей каких-нибудь,— добавил Жуков. Затем маршал достал одну из своих фронтовых фотографий и отдал ее адъютанту.— В ту же посылку...

В детском доме «Соревнование», что обосновался с начала войны в Талдомском районе, Московской области, дети, чьи родители погибли на войне, каждый день поджидали почтальона. Началось это с того утра, когда Валя Бреева, самая шустрая из воспитанниц, свернула аккуратный треугольник, надписала адрес: «Действующая армия. Маршалу Советского Союза Г. К. Жукову» — и побежала на почту...

Много лет спустя, когда за столом собрались бывшие воспитанники детдома, я передал Вале книгу Г. К. Жукова «Воспоминания и размышления» с теплой дарственной надписью автора на титульном листе. Детдомовцы стали вспоминать, как привезли посылку с фронта с подарками маршала. Письмо, вложенное в посылку, читали все. Маршал желал детдомовцам крепкого здоровья, дружной коллективной жизни и успехов в учебе. Просил писать письма фронтовикам. И ребята писали. И, конечно же, в первую очередь маршалу. Вот одно из таких писем: «Дорогой Георгий Константинович! Мы горячо любим нашу Красную Армию, которая выгнала с нашей земли злых фашистов. Нам очень хочется, чтобы вы скорее разбили немцев и кончилась война. Тогда к нам приедут родные, и мы сделаем большой сладкий пирог. В детский дом мы пришли из тех мест, где были немцы. Многих из нас подобрали красноармейцы...

Обещаем вам, Георгий Константинович, хорошо учиться, жить дружно, не обижать маленьких. Вырастем большими, сильными, будем работать, помогать Родине...»

Бывшие воспитанники детского дома «Соревнование» сдержали свое слово. Валентина Федоровна Малышева, та самая Валя, которая отправила письмо Г. К. Жукову на фронт, так рассказывает о своей жизни:

— Училась в художественном ремесленном училище. Окончив его, поступила на Дулевский фарфоровый завод. Здесь и сейчас работаю, формовщицей фасонных изделий. Счастливо сложилась и судьба моих подруг по детскому дому. Всем этим мы обязаны нашей Родине. Это она нас спасла, воспитала. Была война, но мы, сироты, были обуты, одеты, сыты... Мы учились, как и сейчас, в мирное время, учатся наши дети. Кстати, у меня их двое...

Позже я получил письмо от Валентины Федоровны Малышевой. Она сообщила, что вместе с подругами решила изготовить в подарок Г. К. Жукову фарфоровую вазу. Их поддержали руководители завода. На вазе золотыми буквами начертали слова: «Маршалу Советского Союза Георгию Константиновичу Жукову. От дулевских фарфористов и благодарных бывших воспитанников детского дома «Соревнование».

Б. ПЕРЕЛЬМУТЕР

ПОЧТА «ОГОНЬКА»

Все дальше и дальше уходят в историю сражения Отечественной войны. Близится тридцатилетие великой Победы над фашизмом.

Все чаще и чаще ветераны боев вспоминают и разыскивают товарищей-однополчан. Тех, с которыми в тяжкие и славные военные годы стояли насмерть в обороне, поднимались в атаки навстречу свинцовому ветру, бродили партизанскими тропами, с кем грелись у костров на привалах, мечтали о встрече с любимыми... И нет ничего радостнее, чем весть от боевого друга, встреча с ним...

Не только ветераны — родные и близкие разыскивают не вернувшихся с полей сражений отцов, братьев, товарищей.

В «Огонек» приходит немало писем со старыми фотографиями. Читатели просят опубликовать их, чтобы тот, кто узнает себя, откликнулся, написал бы старому боевому другу или его родным.

Сегодня мы публикуем первую подборку таких фотографий.

ОТЗОВИТЕСЬ, БОЕВЫЕ ТОВАРИЩИ!

Фото 1. «Крайний справа,— пишет нам участник Великой Отечественной войны Иван Филиппович Прокопенко,— мой погибший брат Леонид Прокопенко, 1924 года рождения. В сорок третьем он писал, что служит в разведроте, и прислал этот снимок, на котором сфотографировался с товарищами-разведчиками. Адрес: **Ростовская область, Матвеево-Курганский район, село Ново-Спасовка».**

Павел Иннокентьевич Перетолочин прислал несколько снимков. Вот 3-й взвод 3-й роты 56-го отдельного гвардейского танкового полка, где он служил в должности стрелка-радиста, в среднем ряду в центре — командир взвода лейтенант Бакут **(фото 2)**. Лежат (слева направо) механик-водитель Ю. Кудрявцев и сам П. И. Перетолочин. **На снимке 3** — уральская девушка по имени Аня. С Аней автор письма познакомился в Нижнем Тагиле, где получал новые танки. Аня была одной из тех, кто отдал свои сбережения на строительство танковой колонны для фронта. Там, на митинге, они и познакомились, обменялись фотографиями и адресами. **Снимок 4** сделан перед боем в августе 1943 года. Крайний слева гвардии сержант П. И. Перетолочин. Далее сидят гвардии майоры, заместители командира полка и старший лейтенант командир роты, фамилий которых автор письма не помнит. В этом бою он был тяжело ранен, попал в госпиталь и выписался уже после Победы...

Адрес: **Иркутская область, Нижнеилимский район, деревня Прокопово, совхоз Березняковский.**

Фото 5. Сделано под Прохоровкой во время Курской битвы. Вы видите здесь бойцов 292-го минометного полка, входившего в 5-ю гвардейскую танковую армию генерала П. А. Ротмистрова. Слева направо — химик 3-й батареи Федор Леонтьевич Гандыбин из Горьковской области, старшина 3-й батареи Иван Васильевич Леонов, старшина 1-й батареи Дмитрий Бочков, командир расчета Георгий Карелин из Нижнего Тагила и старшина 1-го дивизиона Георгий Чупров из Коми АССР.

Адрес И. В. Леонова, приславшего это фото,— **Белгородская область (индекс 309151), Яковлевский район, село Кустовое.**

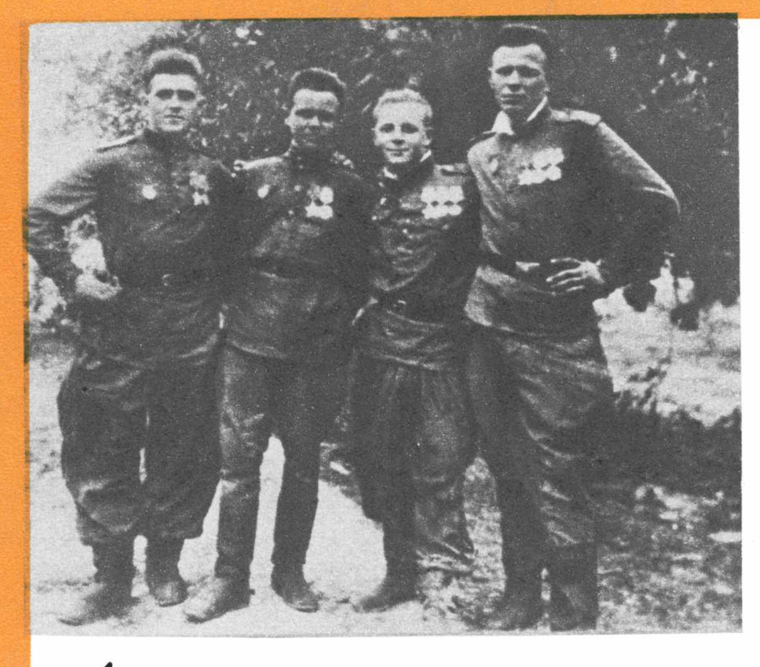
Фото 6. Командный пункт генерала Красновцева в 1942 году на Синявинском направлении Волховского фронта. Здесь запечатлены сотрудники штаба артиллерии 8-й армии.

Адрес гвардии майора в отставке Григория Семеновича Орлова, приславшего этот снимок: **Калининградская область, г. Мамоново, колхоз «Победа».**

И, наконец, **фото 7** — Берлин, 1945 год. У Бранденбургских ворот сфотографировались гвардейцы 8-й гвардейской армии генерала В. И. Чуйкова, 82-й гвардейской ордена Богдана Хмельницкого Краснознаменной Берлинской дивизии.

Прислал эту фотографию бывший командир отделения 91-го гвардейского отдельного саперного батальона С. Лодоков. Его адрес: **г. Улан-Удэ (индекс 670034), ул. Рылеева, д. 1, кв. 32.**

ПОЧТА «ОГОНЬКА»

1

2

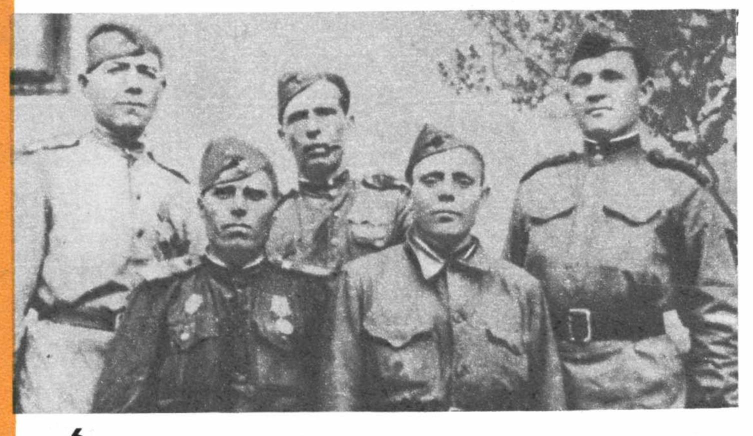

3

4

5

6

7

Г. Х. Назарьян (слева).

НОЧЬ У ЗАЛИВА ФРИШ-ГАФ

Арман ДАНЕЛЯН

Не так давно в Сочинском горисполкоме состоялась торжественная церемония: капитану запаса Г. Х. Назарьяну, бывшему начальнику штаба батальона 265-го стрелкового полка, а ныне руководителю сочинской архитектурной мастерской Гипроторга, был вручен французский боевой орден «Военный крест» и почетный знак ветерана авиаполка «Нормандия — Неман».

...В начале 1945 года на подступах к заливу Фриш-Гаф, неподалеку от Кенигсберга, завязались ожесточенные бои. Гитлеровцы упорно сопротивлялись.

Однажды над окопами батальона, в котором служил капитан Назарьян, разразился воздушный бой. Краснозвездные машины сбили два «мессершмитта», но и один из наших истребителей получил повреждения и упал. По летчику, спускавшемуся на парашюте в воды залива, гитлеровцы открыли бешеный огонь...

Спустя четырнадцать часов после воздушной схватки батальон поднялся в атаку, ворвался во вражеские траншеи и вышел на берег Фриш-Гафа. Как только стемнело, капитан Назарьян взял двух солдат и отправился на поиски летчика сбитого самолета. Искали долго, но все было тщетно. Залив казался безлюдным... Наконец капитан приказал промерзшим и усталым солдатам развести в окопе маленький костер. И тут со стороны залива послышался голос.

На прибрежном песке лежало несколько лодок. Выбрав ту, что была поменьше иссечена пулями и осколками, Назарьян спустил ее на воду и, с трудом выгребая обломком доски, отплыл от берега. Заместитель командира батальона А. Шутников подсвечивал ему путь ракетами. Гитлеровцы открыли огонь по лодке с советским офицером. Несколько мин разорвалось рядом, легкая посудина начала тонуть... В этот момент ракета выхватила из темноты бревно и уцепившегося за него человека в летном шлеме. Назарьян прыгнул в ледяную воду.

К счастью, Назарьян с детства был хорошим пловцом. До войны не раз принимал участие в дальних заплывах. И хотя воды зимней Балтики не сравнить с ласковой черноморской водой — спортивная закалка взяла свое. С трудом Назарьян добрался до берега и на руках вынес летчика на сушу. Их встретили бойцы, летчика уложили у костра. Расстегнули комбинезон — на гимнастерке спасенного поблескивал орден Отечественной войны. Когда пилот наконец пришел в себя, оказалось, что он француз, барон Франсуа де Жоффр, из первого отдельного Краснознаменного истребительного авиационного полка «Нормандия — Неман»...

Франсуа не скрывал своей радости. Ведь его искали не только советские воины, но и гитлеровцы. Они несколько раз проплывали неподалеку от Франсуа, стреляли из автоматов. Но Франсуа молчал, превозмогая боль и теряя последние силы. Он ждал товарищей по оружию — советских воинов, уверенный, что помощь непременно придет.

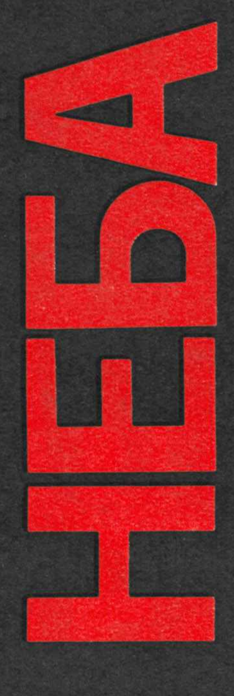
На следующее утро Франсуа де Жоффра доставили в госпиталь. В кармане гимнастерки он бережно хранил короткую записку. В ней было сказано: «Летчику истребительной авиации 303-й французской истребительной дивизии Франсуа де Жоффру. Спас вас 28.3.45 г., 0. 41 мин., в заливе Фриш-Гаф капитан Назарьян из 20 С. Б. Д. К. О. С. Д. 265 С. П. 1 батальона, полевая почта 61386. Пишите письма».

Увы, встретиться им не удалось: после войны Франсуа де Жоффр умер...

И все-таки Григорий Хачикович Назарьян «нашелся», вернее, «нашел» сам себя. Однажды он листал подшивку «Красной звезды». И вдруг в статье генерал-полковника инженерно-технической службы, доктора технических наук А. Пономарева «Отважные сыновья Франции» прочитал строки о себе.

С помощью редакции газеты Назарьяну удалось встретиться с Героем Советского Союза генералом Г. Н. Захаровым, который в годы войны командовал полком «Нормандия — Неман», и с его заместителем полковником-инженером С. Д. Агавельяном. Долго разговаривали о днях, давно минувших. Ветераны полка «Нормандия — Неман» поздравили своего коллегу и вручили ему портсигар и именной значок, завещанные своему спасителю Франсуа де Жоффром.

Г. МАКАРОВ
Фото автора.

СОН — станция орудийной наводки, так называлось одно из первых советских радиолокационных устройств. Не прошло и сорока лет, а бессонные потомки СОНа широко внедрились в систему войск противовоздушной обороны. Распахнув стальные крылья антенн, посылают свои импульсы в пространство мощные радиолокационные станции, ее локаторы обнаруживают и сопровождают воздушные цели. В тесной кабине самолета-перехватчика сияет фосфорический экран радиолокационного прицела.

Мы уже не удивляемся, читая сообщения о радиолокационных обследованиях Луны и других небесных тел, о применении сверхвысокочастотных излучений для вождения судов, борьбы с градом, но когда с этим достижением человеческого разума сталкиваешься вплотную, невозможно остаться равнодушным...

...Это было минувшим летом, далеко от города Н.

На командном пункте истребителей ПВО холодный, зеленоватый блеск экранов, мигающие цветные огоньки чуть подсвечивают фигуры операторов и штурмана наведения. Тихие, прямо в микрофон, команды: «204-й, вам высота 12...», «510-й, я — «Кобра», обходите фронт справа».

Идут учебные полеты. Сегодня погода не из простых. Солнце зашло, а на западе и северо-западе вздымаются черные грозовые громады. В них поблескивают молнии. Улучив свободную минуту, руководитель полетов спрашивает: «В каком районе вы живете!» Услышав ответ, щелкает переключателем диапазонов, поворачивает одну из многочисленных рукояток, смотрит на экран и улыбается:

— А у вас сейчас гроза!

Мне, конечно, трудно отличить картину грозы от других засветок и пятен на индикаторе. Но, приехав домой, я узнал, что в тот вечер над нашей улицей действительно бушевала гроза...

Сегодня, в День Советской Армии и Военно-Морского Флота, слушатели самой молодой в Советской Армии Военной Командной Академии ПВО наденут парадную форму, но многие ее выпускники — командиры авиационных и ракетных частей и подразделений, хозяева сложнейшей техники войск ПВО страны, будут, как всегда, нести боевое дежурство, бдительно охраняя советское небо.

Оператор.
Готовится учебный фильм.

На развороте вкладки:

Такой «ракете» не улететь дальше лабораторного стола.

В мире электроники...

Ю. КУЗНЕЦОВ

ФАКЕЛ НА СНЕГУ

Город Коувола, затерянный в лесах восточной Финляндии, не был широко известен до 9 января этого года. Но в тот день название города то и дело упоминалось в передачах радио и телевидения, ложилось на первые полосы газет, переходило из уст в уста.

«Событие номер один» — повторяли финны: деловые люди, правительственные чиновники, коллеги-журналисты. Событие, о котором пойдет речь, с самого утра стягивало в Коуволу потоки автомашин и посетителей. В пяти километрах от города на прогалине в густом хвойном лесу срочно достраивали дощатый помост, на него и прямо на землю укладывались темно-вишневые ковровые дорожки, устанавливались ряды кресел, музыканты военного оркестра в парадной форме примеривались к будущему «театру действий» у подножия мачты, на которой струились под ветром сине-белые и красные флаги.

В центре прогалины вздымалась семиметровая «свеча» — труба, на вершине которой в полдень должен был вспыхнуть символический факел в честь завершения строительства магистрального газопровода, пришедшего сюда из СССР. Именно это событие и привлекло столько внимания — официальное вступление в строй 125-километровой нити газопровода, построенного советскими специалистами совместно с рядом финских фирм и организаций. Собственно говоря, строители уложили и сдали в эксплуатацию еще один 34-километровый отрезок трубопровода — отводы от него сооружаются финскими фирмами. Первый и второй отрезки — это толстые трубы соответственно по 700 и 400 миллиметров в диаметре. Их прокладка от приграничной Иматры оказалась нелегким делом: трассу приходилось вести через скалистые гряды и лесные болота. Однако работы по контракту, выполнявшиеся строителями советской организации «Цветметпромэкспорт», были закончены точно в срок.

Окрестности Коуволы были избраны «точкой распределения газа» не случайно: город не принадлежит к числу крупных промышленных центров, он расположен на пересечении важных железнодорожных и шоссейных путей, отсюда рукой подать до индустриальных районов Финляндии, в частности неподалеку — нефтеперерабатывающие предприятия государственного акционерного общества «Несте», которое выступало как заказчик строительства газопровода. «Несте» получало большую часть сырья из Советского Союза, у акционерного общества богатые традиции сотрудничества с советскими торговыми организациями.

Многие западноевропейские страны, в том числе скандинавские, соседи Финляндии, столкнулись с большими экономическими затруднениями из-за так называемого энергетического кризиса. В отличие от этих государств в Финляндии не возникло необходимости строго экономить на отоплении, на освещении домов и улиц.

— По сути,— говорил мне один финский журналист, вернувшийся из поездки на север страны,— Финляндию и Швецию разделяет река Турнеэльв. По нашу сторону — город Торнио, на шведской — Хапаранда. Так вот, сейчас — разительный контраст: Торнио, как и прежде, сияет огнями, а Хапаранда — мрачный город, где почти нет никакого движения. Шведы (а у них сейчас карточки на бензин, причем квота мизерная) завидуют нам, а кое-кто пытается даже ездить на нашу сторону заправляться...

Двенадцать часов дня. На лесной прогалине многолюдно: советские и финские строители, представители фирм, деловых кругов общественности Коуволы и других городов, журналисты, работники кино, радио, телевидения. На торжественной церемонии присутствуют руководители Финляндской республики — президент У. К. Кекконен, председатель парламента В. И. Сукселайнен, премьер-министр К. Сорса, министр иностранных дел А. Карьялайнен, министры, сотрудники ведомств. На открытие газопровода прибыла советская правительственная делегация во главе с председателем Государственного комитета Совета Министров СССР по внешним экономическим связям С. А. Скачковым, присутствует посол СССР в Финляндии В. С. Степанов.

К микрофону подходит генеральный директор «Несте» У. Рааде.

Укладка труб на трассе газопровода СССР — Финляндия.

— Финское вам спасибо! — говорит он, обращаясь к советским строителям, обеспечившим работу самого высокого качества. Оратор выражает признательность Советскому Союзу за ускоренное строительство, что позволило получить газ не за три с половиной года, а ранее обусловленных сроков.— Надо ли подчеркивать,— сказал У. Рааде,— сколь ценны для Финляндии эти поставки сегодня, когда в мире свирепствует энергетический кризис.

И вот главный, торжественный момент дня: У. Рааде предлагает президенту Финляндии зажечь факел газопровода. Звучат государственные гимны Финляндии и Советского Союза. Президент подходит к пульту, установленному на помосте. На верхушке «свечи» вспыхивает оранжевое пламя. Вырвавшись из головной трубы, невидимый поток ревет, заглушая голоса людей, звуки оркестра. Огонь взлетает над лесом. Газ пошел!

— Хорошо потрудились наши ребята! — говорит, улыбаясь, генеральный директор строительства Герой Социалистического Труда Г. А. Харламов.— А ведь порой тяжеленько приходилось, но справились. Сделали все, что надо...

— А как совместная работа с финнами?

— Ладили великолепно,— отвечает генеральный директор.— Хорошо узнали друг друга. А вообще-то у нас тут не только люди, но и техника «сотрудничала»: трубы, например, мы клали шведские и французские, механизмы были финские и наши, советские. Так что была своеобразная международная кооперация — разделение труда.

Машинист по укладке труб А. Ф. Аферин говорит:

— Поработали на совесть. С финнами было приятно сотрудничать — строители они отменные.

В общественных и деловых кругах Финляндии рассматривают открытие газопровода как важный шаг в деле дальнейшего развития финско-советского сотрудничества не только в области энергетики, но и в других областях, что сейчас приобретает исключительное значение для обеспечения экономической независимости страны в условиях усиливающейся угрозы проникновения иностранного капитала.

Финская общественность, органы печати отмечают тот большой вклад, который вносит в развитие советско-финляндского экономического сотрудничества осуществленные и планируемые проекты. В их числе предпринятое с помощью Советского Союза строительство атомной электростанции под городом Ловиса, теплоэлектроцентраль на берегу Ботнического залива в городе Кристинанкаупунки, расширение построенного с советской помощью металлургического комбината «Рахе», участие финских рабочих и специалистов в строительстве леспромхоза в Карельской АССР и других проектах. Эти проекты не только помогают взаимному обмену опытом и техническими достижениями, но и, как многие подчеркивают здесь, занятости финских трудящихся. Успешное советско-финское экономическое сотрудничество осуществляется на базе советско-финляндского Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи.

Коувола — Хельсинки
(по телефону).

ЭВМ действует.

БОЙ ПОД

Александр СТЕПАНОВ

Рисунок И. ПЧЕЛКО.

Александр Николаевич Степанов (1892 — 1965 гг.) — автор одного из лучших произведений советской исторической литературы, романа «Порт-Артур». О жизни бывших портартурцев в период с 1905—1907 годов по февраль 1917 года А. Степанов рассказал в романе «Семья Звонаревых». Первые две книги этого романа выпустило издательство «Советская Россия» в 1960-м и 1967 году. Смерть писателя не позволила ему завершить работу над третьей книгой, в которой рассказывается о бурных событиях 1917 года, о боях красногвардейцев с германскими войсками, стремящимися захватить революционный Петроград. Именно эти отряды красногвардейцев и стали затем костяком нашей Красной Армии.

Фрагменты из третьей книги романа А. Степанова «Семья Звонаревых» публикуются впервые.

Эшелон штаба Дыбенко стоял на запасном пути.

В вагоне Коллонтай и Петров застали только Парского. Дыбенко еще не вернулся с объезда частей.

— Какова обстановка? — коротко спросила Коллонтай.

— По данным разведки, на фронте «Финский залив—Чудское озеро—Псков» германские войска в составе трех корпусов продолжают продвижение на восток,— ровным голосом сообщил Парский.— На Ревельском направлении передовые части появились у станции Орро, тут произошло несколько стычек с морскими частями и латышскими стрелками.

— Пошлите туда рабочие отряды,— предложила Коллонтай.

— Со временем, товарищ комиссар, рабочие отряды, возможно, и приобретут боевые качества, но сейчас нельзя рассчитывать на них, как на реальную боевую силу,— теребя бородку, сказал Парский.

— Рабочие отряды стеной встанут на пути немцев! — с жаром возразила Коллонтай.

Парский пожал плечами...

В предрассветном сумраке немцы атаковали рубеж, обороняемый полками старой армии.

С десяток орудий обрушили свой огонь на неглубокие окопы русских. И почти сейчас же, прежде чем захваченные врасплох солдаты пришли в себя, из синего предрассветного мрака появились цепи немцев.

Оба полка в панике побежали к Нарве. Их стремительный отход поставил в тяжелое положение соседний рабочий отряд Блохина. Он запросил помощи у Дыбенко, который тотчас приказал рабочему отряду Груздева и латышам Беманса оказать помощь атакованным частям.

Отряд был поднят по тревоге. Вдалеке слышалась артиллерийская пальба, затем раздались пулеметные очереди и ружейная перестрелка.

Вскоре прискакали верхом Беманс и его комиссар Калнберзинь.

— Вы готовы к выступлению?! — удивился командир латышских стрелков. — Узнаю ваш отряд... Немцы внезапно атаковали нашу пехоту. А эти пехотные полки старого еще формирования, дисциплины уже никакой нет — солдаты перетрусили и побежали!..

По шоссе в сторону Нарвы в беспорядке мчались повозки, артиллерийские упряжки, санитарные двуколки, крестьянские подводы. По обочинам шли солдаты, то и дело оглядываясь назад, откуда доносились гулкие артиллерийские выстрелы.

— Надо нам задержать солдат. Они в страхе не помнят себя и мчатся куда глаза глядят, — сказал Груздев. — Эй, Фесин! Бери своих прокатчиков и задерживай бегунов.

Красногвардейцы начали останавливать бегущих. Обозы после осмотра пропускали дальше, а команды с орудиями задерживали и сворачивали с дороги. Солдат отправляли под конвоем в соседнюю деревню. Кое-кто из задержанных попытался сопротивляться и даже угрожать оружием. Но с такими быстро справлялись.

— Куда вас несет?— кричал бегущим Фесин. — Красный Петроград собираетесь отдать немцам? Революции изменить хотите? Социалистическое Отечество в опасности, а вы, заячьи души, шкурничаете!

Некоторые злобно огрызались. Другие смущенно оправдывались:

— Сила-то у него большая, а мы почти что с голыми руками!

— У нас силы не меньше, чем у немца! — убеждал Фесин. — За нами весь рабочий класс, все бедное крестьянство. Немцам надо бояться нас, а не нам их!

...Встретив организованное сопротивление, немцы остановились. Однако подкрепления еще не было, и Нарву решили оставить: противник мог окружить город.

Инженер нашел Орехова во дворе склада боеприпасов. Обнесенные каменной стеной три длинных приземистых здания тянулись вдоль улицы. В глубине двора виднелось еще несколько деревянных сооружений. Около складов копошились люди.

— Вот хорошо, что вы тут появились, товарищ Петров! — обрадовался Орехов.— Мы хотим заманить немца в ловушку. Соседние улицы будем простреливать пулеметным огнем, а эту, идущую мимо склада улицу обстреливать не станем. В конце ее, у самого склада, соорудим завал и оплетем его проволокой.

Во двор вбежал запыхавшийся худощавый паренек в огромных солдатских ботинках.

— Идут целой колонной, впереди пулеметы, — доложил он. — Есть одна легкая пушка...

Орехов слегка свистнул. Из-за построек выбежали Туркин и двое моряков.

— Идут! — коротко сказал Орехов. — Уводи людей, Туркин, и помни, что бикфордовы шнуры рассчитаны только на десять минут...

— Эй, кто еще остался здесь? Выходи на улицу, да побыстрей! — крикнул в темноту Орехов.

Несколько молодых красногвардейцев торопливо выбежали за ворота.

— Запаливай!— приказал Орехов.

Один из матросов чиркнул зажигалкой. Маленький синеватый огонек осветил его лицо. Петров засек время на часах: было половина десятого вечера.

Ворота во двор склада оставили полуоткрытыми, как будто второпях их не успели плотно закрыть.

Узкая улица была перегорожена баррикадой, сооруженной из нескольких перевернутых двуколок и ящиков...

— Сюда, товарищ Петров! — проговорил Орехов, ныряя в узкую щель между ящиками. — Все в сборе? — спросил он Туркина.

— Все!

Где-то на соседней улице отрывисто застрочил пулемет. Сейчас же со стороны немцев раздались беспорядочные винтовочные выстрелы.

— Ишь, перепугалась немчура, — насмешливо заметил Орехов.

— Идут! — негромко предупредил Петров, заметивший несколько темных пригнувшихся фигур, мелькнувших на фоне белой стены.

— Огонь! — крикнул Орехов и выстрелил из винтовки по немцам.

Тотчас загрохотали винтовки красногвардейцев. Один из матросов, широко размахнувшись, швырнул гранату. При грохочущей вспышке взрыва Петров разглядел, как немецкая колонна метнулась в полуоткрытые ворота склада.

— Сигнал! — крикнул Орехов.

Кто-то из красногвардейцев выпустил в небо зеленую ракету.

— Отходи! — приказал Орехов.

Как впоследствии рассказали пленные, немецкие разведчики быстро нашли спокойную улицу, и наступающая колонна двинулась по ней... Но здесь их тоже обстреляли. Вся колонна, численностью до батальона, укрылась в просторном дворе склада, обнесенном к тому же высокой каменной стеной. Сюда же свернул автомобиль со штабными офицерами. Немецкие разведчики принялись в темноте обшаривать путаницу двора, стремясь найти обход баррикады с тыла и расчистить путь для движения колонны.

Немцы осмотрели ближайшие складские помещения, но обнаружили только беспорядочные груды снарядных ящиков.

Тем временем красногвардейцы с напряженным вниманием ожидали взрыва. Прошло положенное время, но кругом было тихо.

— Ничего не вышло, — с горечью проговорил Туркин. — Видать, подвели нас эти самые шнурочки моряков.

Вдруг огромный столб огня и дыма высоко метнулся к темному небу. Под ногами дрогнула земля. Целый град кирпичных осколков, горящих досок, обломков кровли посыпался на землю. Над складом быстро разгоралось зарево пожара, оттуда неслись отчаянные крики раненых, ругань, беспорядочная стрельба.

Как предполагал Парский, немцы, за ночь подтянув силы, на следующий день около полудня форсировали реку южнее города, в районе Кренсгольма. С часу на час они могли прервать железнодорожное сообщение с Петроградом. Это неизбежно повело бы к новому отходу, а позади оставался лишь один удобный рубеж обороны — по реке Луге. Но сейчас река замерзла, и

НАРВОЙ

немцы легко могли форсировать ее. Поэтому на совещании командиров всех отрядов, расположенных под Нарвой, было решено перейти в контратаку с целью сбросить врага за реку Нарву. По всему фронту загрохотали орудия.

После часовой артподготовки красногвардейцы двинулись в атаку. Их удар был так стремителен, что немцы не выдержали и начали отходить.

Рабочий отряд атаковал немцев на участке между шоссе и железной дорогой Петроград — Нарва. Впереди цепи, размахивая маузером, бежал Груздев. Прахов старался не отставать от него. Выставив вперед черные жала штыков, мчались мартеновцы и транспортники, пушкари и прокатчики.

— За Онуприенко, за Круповича, за Антропцеву! Бей врага! — яростно кричали атакующие.

— Даешь Нарвус! Вперед, за красный Петроград! За мировую революцию! — неслись возгласы с соседних участков.

Отряду Груздева удалось выйти во фланг вражеским частям. В это время сам Груздев, точно наткнувшись на что-то, вдруг откинулся назад и опустился на снег.

— Принимай команду, комиссар! — прерывающимся голосом воскликнул он, прижав руку к окровавленному правому плечу. — Вперед, товарищи! Бей врага! Да здравствует власть Советов!

Подоспевшие санитары вынесли командира из боя.

«Ударь сейчас справа моряки, и противник, не задерживаясь, покатится назад», — подумал комиссар Прахов.

И почти тотчас справа послышались грозные крики «ура». Короткими перебежками по глубокому снегу мчались вперед черные фигуры матросов. За ними двигались цепи Молодежного отряда. Слева виднелись серые шинели латышей, которые молча и быстро двигались на врага.

Ощутив поддержку на флангах, цепи рабочего отряда еще стремительнее покатились вперед.

Охватываемый с флангов, противник начал быстро отходить. Бойцы рабочего отряда достигли железнодорожной насыпи, примыкающей здесь к Нарвскому шоссе, и открыли огонь с близкой дистанции. Среди отступающих немцев началась паника.

Пехота, артиллерия, обозы, штабные автомобили карьером неслись по шоссе к Нарве.

А из-за насыпи дождем сыпались пули. Бросая артиллерию, обозы раненых, немцы в смертельном страхе мчались к реке.

Неожиданно откуда-то сбоку ударили четкие ружейные залпы и пулеметные очереди...

Прахов оглянулся. От реки во фланг рабочему отряду двигались густые цепи немцев. Их серо-зеленые шинели ясно выделялись на белом снежном фоне. С прибрежного холма строчили вражеские пулеметы...

«Враг бросил последние резервы... Сомнет нас! — подумал Прахов. — Надо задержать!»

Он решил повернуть цепь лицом к наступающему врагу. Но в это время с тыла на галопе вынеслось несколько артиллерийских упряжек. Пушки лихо развернулись и с ходу ударили по наступающим немецким цепям картечью. Враг сразу залег.

Однако отважные пушкари сами попали под пулеметный огонь противника и сразу понесли большие потери. Один за другим падали бойцы на любимые «пушечки», обильно поливая их своей кровью. Но оставшиеся в живых продолжали стрелять.

— Уж вы, ребятушки, постарайтесь. Наводите получше, чтобы сбить пулеметы! — кричал Прахов, подбегая к пушкам.

Но снаряды легких пушек не могли разрушить прочные каменные пулеметные гнезда, оборудованные немцами на прибрежном холме.

— Товарищи! Братцы! — закричал Прахов артиллеристам. — От вас зависит победа! Держитесь стойко!

Он сам подбежал к замолкнувшей пушке и принялся наводить ее на поднявшуюся немецкую цепь.

Как вдруг откуда-то сзади гулко ухнула тяжелая гаубица. Прахов обернулся. В полусотне шагов от него, около орудия суетились люди. Тут же стоял Петров, спокойно подавая четкие команды.

«Петров! Дорогой товарищ! — взволнованно подумал Прахов. — Как вовремя ты подоспел!»

Инженер поднес к глазам бинокль, а другой рукой сделал резкое движение. Гаубица грохнула и дернулась назад. Снаряд разорвался где-то за холмом.

— Прицел на два деления меньше! — скомандовал Петров.

Второй снаряд разорвался на вершине холма. Немецкие пулеметы сразу смолкли.

Петров снова отдал команду, и тяжелые снаряды стали рваться, разбивая еще уцелевшие пулеметные гнезда.

— Ура! Вперед! — тотчас раздалось от моряков.

— Ура! — подхватили красногвардейцы рабочего отряда.

Несокрушимый вал черных бушлатов, серых шинелей, разноцветных пальто и полушубков снова покатился к Нарве.

...С развевающимся красным знаменем подходила стройная большая колонна. Несмотря на разнообразную штатскую одежду — черные пальто, шубы, шинели, полушубки,— красногвардейцы четко печатали шаг.

— Что за отряд? — спросил Петров, разглядывая молодые лица бойцов.

— Сводный отряд социалистической рабочей молодежи Петрограда! — звонко ответил знаменосец, в котором Петров узнал Васю Алексеева.

«Из обломков старой царской армии, из рабочих отрядов создается новая армия»,— с волнением думал Петров, не отрывая глаз от молодежи.

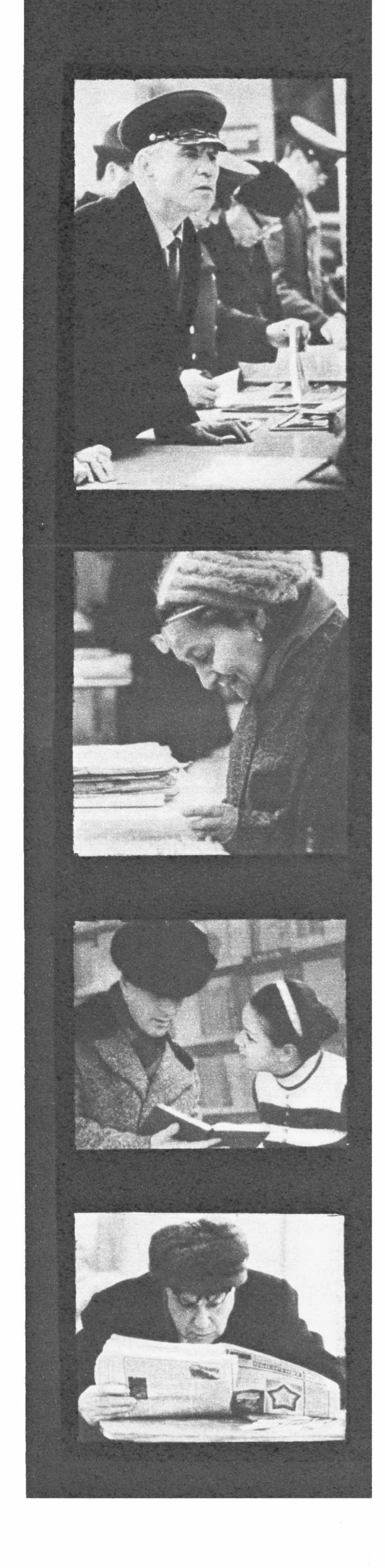
Он не заметил, как к нему подошла Коллонтай.

— Видели, товарищ Петров, как бежали от врагов надежные в кавычках кадровые полки? — спросила она.— А посмотрите на только что сформированные части. Да это стальные когорты будущей Красной Армии рабочего класса!

Дом военной книги Главного управления торговли Министерства обороны — один из популярных московских книжных магазинов...

К. БАРЫКИН,
И. ТУНКЕЛЬ

Книг здесь — многие тысячи. Письма сюда идут потоком. Ежедневно в магазине бывает около двух тысяч покупателей. За три года здешний клуб книголюбов провел 80 заседаний — 16 тысяч человек побывали на них. Словом, это магазин больших цифр. Поэтому с них мы и начали репортаж о московском Доме военной книги, о магазине, протянувшемся на полквартала большой столичной улицы — Садового кольца.

...Многие москвичи помнят «Военную книгу» на Арбате. Реконструкция потеснила старенькое двухэтажное здание, и книголюбы почувствовали себя немножко осиротевшими — магазин на Арбате не только знали, но и любили. И когда открылся магазин на Садовом, отнеслись к нему настороженно и, пожалуй, даже ревниво.

Поэтому особенно трудно было в первые месяцы работы. Приходили, сравнивали: «А там, знаете ли, было так». У книголюба мерки свои, нередко они диктуются привязанностями, устоявшимися симпатиями. Но даже старые книжники скоро признали:

— Тут, на Садовом, лучше.

В прежнем, что говорить, книга страдала от тесноты. При ней и новинки как следует не покажешь, не дашь места плакату и репродукции. Давно хотелось отвести комнату редкой, букинистической книге. В прежнем магазине не то что комнаты — угла подходящего не было. А здесь небольшой зал, холл, стенд новых поступлений...

Нашлось место и для кафе. Несколько столиков вдоль окна. Напротив дома — Полиграфический институт, студенты ухитряются забежать даже между лекциями. А в дни экзаменационных сессий сидят тут часами, дочитывают, конспектируют. Книги под рукой. В их ряду превосходная по составу мемуарная серия. Основной зал кафе — рядом. Он стал главным залом клуба книголюбов. Какие тут разгораются страсти, когда идет обсуждение той или иной новинки! Но дебаты дебатами, а это все же кафе. Телевизор, большой стол со сластями, самовар.

Собираются тут часто, запросто. Клуб стал местом, где по-военному прямо высказывается мнение о книге; не всюду встретишь такую четкость оценок, как здесь.

Открыт магазин вроде бы недавно — в 1970 году. В его тогдашней, первоначальной программе было записано: политическая, военная, техническая, педагогическая, спортивная литература. Подписные издания. Дальше—больше. Жизнь очертила новые грани работы. Прошло немного времени, и стали принимать заказы на книги Политиздата — спрос на них растет год от года,— Воениздата и Издательства ДОСААФ. Потом появился тот самый «необязательный» букинистический отдел. Не привыкли к нему пока книгочеи, невелик тут выбор литературы, но дело-то только начинается... Прекрасен отдел изобразительной продукции и плакатов. И, безусловно, лучший среди тех, что открыты в других книжных магазинах,— отдел канцелярских товаров.

— Важной является и та работа, которую Дом книги ведет за своими стенами,— заметил в беседе с нами начальник Главного управления торговли Министерства обороны генерал-лейтенант Е. И. Гольдберг.— Магазин не только ждет покупателя, не только приглашает его к себе, но и сам часто идет к читателю — в воинские части и на встречи ветеранов войны, в школы, в академии, в клубы... Словом, пользуется активными формами продвижения книги. И это приносит свои добрые результаты...

Нередко в магазине можно встретить известных военачальников, поэтов, писателей, композиторов. Они приходят к своим читателям и слушателям. В такие дни особенно людно. И празднично. Правда, для автора это не только праздник, но и работа — несколько часов за прилавком. Недостатка в именитых «продавцах» магазин не испытывает. Но все же, когда приезжал Герман Степанович Титов, пришлось за его книгой «Голубая моя планета» много раз посылать на склад: и без того признанная, в этот день книга расходилась сотнями экземпляров.

Немало книголюбов получили здесь автографы от автора популярной книги «Битва за Кавказ» Маршала Советского Союза А. А. Гречко. Встретиться с читателями сюда приходили Маршал Советского Союза И. Х. Баграмян, Главный маршал бронетанковых войск А. П. Ротмистров, Главный маршал авиации А. Е. Голованов и Маршал авиации С. И. Руденко, такие прославленные генералы, как Д. Д. Лелюшенко, И. И. Федюнинский, М. И. Казаков, Д. А. Драгунский...

А вот сегодня за прилавком испытатель парашютов полковник В. Г. Романюк.

Автору сейчас беседовать не с руки. Дел много. Мгновенно расходится несколько десятков экземпляров книги...

Такие встречи — одна из сторон деятельности магазина и его клуба, собравшего более пятисот книжников. Долгие годы совет возглавлял генерал армии С. Г. Поплавский; сейчас председатель совета клуба — генерал-майор Василий Фомич Коньков. Он уделяет много внимания ему, знакомится с новинками, кого-то приглашает на очередное заседание. Это он и его товарищи, профессиональные книготорговцы, работники магазина, такие, как А. Т. Баландина, И. Н. Давыдова, В. Ф. Киселева, О. Н. Сметанина, как директор Дома полковник И. И. Марков, да и вообще весь коллектив сделали магазин популярным.

КНИЖНЫЙ, ЧТО НА

Сегодня в роли продавца— испытатель парашютов полковник В. Г. Романюк.

САДОВОМ КОЛЬЦЕ

Юр. ЗУБКОВ

И ВСЕ ОКАЗАЛИСЬ В ОВРАГЕ...

I

Революционный, новаторский дух советского театра проявился и проявляется сегодня как при сценическом воплощении пьес, посвященных нашей современной действительности, так и произведений русской и мировой классики.

Приступая в конце тридцатых годов к репетициям «Трех сестер» А. Чехова и предупреждая участников будущего спектакля об опасности повторения готовых образцов, Вл. Немирович-Данченко говорил:

«...Гибель театральных традиций заключается в том, что эти традиции превращаются в простую копию... Наша задача должна быть простая и, так сказать, художественно-честная. Мы должны отнестись к этой пьесе как к новой, со всей свежестью нашего художественного подхода к произведению».

Но что это означает: отнестись к пьесе как к новой, найти свежесть художественного подхода к ней? Отнюдь не поиски внешнего «созвучия» с современностью, внешних аллюзий и ассоциаций, а открытие в великих творениях прошлого непреходящих духовных и нравственных ценностей. Постижение и передача заключенного в них богатства идей, проблем, чувств, живо волнующих нас и сегодня, остро, насущно необходимых нам в повседневной жизни, в строительстве нового мира.

Именно на этом пути одержаны нашим искусством такие крупные творческие победы, как «Горячее сердце» и «Последняя жертва» А. Островского, «Мертвые души» Н. Гоголя, «Плоды просвещения» и «Анна Каренина» Л. Толстого, «Три сестры» А. Чехова в Московском Художественном театре, «Отелло» В. Шекспира, «Власть тьмы» Л. Толстого, «Васса Железнова» и «Старик» М. Горького в Малом, «Маскарад» М. Лермонтова в Театре имени Моссовета, горьковские «На дне» в Ленинградском имени А. С. Пушкина, «Дачники» и «Мещане» в Большом драматическом...

Однако всегда ли театр следует подобному, единственно верному подходу к истолкованию и воплощению произведений классики? Всегда ли органически, естественно сочетает свежесть сегодняшнего взгляда с бережным, уважительным отношением к замыслу великого художника, к образному строю его творения?

Московский театр драмы и комедии на Таганке показал в постановке Ю. Любимова спектакль «Бенефис». В подзаголовке программки к этому спектаклю значится: «Актеры — А. Н. Островскому». А сама программка представляет собой фотографию, запечатлевшую первую сцену спектакля: Островский сидит на сцене, окруженный актерами театра. Старая фотография... Только вместо лиц тех актеров, что когда-то действительно окружали гениального драматурга, теперь вставлены новые портреты: лица участников сегодняшнего представления, тех, кто разыгрывает затем этот дивертисмент: сцены из пьес — «Гроза», «Праздничный сон — до обеда», «На всякого мудреца довольно простоты», причудливо перемежая их между собою, пытаясь найти своеобразные связи и сцепления между отрывками из различных произведений, а к тому же еще и «дополняя» эти отрывки репликами постоянно находящихся на просцениуме Несчастливцева и Счастливцева — героев комедии «Лес»...

Вот так, по-своему, театр решил откликнуться на юбилей великого русского драматурга, подчеркнуть его глубокие внутренние связи с актерской средой, взаимную их любовь... Театр исходил при этом из слов самого писателя, сказанных на ужине, организованном артистами в его честь:

«В самой ранней молодости, когда я еще ничего не писал для сцены, любовь к драматическому искусству и, еще неясно сознаваемое, призвание сблизили меня с артистами, и с тех пор я провел с ними двадцать лет в приятном и непрерывном собеседничестве. Общие успехи нашего дела более и более роднили нас».

Отчетливо прочитывается и самый принцип, по которому театр выбирает пьесы для своего представления: одна рисует нравы купечества, другая — мещанства, третья — дворянско-чиновничьей среды... И достаточно вспомнить слова Н. Добролюбова о том, что

комедия Островского хотя и «не проникает в высшие слои нашего общества, а ограничивается только средними и потому не может дать ключа к объяснению многих горьких явлений, в ней изображаемых», но тем не менее «она легко может наводить на многие аналогические соображения, относящиеся и к тому быту, которого прямо не касается». Да и прямо указывает критик, что «типы комедий Островского нередко заключают в себе не только исключительно купеческие или чиновничьи... черты».

Итак, театр предлагает нам обобщенный художественный образ «темного царства», характерного не только для мира купечества города Калинова, где происходит действие «Грозы», но и для замоскворецкого мещанства и для московского чиновного барства... Они проходят перед нами пестрой вереницей, сталкиваясь друг с другом и обгоняя друг друга,— Кабаниха и Мамаев, Дикой и Городулин, Капочка Ничкина и Машенька Турусина, Кудряш и Глумов, Варвара и Мамаева, Бальзаминов, Борис, Крутицкий, Устенька...

II

Театр, разумеется, вправе избирать героев для своего спектакля.

Однако после просмотра да и в ходе представления возникает ряд вопросов. И прежде всего: насколько полна и точна та характеристика «темного царства», которую театр предлагает нашему вниманию? Насколько соответствует она характеристике самого Островского? Вскрыты ли режиссером причины, порождающие взаимоотношения людей в этом «темном царстве»? Соответствует ли самый принцип изображения человека в спектакле принципу Островского, великого художника и великого гуманиста?..

Вспоминая, один за другим, образы героев спектакля, особенно остро ощущаешь в нем гнетущее одиночество Катерины.

Для нее не только нет выхода из создавшегося положения, но нет и ни одной доброй души, которая поняла бы ее, посочувствовала ей.

Сценическая характеристика Варвары, Кудряша и даже Кулигина сделана театром чрезвычайно односторонне. Она спорна и уязвима прежде всего потому, что в Варваре и Кудряше подчеркивается лишь плотское, грубое начало. В Кулигине же — суетливость, мелочность, незначительность...

Дело, однако, не только в этом. А и в замельченной, плоской характеристике самого «темного царства», с одной стороны, и некоей «исключительности» Катерины в системе образов Островского, предложенной нам театром,— с другой.

Театр знакомит нас лишь с теми героями, которые олицетворяют собой невежество, деспотизм и карьеризм, оставив за пределами спектакля людей иного склада — тех, над кем, по словам Добролюбова, «буйно и безотчетно владычествует бессмысленное САМОДУРСТВО».

«Темное царство» — это ведь не только угнетатели, но и УГНЕТАЕМЫЕ.

«Грубые, необузданные крики какого-нибудь самодура, широкие размахи руки его,— писал Добролюбов,— напоминают им простор вольной жизни, гордые порывы свободной мысли и горячего сердца,— порывы, заглушенные в несчастных страдальцах, но погибшие не совсем без следа».

Односторонность и плоскостность характеристик мира персонажей Островского неизбежно оборачиваются искажением ОБЩЕЙ КАРТИНЫ тогдашней жизни. Искажением самого художественного облика писателя.

Характеризуя Катерину как «луч света в темном царстве», Н. Добролюбов настоятельно подчеркивал, что в образе этом собрались, сконцентрировались, получили наиболее полное художественное выражение черты, которые постепенно вызревали в жизни и хотя бы в наменах давали себя знать в литературе. В «Грозе» же,— замечал критик,— «составлено из них целое, уже с довольно ясными очертаниями; здесь является перед нами лицо, взятое прямо из жизни, но выясненное в сознании художника и поставленное в такие положения, которые дают ему обнаружиться полнее и решительнее, нежели как бывает в большинстве случаев обыкновенной жизни».

Однако Театр на Таганке не показал ни одного «лица», которое или предугадывало бы Катерину, предшествовало ей, или, напротив, развивало бы ее образ.

Между тем есть все основания полагать, что действие спектакля «Бенефис» относится к 1872 году — к моменту празднования 25-летия драматургической деятельности Островского. Следовательно, были уже созданы писателем образы «бедной невесты» Марии Андреевны; доведенной до отчаяния помещичьей «воспитанницы» Нади; преодолевающего собственное малодушие молодого правдолюбца Жадова; олицетворяющей собою народное «горячее сердце» Параши; гордой, самостоятельной Агнии из комедии «Не все коту масленица»...

Нравственное, духовное их влияние, предощущение «новых начал» жизни — все это в спектакле, в его атмосфере не проявляется никак.

В который раз уже возникает перед нами безысходный конфликт одинокой талантливой натуры с окружающей ее средой. А в данном случае не только с окружающей средой, но и со всей российской действительностью. И напрочь не чувствуется в спектакле той «волны новой жизни, которая, конечно,— утверждал Добролюбов,— зальет когда-нибудь всю издавна накопленную грязь и превратит топкое болото в светлую и величавую реку».

Можно понять мотивы, по которым Ю. Любимов в одном из эпизодов спектакля изобража-

ет в овраге не только Варвару с Кудряшом и Катерину с Борисом, но между ними и Бальзаминова с Капочкой и даже Глумова с Мамаевой...

Подчеркивая плотоядность всех, кого мы здесь видим, режиссер, видимо, хочет оттенить одухотворенность Катерины, чье лицо, высвеченное в эти минуты, подано, так сказать, крупным планом... Но при этом в спектакле попирается и разрушается самый поэтический образ сцены: на первый план здесь грубо, зримо выступает секс.

Несколько раз по ходу сцены Варвара оказывается на Кудряше, а затем, скатившись с него, долго и старательно застегивает кофточку. Не вызывает сомнений характер действий и всех остальных персонажей, отправленных по воле режиссера в овраг...

Островский же, сидящий над оврагом в кресле, восклицает, что Щепкин-де считал, что он, Островский, написал эту сцену грязной...

Может быть, здесь есть и такой подтекст: по мнению Щепкина, Островский, мол, написал сцену «грязной»,— так что теперь сказал бы великий актер, увидев эту сцену в изображении театра?!.

Но шутки шутками, а непомерное место секса в спектакле Театра на Таганке очевидно. Городулин по воле режиссера страстно бросается на Мамаеву. Детально разыгрывается сцена раздевания Мамаевой и Глумова, после чего следует реплика Устеньки из пьесы «Праздничный сон — до обеда»: «Вы ничего, не конфузьтесь, у нас просто».

Да, кстати, и костюмы... Странный вырез на платье Мамаевой, доходящий почти до пояса, превращает эту богатую барыню в некое подобие вульгарнейшей шансонеточной певички...

В одной из сцен Бальзаминов уводит Капочку вниз, еще ниже оркестровой ямы, то бишь оврага. Затем они возвращаются оттуда, весьма довольные друг другом... Кстати, Капочка превращена театром из семнадцатилетней девушки в весьма пышную матрону... Крутицкий (в сцене воспоминаний с Турусиной), объясняющийся не столько словами, сколько — более чем вольно — руками, играет не «старика очень важного господина», по ремарке Островского, а плотоядного отставника...

Не сомневаюсь, что сценическому рождению «Бенефиса» предшествовала исследовательская работа постановщика, кропотливое изучение драматургии Островского... И тем не менее избранный театром в спектакле способ освещения персонажей Островского делает их далекими от него. Ибо лишает главного: веры в человека.

Островский умел **«отличать натуру от всех извне принятых уродств и наростов»**. Пьесы Островского, изображаемые им картины действительности и нравов порождали «уважение к человеческой натуре и личности вообще».

Театр же не дает нам возможности ни в одном из персонажей, разумеется, за исключением Катерины, отличить эту натуру, увидеть хоть на мгновение человеческое в человеке. Уродства и наросты в изображении театра начисто заслоняют самого человека.

Я умышленно не называю фамилий актеров, говоря о том или ином персонаже. Не в игре того или другого актера, не в исполнении суть дела. А в общей концепции постановщика, в самом подходе режиссера к Островскому... Тем не менее среди участников спектакля хочется отметить глубокое и сильное исполнение ролей Катерины и Кабанихи З. Славиной и А. Демидовой. В целом же и спектакль в воплощение ролей грешат неоднократными нарушениями художественного вкуса. И как бы ни был достоверен В. Штернберг в роли Островского, с недоверием относишься к его «одобрительной» реакции на многое из того, что происходит на сцене! Островский был чужд сладостности и сентиментальности, он любил актера, но любил требовательно. Великий драматург писал о том, что «непростительные кривлянья и выходки» иных актеров — «это уж не просто нарушение дисциплины, а много хуже: это нелепое глумление над автором, над классической пьесой, над достоинством сцены».

И он резко протестовал против «неуважительного отношения к пьесам авторов, создающих родной театр».

III

Но только ли о **родном** театре речь? Мысли Островского невольно вспоминаются и на спектакле Театра имени К. С. Станиславского «Мсье де Пурсоньяк» Мольера.

Впрочем, и здесь — уже из программки к спектаклю — тоже можно понять, что театр играет не мольеровскую пьесу. Тут идет «мюзикл в 2 частях Леся Танюка по мотивам одноименной комедии Мольера». А мольеровский сюжет, мольеровские коллизии, мольеровские герои — все это переиначивается и перелицовывается режиссером вне какой бы то ни было зависимости от автора. Театр откровенно признается, что «от Жана Батиста Мольера остались лишь ножки да рожки».

Ну, а с какой целью производится эта перелицовка? Может быть, режиссер предлагает нам нечто подобное тому, что сделал более полувека назад гениальный Е. Вахтангов, для которого сказка К. Гоцци «Принцесса Турандот» была лишь предлогом для создания искрометного, праздничного спектакля?.. Вахтангов, необычайно чутко и тонко чувствовавший атосферу революции, призывавший художников слушать время, страстно и талантливо выразил эпоху, самый дух ее в своем спектакле.

А что «выражает» Л. Танюк? Недовольство студентов пожилым провинциалом Пурсоньяком. Но «герои» так издевательски, цинично и бесчеловечно глумятся над ним, что под конец Пурсоньяка становится жалко!.. За что же они его так?..

Борьба Жюли и Эрнеста с Пурсоньяком — а Мольер, давая своему герою фамилию Пурсоньяк (свинья, боров), характеризовал этим своего героя как грубое животное — была рождена любовью молодых людей. Они шли на все, чтобы попытка Пурсоньяка за деньги купить юную жену не осуществилась.

Однако же герои спектакля лишены точных социальных (да и временных тоже!) примет. А ведь в том-то и сила мольеровской критики, как и критики Островского, что она всегда имеет прямой социальный адрес. Отказ от него неизбежно лишает мысль режиссера конкретности и точности.

В итоге постановка Л. Танюка оставляет впечатление чрезвычайно странное. Впечатление некой какофонии, мешанины...

Герои спектакля ни с того ни с сего вдруг поют «аллилуйя», упоминают в своих разговорах Штирлица и Кальтенбруннера, называют полицейского... участковым. Одна из героинь, когда к ней обращаются, возражает: «Не мешайте мне, я Би-би-си слушаю!..»

Возможно, режиссер и участники спектакля полагают все это проявлением импровизационной легкости, изобретательности, богатой фантазии... Я уже не спрашиваю, какое отношение имеет все это к Мольеру. Ибо каждому очевидно — весьма отдаленное. Интересует другое: ради чего все это делается на сцене, какой освещено мыслью?.. Ради чего Эрнест вдруг принимает позу распятого Христа и так в течение нескольких минут «висит» на стене? Кто его затравил?.. Окружающее общество? Да ведь травят-то все (и Эрнест в том числе) Пурсоньяка!.. Так чем же рождена поза героя? Ах, игрой воображения!.. Желанием позабавить окружающих и публику!.. Но почему именно таким способом, а не другим? И ради чего обыгрывается в спектакле, к примеру, пошлый анекдот на «тему»: уберите вашу тряпочку? Это у Пурсоньяка виден подол сорочки из брюк!.. Ради чего женщины, разыгрывая Пурсоньяка и объявляя себя его женами, вдруг начинают петь, словно в опере?.. Пародия?.. Но на что? И почему вдруг?.. И так ли уж остроумна следующая режиссерская «находка»: Пурсоньяк становится на четвереньки, у него порвались сзади штаны; и Сбригани, зашивая порванное, восклицает: «Мне очень понравилось ваше лицо!..»

Таков «вкус», такова мера «художественности»...

Что касается вкуса, чувства меры, житейской характеристики сценических образов, да, наконец, и определенности режиссерской мысли, спектакль «Дон Жуан» Драматического театра на Бронной выгодно отличается от «Мсье де Пурсоньяка». Тщательно и подробно разрабатывает режиссер А. Эфрос партитуру спектакля, взаимоотношения персонажей, особенно главных — Дон Жуана (Н. Волков) и Сганареля (Л. Дуров).

Однако и на сей раз возникает вопрос о соотношении спектакля и пьесы. О том, ради чего обратился к ней режиссер. Ради передачи глубокой философской мысли о праве и долге человека выбирать между добром и злом? О растлевающей силе зла и неотвратимости возмездия за зло?.. Или постановщик был побуждаем совсем иными намерениями?..

Стремясь ответить на то, что, видимо, представляется А. Эфросу «злобой» дня, он упрощает мольеровские образы, лишает их многоплановости и глубины. Главное для режиссера — обличительный монолог Дон Жуана о лицемерии, ради которого он, собственно говоря, видимо, и обратился к бессмертной комедии... Монолог этот, вынесенный на просцениум и обращенный более к зрителям, чем к персонажам, представляет собой кульминацию спектакля. А чрезвычайно важная для Мольера сцена — разговор дон Луиса с сыном, совсем не смешные, а важные мысли дон Луиса о том, что «славе наших предков мы сопричастны лишь в той мере, в какой сами стремимся походить на них», об ответственности человека перед обществом за свой образ жизни так же превращаются театром лишь в смешное, забавное зрелище. Пока дон Луис — его играет Л. Броневой — произносит монолог, Дон Жуан и Сганарель с грохотом перекатывают большое колесо, как бы говоря: «Мели, Емеля...»

И таких примеров «выпрямления», «упрощения» Мольера, «подгонки» пьесы под режиссерский замысел можно привести немало.

Постановщик этого спектакля является в театре очередным режиссером. Ну, а какова же позиция главного режиссера? Или он считает «неэтичным» вмешиваться в постановку очередного режиссера?!

Не горькое ли, не печальное ли это заблуждение, противоречащее самой роли главного режиссера, его общественно-художественному назначению, той бескомпромиссной взыскательности, к которой обязывает его высокая миссия театра?..

Впрочем, не бывает ли порой и так, что иной главный режиссер не всегда в состоянии дать верную оценку тому или другому спектаклю «возглавляемого» им театра? К примеру, В. Кузенков, вступая на пост главного режиссера Театра имени Станиславского, характеризовал спектакль «Мсье де Пурсоньяк» лишь как «очень жизнерадостный, яркий, со множеством танцев и куплетов». В той же беседе с корреспондентом газеты «Московский комсомолец» В. Кузенков утверждал: «Для меня ясно: в искусстве не существует копий. Театр — понятие вечное, спектакль — неповторимое, всякий раз новое...»

Неужели же можно всерьез считать обыгрывание в спектакле пошлых анекдотов, беззастенчивую перелицовку пьесы явлением новым и неповторимым?!

Вольное обращение иных режиссеров с творениями классики кое-где и сегодня почитается проявлением смелости и новаторства. Но какая тут смелость, какое новаторство! В том-то и суть, что все это уже давным-давно было и давным-давно быльем поросло! И усадьбу Мурзавецкой в «Волках и овцах» Островского превращали в монастырь, а ее самое — в игуменью; дворецкого Павлина — в мать Павлину, Глафиру — в послушницу... И две другие пьесы — «В чужом пиру похмелье» и «Тяжелые дни» — монтировались в одну, и сюда же включались фрагменты из «Семейной картины» и «Трудового хлеба»... Однако несоединимое не соединялось и неизбежно приводило к режиссерской отсебятине. И в «На всякого мудреца...» Голутвин ходил по проволоке... И в мольеровском «Тартюфе» действующие лица появлялись из канализационных труб, символизировавших по замыслу режиссера буржуазную клоаку... Так что, как говорит у Б. Гуцкова старый Бен-Акиба: все было!.. И не новаторством является подобное обращение с классикой, а эпигонством. И соглашаться с ним, не возвышать против него голос просто нельзя.

Беда и в том, что московским режиссерам порою следуют иные их коллеги из других городов. В одном театре превращают Огудалову в любовницу Паратова и Кнурова и намекают, что Лариса — дочь последнего. В другом, соединив в одно лицо персонажей той же «Бесприданницы» — хозяина кофейни Гаврилу и слугу в кофейне Ивана, делают этот выдуманный персонаж... любовником тетки Карандышева. В третьем — делают любовником Мурзавецкой дворецкого Павлина. В четвертом — Глумова заставляют танцевать на столе между рюмочками...

Как не вспомнить мудрые и гневные слова великого русского советского актера В. Н. Давыдова:

«...К стыду нашему, мы не умеем хранить лучших и умных традиций великих мастеров сцены. Сейчас режиссер мудрит, лукавит, показывает свое штукмейстерство, обнаруживает полное пренебрежение к театру, как к большому культурному делу, ловко подменивая подлинное существо театра дешевой фальсификацией. И нигде эта подмена не дает себя знать, не обнаруживает свою полную беспомощность, как в постановках бессмертных сценических произведений...»

Написанные много лет назад, слова эти звучат свежо и остросовременно. Иной режиссер сегодня «утверждает» себя, «самовыявляется», стремится быть «оригинальным», поразить всех своей «изобретательностью» и «смелостью», а в результате герои произведения, иногда даже все до одного, оказываются в овраге.

Пабло НЕРУДА

В СЕРДЦА ВСЕХ ЖИВУЩИХ

Из новых переводов

Я БУДУ ЖИТЬ

Я не умру. Сегодня, в этот день,
вулканами увенчанный, я кану
в народ, я ухожу в пространство жизни.
Все это я хочу решить сегодня,
сейчас, когда наемные убийцы,
вооружившись «западной культурой»,
в Испании творят кровопролитье,
и в Греции от виселиц темно,
и Чили четвертовано бесчестьем,
всего не перечесть...
Я остаюсь
с народами, дорогами, стихами,
которые меня зовут, стучат
руками звездными в мое окно.

МОЕМУ НАРОДУ, В ЯНВАРЕ

В ту пору, когда год
едва рождался,
могучий, пропахший хлебом Кордильер
и яблоней прибрежной,
когда мой нищий край
набросил пончо винограда,
вдруг тирания высунула
свое старушечье тупое рыло
беззубой ящерицы
и укусила сердце нашего простора...

Тот шквал иссяк, и снова
вернулась по своей тропе
бесхитростная жизнь,
все тяготы ее и радость.
О том, что было, многие забыли.
Другие умерли.
А многие — сегодняшние — рты
той горечи не знают:
тогда еще их не было на свете.

Я не забыл, не умер.

Я — дерево январское
в спаленной чаще.
Огонь, пожравший сочную листву,
давно погас,
развеялась зола
и стали прахом старые деревья,
листва истлела,
и только шрамы сердца моего
цветут и помнят.

Я — веточка расплаты.

АЛЬМЕРИЯ

Блюдо для епископа,
мелконарубленная горькая пища,
блюдо с железным крошевом, пеплом,
слезами,
мрачное блюдо из рыданий и рухнувших стен,
блюдо для епископа —
дымящаяся кровь Альмерии.
Блюдо для банкира, блюдо со щечками
улыбчивых малышей Юга, блюдо
с канонадой, безумной водой, руинами,
ужасом,
блюдо с расколотыми осями
и растоптанными головами,
черное блюдо — дымящаяся кровь Альмерии.

По утрам — каждое мутное утро
вашей жизни — оно
будет дымиться, пылать перед вами
на вашем столе,
вы брезгливо отодвинете его холеной рукой,
чтобы не видеть его, не переваривать
в сотый раз,
вы брезгливо передвинете его к хлебу
и винограду,
это блюдо с молчаливою кровью,
которая будет дымиться на вашем столе
каждое утро.

Блюдо для Полковника и жены Полковника
на гарнизонном празднике,
на каждом празднике,
на присягах, плевках, на красном вине
рассвета,
чтобы вы видели его,
остывающее, дрожащее в просторах земли.
Вот оно, блюдо для всех вас —
здешних и тамошних богачей,
для послов, министров,
злобствующих сотрапезников,
для дам, сидящих в изящных позах за чаем,—
блюдо в трещинах, плещущее
бедняцкою кровью,—
на каждый день, неделю, навеки —
блюдо, где будет дымиться кровь Альмерии
перед вами на веки веков.

КОЛОКОЛА РОССИИ

Однажды я брел по безмолвной
заснеженной шири,
и вот что случилось —
послушай, родная, про случай туманный:
мороз над пустынною степью
развесил ледышки своих ожерелий,
и шкура планеты блестела,
покрыв обнаженное тело России,
а я, раздвигая скелеты берез,
в предвечерье огромном
шагаю, вдыхаю пространство
и слушаю пульс одинокого мира.

Тогда-то и взмыл
из безмолвия голос земли полуночной,
за голосом голос,
вернее, всемирное многоголосье:
глубокий басовый удар,
неумолчный металл непроглядного мрака,
поток этот медленный —
голос таинственный неба.
В округлые выси
взмывал этот вызвон небесного камня
и падал во мглу водопадом
серебряной скорби,
вот так я в дороге
и встретился с колоколами России,
с глубинным ознобом их звона
во тьме поднебесной.

Набаты, набаты огромной Вселенной,
далекие гулы
в глухом безмятежье зимы,
что трепещет, как знамя,
как белое рваное знамя, вонзенное в полюс.
Набаты сражений, поющие хрипло о битвах,
о крови, сожженных домах,
поражениях горьких,
а позже — о стягах победных,
увенчанных светом.

И вот я сказал, обращаясь к метели,
к зарницам,
к себе самому, к переулку,
где слякоть припудрена снегом:
война отступила,
похитила нашу любовь — обгоревшие кости
устлали поля на исходе
безжалостной жатвы...
Ответом мне древние были набаты,
гудевшие в сумрачном свете,
как в зеркале мутном,
как в городе, канувшем в озеро,—
так колокол яростный
в грозных своих перегудах
вызванивал если не месть,
то печаль обо всех бездыханных героях.
Был колокол каждый,
как ветка, ронявшая гром и напевы,
певучие всплески железа
летели к сиянью луны белоснежной,
мели омертвелые чащи,
где спящие сном беспробудным деревья
вздымали вселявшие страх
неподвижные копья.
Над полночью колокол тек,
как река, уносившая корни, молитвы,
невест и могилы, солдат и святых, урожаи,
пожары, и ульи, и крики младенцев.

А с царской главы,
с одинокой короны, отлитой в тумане
в кровавых и огненных кузницах
средневековыми мастеровыми,
слетала пыльца изумрудно-кровавого звона;
и как испаренье
над стадом промокшим, дыханье и запах
молящихся в церкви холопов
окутали золотую корону
под звон погребальный.

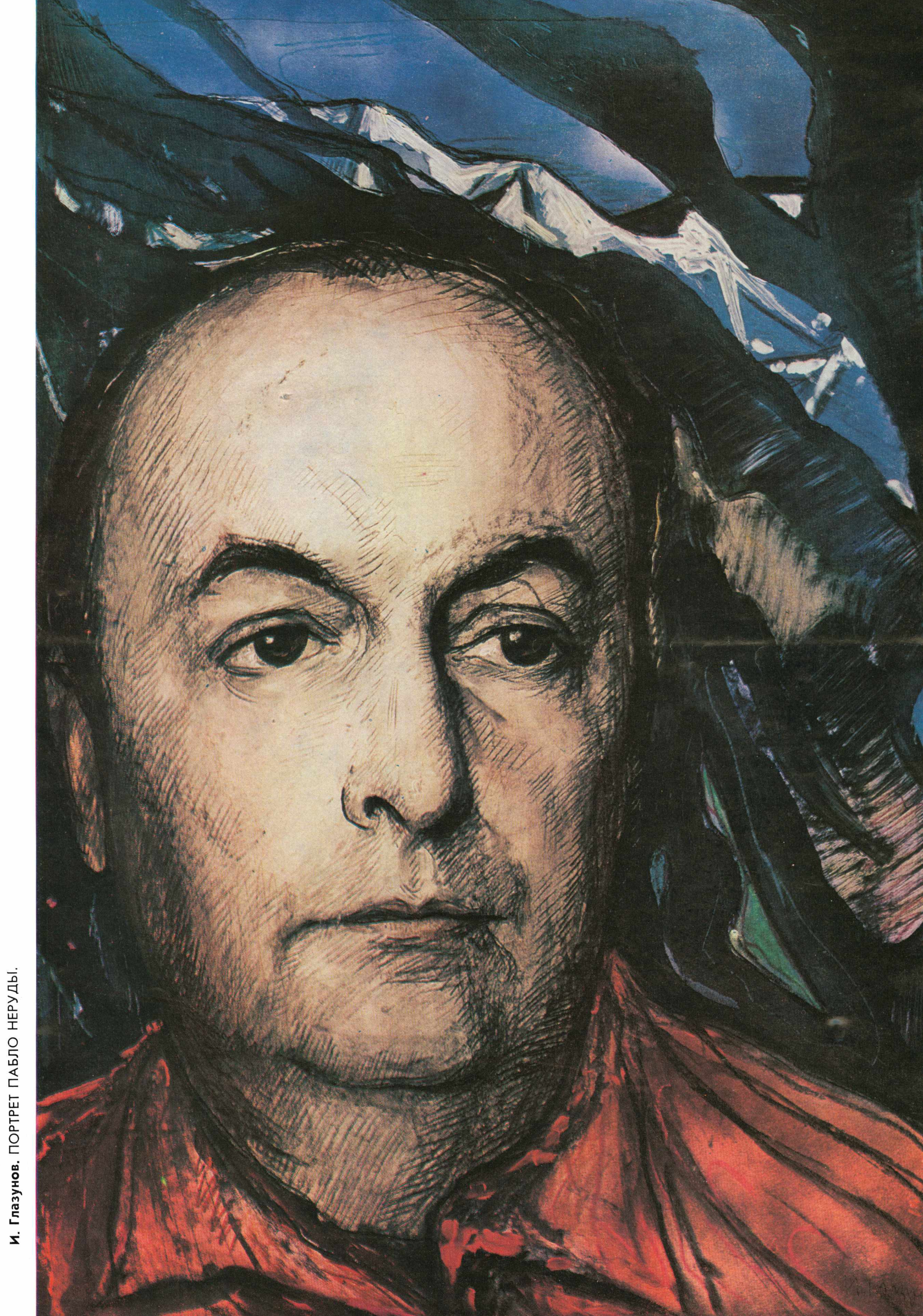
Но в далях за сиплыми колоколами
уже громыхают раскаты:
пожар революции ало окрасил
березовый саван, облитый росою,
взрывается мак,
лепестками багряными землю усыпав,
и армия молний вторгается в спящие степи.
Внемлите заре, распустившейся в небе,
как роза, и общему гимну
очнувшихся колоколов,
возвестивших ноябрьское солнце.

Подруга моя, я бродячий поэт,
воспевающий радость земную,
науку цветенья, и хлеб на столе,
необъезженный ветер, и мед добросердый,
в напеве своем я приветствую
дом человека, жену человека и грежу
о том, чтобы терпкая радость
проникла в сердца всех живущих.
Я все, что творится, вбираю,
как колокол полый, и возвращаю планете
горластыми благовестами колоколен
весенних.

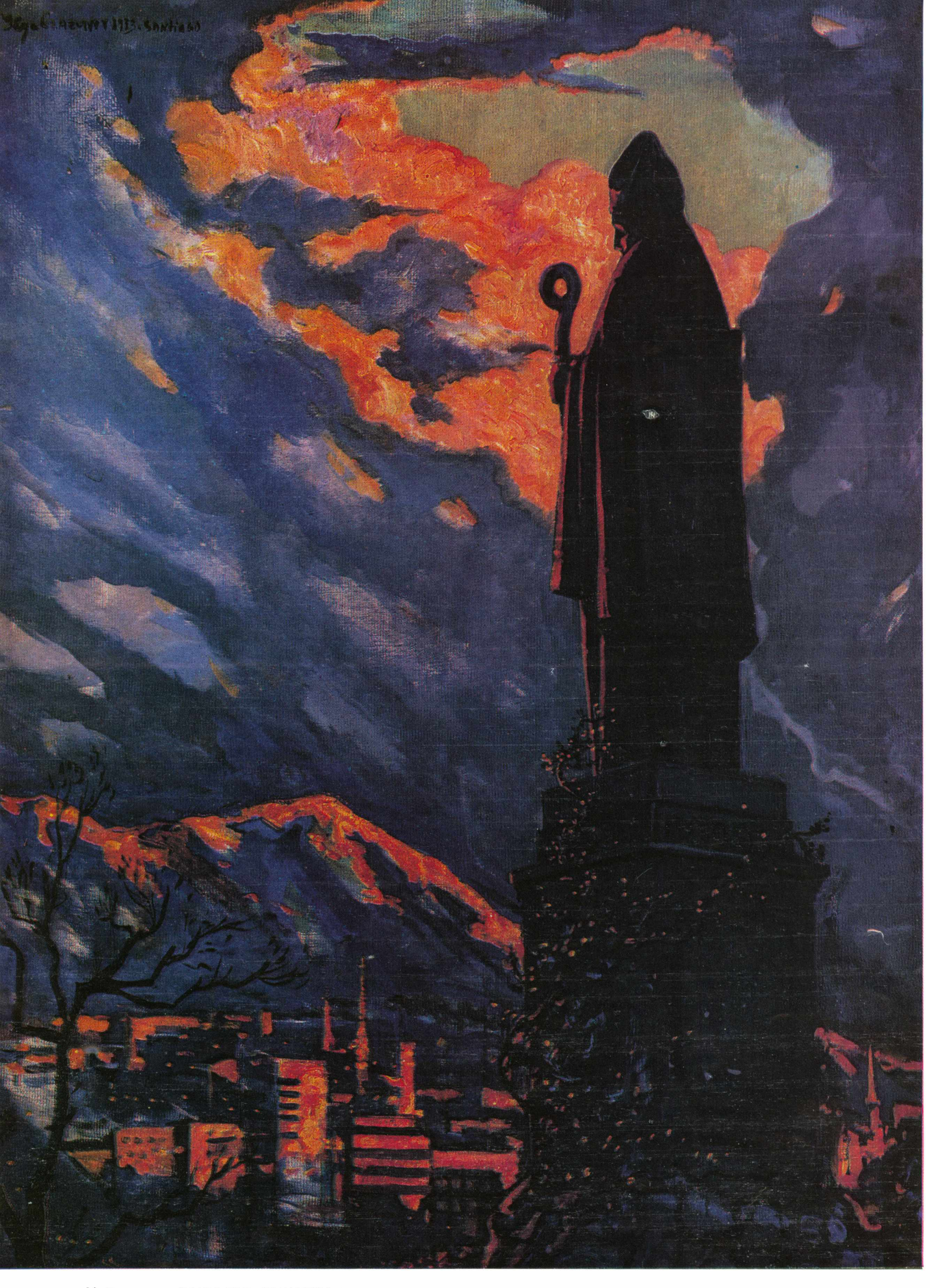
Прости меня, если порою набат невеселый,
который сорвался с души моей мрачной,
колотит руками полночными
в двери пшеничного полдня,— не бойся:
есть время у колокола,
есть веселый напев, ожидающий часа,
когда голубей своих
выпустит в небо, и радость, как веер,
раскроет над миром
всемирную громкую радость.

Набаты былого, грядущего, горла басовые
в глуби людских сновидений,
набаты пожара и бури, набаты баталий
и злобы,
набаты пшеницы и сельских собраний,
набаты всех свадеб на свете и мира на свете,
заплачем, набаты, запляшем, набаты,
споемте, набаты, восславим
бессмертье любви,
это солнце, луну, океаны и землю,
осанну споем человеку!

Перевел с испанского
Павел ГРУШКО.

И. Глазунов. ПОРТРЕТ ПАБЛО НЕРУДЫ.

И. Глазунов. САНТЬЯГО. СУМЕРКИ.

ЧЕЛОВЕК-КОЛОКОЛ

Юрий МЕЛЕНТЬЕВ

В последний приезд в нашу страну весной 1972 года Пабло Неруда пришел в Комитет по печати, на Петровку, 26, нанести визит вежливости своим издателям, большой, озабоченный, усталый. С ним была его Матильда — маленькая, хрупкая женщина, с доброй улыбкой, необыкновенно оживлявшей и красившей ее лицо. В глазах Матильды — нежность и тревога: Пабло нездоров, а у него столько дел...

Программа не давала нам надежд на длительное общение с поэтом. Но, оказавшись в кабинете среди книг, многие из которых он, естественно, видел впервые, Неруда оживился, повеселел, широкие брови его, до этого устало опущенные к глазам, взметнулись двумя вопросительными дугами. Беседа потекла естественно и свободно, будто, вернувшись из очередного далекого странствия, поэт делился своими мыслями со старыми друзьями.

Конечно, мы говорили о литературе, а значит, о жизни, о Латинской Америке. «В наших условиях,— размышлял Пабло,— нет литературы чилийской, уругвайской, колумбийской — всякое подлинно талантливое народное произведение может стать и в конечном итоге становится достоянием латиноамериканцев. Южная часть американского континента переживает особую, предгрозовую ступень истории. Он бурлит, как океан, омывающий нашу землю. Признаки подъема, исторического обновления проявляются широко — не только в области социальной, политической. Они, как отражение процессов происходящей жизни, проявляются и в нашей испаноязычной, латиноамериканской литературе. Признаком такого обновления, возрождения я считаю появление новой по мировосприятию и революционной по своей сути национальной прозы.

...Нам предстоит еще долгая борьба,— говорил Пабло.— Наша литература может помочь людям устоять в этой борьбе, не забывать исторических уроков и корней, не мириться с насилием и злом».

Сейчас, когда чилийская трагедия стала фактом, а имя Пабло Неруды, даже смертью своей бросившего вызов палачам свободы, уже принадлежит истории, эти встреча и разговор кажутся исполненными особого значения и смысла...

...Пабло Неруда, его поэзия, его личность прочно вошли в духовную жизнь советских людей. Это началось 35 лет назад, когда весной 1939 года в Гослитиздате вышла скромная, маленькая книжка стихов в переводе Ильи Эренбурга. Необычность нерудовского стиха, сложная образность, ассоциативность мышления не помешали тогдашнему читателю понять и оценить высокое чувство солидарности чилийского поэта с республиканской Испанией, его ненависть к фашизму. Раны Испании были ранами советских людей, они были ранами автора двух десятков стихотворений, вошедших в первый нерудовский сборник на русском языке — «Испания в сердце».

Объясняясь с поклонниками своей прежней поэзии, а может быть, с нею самой, поэт с гневом и болью писал:

Вы спрашиваете, почему я не говорю
о мечтах,
о листьях,
о больших вулканах моей земли?

Смотрите: на улице кровь.
Смотрите:
кровь
на улице!

Цикл «Испания в сердце» навсегда связал Неруду с борьбой против фашизма, с борьбой за свободу, навсегда связал его с СССР.

С тех пор более 30 раз на 11 языках народов нашей страны выходили книги Пабло Неруды в советских издательствах. Была среди них и небольшая книжечка боевой серии «Огонек», были солидные фолианты избранного. «Всеобщая песнь», «Плаванья и возвращения», «Гимны Кубе», «Птицы Чили», «Четыре времени сердца», «Оды простым вещам», «Звезда и смерть Хоакина Мурьеты» — эти и другие книги, как вехи необъятного творчества поэта, как вехи его жизни, заняли достойное место на поэтической полке нашей страны, стали неотъемлемой частью нашего духовного арсенала. Тиражи его книг только на русском языке давно перешагнули полумиллионный рубеж.

Сам Неруда высоко ценил возможность издаваться в нашей стране, искренне и сердечно благодарил советских издателей от своего имени, от имени собратьев по перу в Латинской Америке. Вот что записал поэт в книге для почетных посетителей издательства «Художественная литература» в апреле 1967 года: «Большое спасибо за все наши книги и за все книги вообще, за внимание и любовь, с которыми вы издаете стихи и прозу столь отдаленных стран. Это еще раз подтверждает, как мы обязаны СССР, мы понимаем при этом, что наш долг — долг любви».

Мировая слава поэта — явление вполне закономерное, интерес к творчеству Неруды — органическое стремление людей познать самих себя, понять окружающие их события и даже вещи. Неруда — счастливый обладатель дара видеть и показывать внутреннюю сущность вещей и явлений. Он диалектик в самом высоком, философском смысле этого слова. Сложность и простота, органически спаянные в жизни, органически сплавлены в его поэтическом видении.

Из множества книг и поэтических циклов Неруды наиболее наглядно это можно проследить в «Одах простым вещам». Уже один перечень названий стихов этого цикла заставит поморщиться любого поэтического сноба: ведь с высоким понятием «ода» здесь соседствуют не только слова «огонь», «весна», «море», но и такие «прозаические» слова, как «нищета», «прачка», «маис», «луковица», «ножовка»... И почти в каждом из этих стихов — вся страсть, все мировоззрение, весь бойцовский темперамент Пабло Неруды.

В конце 1972 года, отмечавшегося как Международный год книги, издательство «Книга» выпустило замечательное издание Пабло Неруды «Ода типографии». Художник Юрий Марков с большим тактом, выдумкой и экспрессией проиллюстрировал три оды из «Од простым вещам»: «Оду типографии», «Оду книге», «Оду книге гравюр». Павел Грушко наново перевел их для этого издания. Книга вышла двуязычной — на русском и испанском.

Если бы кто-нибудь из наших читателей прочитал только эту книгу Неруды, то получил бы достаточно глубокое представление о характере творчества, общественных позиций, колоссальной эрудиции поэта и одновременно обогатился бы представлением о функциях типографии, о значимости буквы, о величии книги в истории человечества и ее значении для отдельного человека.

Я живу не в томе, а в доме,
мои стихи
не кушали стихов,
а пожирали
горячие события,
питались непогодой,
добывали пищу
в земных просторах,
среди людей

— таково самосознание поэта, таково его мироощущение.

Поэт, сам создающий книги, высоко ценит творения своих предшественников и современников. «Миром чудес», «неистощимой спиралью, клубящейся гривой всех дорог, словарем всех ураганов» представляется ему книга. Он славит

человека,
шагающего
с книгой,
охотника, идущего с охоты
с книгой,
и пахаря,
который пашет
с книгой.

Но, слагая гимны книге, поэт понимает и заставляет понять читателя, что есть книга и книга, что книга книге — рознь, что величайшее изобретение и достояние человечества может быть использовано ему во вред:

Люблю я книги
с натурой следопытов,
книги с лесом (или снегом),
с бездной океана (или неба)
и ненавижу паучьи книги,
где ядовитый ум
развесил паутину
колючей проволоки,
чтобы поймать
веселую, звенящую пчелу.

В «Оде типографии» поэт прославляет рабочего-наборщика, «того, кто горбится над линотипом», «того, кто все это организует, выстраивает буквы, воздвигает слово». Под пером Неруды рабочий у печатного станка превращается в исполненный высокого смысла символ прогресса и борьбы:

Вот снова
человек и сталь
объединились,
чтобы сражаться...

А буква, обыкновенный матричный знак, из которого слагается печатное слово, становится источником и причиной новых общественных движений, революционного слова, революционного дела:

Но буква
была
не только красотою,
но и жизнью,
миром для солдата,
она спустилась
в уединенье шахт,
где рудокоп прочел
запретную листовку:
он спрятал
эти грубые слова
в тайник души
и, выйдя из забоя,
на земле
он был уже другой,
и речь его
была другая.
Так буква
стала матерью
знамен и новых флагов,
так буква
породила
земные звезды
и напевы.

Но Неруда не был бы Нерудой, если бы в «Оде типографии» ограничился какой-то одной, пусть важной стороной поэтического восприятия книги, слова, буквы. Его поэзия всегда богатство мысли, смелый полет, необычность и неожиданность сравнений. Высокие философские, политические понятия соседствуют с личным, интимным миром поэта, освещаются этим миром и освещают его.

Вот как звучат заключительные строки «Оды типографии»:

Летите, буквы,
падайте,
как дождь желанный
на моем пути...

Я вас люблю,
вы мне даете
не только мысли,
не только поле боя,
но ваши одеянья,
чувства,
звуки:
А — молодого Аиста,
Т — Тополя и Трав
и М — твое медвяное,
Матильда,
имя.

Неруда — воплощение интернационального долга. Боли трудящихся земли — главная струна, главная боль его поэтической строки. Удивительно его необыкновенное умение проникать в самую суть души другого народа.

Пабло Неруда любил нашу страну. Он любил ее как свою мечту, посвятил ей немало проникновенных, сокровенных слов. Его любовь не была созерцанием. Он умел драться за свою мечту. В грозную годину раздалась набатом прекрасная «Песнь любви Сталинграду».

Я мертвых пел твоих, когда ты изнывал,
Когда воздвиг из тел могучую преграду.
Мой голос в эти дни как колокол звучал,
Как ветер, звал прийти на помощь
Сталинграду,—

с полным правом и гордостью писал Пабло Неруда после разгрома фашистов на Волге.

Может быть, тогда впервые родилась у великого поэта тема колокола и сознание принадлежности, близости его творчества к этому великому символу художников прошлых веков. Позднее тема набата появляется в «Оде Уолту Уитмену», он создает специальную оду колоколу, упоминает колокол в стихотворении, посвященном советским космонавтам. Но особой силы эта тема достигает в недавно созданном стихотворении «Колокола России», которое можно скорее назвать маленькой поэмой-шедевром.

У многих ли поэтов найдутся строки такой проникновенности и силы:

В округлые выси
взмывал этот вызвон небесного камня
и падал во мглу
водопадом серебряной скорби,
вот так я в дороге
и встретился с колоколами России,
с глубинным ознобом их звона...

Поэт не только тонко чувствует отдаленные звоны истории, он слышит и славит колокола революции, возвестившие «Ноябрьское солнце».

Он сам как бы перевоплощается в колокол людских скорбей и радостей, заявляя: «Я все, что творится, вбираю, как колокол полый, и возвращаю планете...»

Эта замечательная способность поэта ощущать себя колоколом планеты взращена его неизбывной любовью к родной чилийской земле, ее природе, к ее трудовым рукам, к гордым и очень трудно живущим людям Чили.

Где бы ни был поэт, в какие бы отдаленные уголки земного шара ни забрасывала его мятежная судьба, пронзительное чувство родины не покидает его. Поэзия Неруды при необъятной широте тематики будто вытkана корневой системой отчего края, она питается и живет этими корнями.

Подчас это проявляется не в переносном, а в прямом смысле. В поэтической строке Неруды нередко встречается образ корня или самое слово «корень». Раньше других это почувствовали переводчики. В предисловии к своему двухтомнику, вышедшему в издательстве «Художественная литература» в 1958 году, Неруда писал: «Мой большой друг Илья Эренбург оказал мне честь, переведя некоторые из моих стихов. Он рассказал мне, что ему доставило много труда слово «корни», которое я, как он утверждает, вставляю повсюду».

Подчеркивая свое кровное родство с трудовой Америкой, с поэзией бедняков и обездоленных, он ведет одну из линий своей поэтической родословной от Уолта Уитмена:

Я не помню,
в каком возрасте,
где...
я дотронулся до руки,
и это
была рука Уолта Уитмена.
Я ступил на землю
босыми ногами,
ходил по пастбищам,
по упрямой росе
Уолта Уитмена...

. . . .

Не отвергая
даров земли,
ни гладкой округлости капители,
ни начального пурпура знаний,
ты меня научил
быть американцем...
...Добрый булочник!
Старший брат корней,
из которых я вырос...

А сколько стихов, поэм, од посвящено Чили, чилийским вершинам, птицам Чили, камням Чили, людям — творцам и борцам — чилийцам. «...Я люблю даже корни моей холодной маленькой родины...»,— проникновенно вывела однажды рука поэта.

Как же он хотел свободы своей прекрасной земле, как беззаветно сражался за освобождение Чили, как ненавидел палачей народа!

«Гимны Чилийской революции» — так называется последняя книга поэта. Призывом к непреклонности, лозунгом к борьбе, проклятием палачам свободы звучат сегодня строки Неруды, полные скорби и гнева:

Пусть неделимым будет отчий край,
пусть выстоит перед семью ножами...

Эти строки были поставлены издательством «Изобразительное искусство» эпиграфом к альбому И. Глазунова «Чили глазами художника», который мы вручили в канун Всемирного конгресса миролюбивых сил вдове президента Республики Чили Ортенсии Бусси де Альенде. Невозможно передать волнение минут, когда эта мужественная женщина перелистывала страницы альбома, дышавшие правдой недавних грозных событий, рассказывающие о людях, многих из которых уже не было в живых.

Ортенсия Бусси де Альенде готовилась в тот день к выступлению, которое вскоре потрясло участников конгресса. Она поблагодарила автора, издателей и рабочих, сумевших выпустить альбом в столь короткие сроки. А прощаясь, сказала: «Хорошо, что они рядом,— стихи Неруды нельзя отделить от Чили, как духовно неотделим от страны Сальвадор Альенде».

Генрих БОРОВИК

...Домингес узнал о перевороте по радио. И по радио же услышал приказ хунты — всем оставаться в своих домах. Он остался дома. Когда через несколько дней хунта объявила новый приказ — всем явиться на работу, он подчинился. Но едва Домингес переступил порог КОДЕЛКО, его арестовали, не объяснив причин, не предъявив ордера на арест, не разрешив даже позвонить домой.

Вначале его привезли в комиссариат карабинеров. Там во дворе раздели догола и приказали лечь на землю. Кто-то принес красный флаг. Им обернули Домингеса, и солдаты принялись бить его башмаками и прикладами. Вместе с ним были еще два арестованных — боливийцы. Их тоже заставили раздеться и тоже заворачивали в красный флаг перед тем, как бить. Так их избивали по очереди в течение нескольких часов. Флаг превратился в рваную, окровавленную, грязную тряпку. Инженер несколько раз терял сознание, но ему на голову лили холодную воду и, когда он приходил в себя, снова били. Ничего не спрашивали и ни-

чего от него не требовали. Только били. Вечером полуживого отвезли на национальный стадион, бросили среди скамей на трибуне. Несколько дней его там никто не трогал, и он стал приходить в себя. Вокруг на скамьях были сотни людей. Некоторые такие же избитые, как и он. Трибуна была огорожена снизу проволочным забором. И там стояли автоматчики. Каждую ночь после 12 к трибунам подходил армейский сержант с бумагой в руках и выкрикивал несколько десятков фамилий. Считалось, что этих людей вызывают на допрос. Люди поднимались, медленно двигались вниз к проволочному забору. Некоторые не могли идти сами. Им помогали соседи. Людей уводили, а вскоре за трибунами раздавались выстрелы. И хотя в Сантьяго по ночам в разных местах города часто возникали перестрелки, но инженер и все его соседи знали: то, что они слышали за трибунами, не перестрелка. Звуки выстрелов здесь слышались из одной точки. Там расстреливали тех, кого вызвали «на допрос». Обратно никто из них не возвращался. Трупов их тоже никто не видел.

Каждый день на стадион приезжал бензовоз — заливать горючее в большую специаль-

Продолжение. См. № 8.

ную печь для сжигания мусора. Никто не убирал в те дни мусор на стадионе, а печь работала регулярно. На трибунах понимали: в ней сжигают трупы расстрелянных.

С наступлением вечера, с приближением рокового 12-го часа, страх охватывал заключенных. Каждый ждал, что сегодня сержант выкрикнет его имя.

Инженера освободили так же неожиданно, как и арестовали. Однажды ночью вызвали к коменданту. «Вы свободны,— сказал тот сухо.— Забудьте обо всем, что вы здесь увидели». Почему арестовали? Почему освободили? Никаких объяснений...

Он, конечно, ничего не забыл и, к своему несчастью, никогда, видимо, не сможет забыть. На другой день к нему пришли и потребовали, чтобы он вышел на работу. Он понял: его освободили только потому, что он специалист своего дела, и хунте нужны его знания. Домингес ведь очень известный в своей области человек...

Альберто записал рассказ инженера условно, отдельными, не связанными друг с другом словами, зная, что каждую минуту его могут обыскать, и боясь повредить Домингесу.

Он не собирался передавать историю инженера в газету отсюда, из Сантьяго. Еще в первый день после прилета в Чили, поняв ситуацию, он решил, что будет передавать из Сантьяго только нарочито сухие информации, пересказывая то, что официально сообщала хунта. Он специально искал самые затасканные, канцелярские выражения для своих коротких корреспонденций в расчете на то, что читатели, прекрасно знающие его блестящее, всегда эмоциональное острое перо, поймут, что корреспонденции из Сантьяго пишет не Альберто М., что рукой его водит хунта.

Он надеялся, что в течение недели, ну максимум десяти дней соберет весь необходимый материал, затем улетит из Сантьяго, сойдет с самолета в ближайшем аэропорту — в Лиме или Буэнос-Айресе,— там напишет и оттуда пошлет в газету все то, что он действительно знает о положении в Сантьяго после переворота военной хунты.

Не он один собирался сделать так. Например, корреспондент «Ньюсуика» Джон Бант тоже избрал именно такой путь. Альберто в ту ночь просидел допоздна за письменным столом, делая непонятные для постороннего глаза наброски будущих материалов, которые ему потом придется писать очень быстро и, может быть, начать в самолете...

Утром его разбудил стук в дверь и крик. Один из его приятелей — аргентинский журналист, прилетевший вместе с ним из Буэнос-Айреса, кричал из коридора:

— Альберто, скорей! Умер Неруда! И что-то там произошло с его домом! Скорей. Я жду тебя внизу!

Через минуту Альберто был уже на улице, вместе с аргентинцем пытаясь остановить любую машину, чтобы ехать на холм Сан Кристобаль.

Альберто пытался дозвониться Неруде еще из Буэнос-Айреса в первые дни после переворота. Но телефонная связь с Чили была тогда вообще прервана.

Судьба Неруды была неизвестна. Промелькнуло даже сообщение, что он погиб. Когда телефонная связь с Сантьяго появилась, Альберто снова и снова звонил Неруде — и в его дом в Сантьяго и в Исла Негра — деревушку на берегу океана в ста двадцати километрах от чилийской столицы, где Неруда обычно жил и работал. Но ответа не было. Альберто еще не знал тогда, что провода телефонов Неруды были оборваны по приказу хунты...

За несколько месяцев до фашистского переворота в Чили Пабло Неруда сказал: «Я не мог бы видеть мою родину истекающей кровью. Это означало бы смерть для меня».

И он умер через 12 дней после того, как самолеты хунты обстреляли ракетами рабочие районы Сантьяго, начав кровавую чилийскую драму.

Он тяжело и неизлечимо болел, но сердце его остановилось не только по той причине, что указана в заключении врачей. Его убил и тот рак, который вспыхнул на теле его народа,— фашизм.

Неруда умер от боли и горя, которые принесло ему и его стране 11 сентября. Словно этот огромный поэт, всегда свободный, всегда обновленный, всегда связанный с землей и с людьми, певец моря, певец униженных и оскорбленных, певец повседневных дел, хлеба и лука, словно поэт закрыл глаза, не в силах видеть кровь своего родного Чили, пролитую фашизмом.

Фашизм боится поэтов. Так было всегда. Он боится живых поэтов. Но не перестает их бояться и после их гибели.

В последние дни своей жизни Неруда работал, не переставая. Он заканчивал книгу воспоминаний.

По приказу хунты возле дверей его дома поставили карабинеров, чтобы слово из-под его пера не проникло в мир.

Больного, его держали под домашним арестом. К нему и к его близким не допускали никого. Весь мир был в тревоге за его судьбу. А из его дома нельзя было получить ни весточки. Поэт был отрезан от мира, которым жил.

Но он слышал звуки выстрелов и крики людей, а ветер доносил до его окон на холме Сан Кристобаль запах пороха и крови, запах дыма от горевших на улицах книжных костров, в которых пылали и его строки.

19 сентября ему стало хуже. Когда Альберто прилетел в Сантьяго, Неруду уже увезли в столичную больницу Санта Мария и положили в палату № 402, которую власти немедленно превратили в тюремную камеру. К нему опять никого не пускали, встречи с его родственниками тоже были запрещены.

Его сердце остановилось 23 сентября, в 11.30 вечера.

И в ту же ночь фашисты ворвались в его дом. Они выломали прикладами двери и прежде всего принялись тащить из дому рукописи и книги. В поисках бумаг со страшащими их словами поэта они срывали карнизы, выламывали доски полов, срывали обивку, а потом в удали невежества крушили по приказу офицеров все, что было под рукой,— пропороли штыком картину Пикассо, разбили коллекцию бесценной древней индейской керамики, рушили книжные полки, били стекла в окнах, срывали с петель двери. И, удаляясь, довершили фашистский разбой тем, что открыли все водопроводные краны в доме.

Результаты этого разбоя Альберто увидел, когда примчался на какой-то попутной машине к дому на холме Сан Кристобаль. Чуть позже он узнал, что на рассвете той же участи подвергся и дом поэта в Исла Негра.

Через день простой сосновый гроб с телом великого чилийца принесли в разгромленный дом на холме Сан Кристобаль и поставили там открытым всем ветрам. Чтобы ближайшие друзья поэта могли постоять возле гроба, на залитый водой пол пришлось положить несколько кирпичей, а на них — доски.

Альберто был вместе с другими корреспондентами, которые толпились у дома. Даже они, повидавшие много в эти дни, были ошеломлены варварством фашистов. Кто-то из хунты, стремясь сгладить впечатление, сказал, что высшие чины не давали приказа громить дом поэта, «который является одним из источников национальной гордости чилийцев», что «солдаты и офицеры сделали это по своей воле»... И эта ложь была достойным дополнением к разбою.

Возле дома постепенно начала собираться и все росла и росла толпа людей.

Карабинеры приказывали им разойтись, но они не сходили с места, продолжали стоять и ждать выноса тела. Стрелять возле дома Неруды по безоружной толпе карабинеры не решились. И отдать приказ разогнать траурную процессию у хунты тоже не хватило смелости.

Люди шли за гробом по пустым улицам. Шли в оцеплении солдат и карабинеров, державших автоматы наизготовку. Фашистская хунта страшилась погибшего Пабло даже после того, как вынесла из его дома, похитила все, что было написано его рукой, все, что могло превратиться в громкое человеческое слово.

От холма Сан Кристобаль, где стоит дом поэта, до старинного, существующего полтора века кладбища нужно было пройти около трех километров. Три километра по вымершим улицам мертвого города. Затворенные ставни окон. Закрытые двери.

Но весть о смерти Неруды и о том, что его будут хоронить именно сегодня — 25 сентября, уже разнеслась. Рабочие, студенты заранее собирались на пути, по которому — они знали — понесут тело поэта.

На улицах города было запрещено собираться группами. Поэтому люди ожидали траурную процессию в подъездах домов, на лестницах, во дворах...

И толпа людей, шедших за гробом, росла, как снежный ком, от дома к дому.

У дома Неруды за гробом двинулось несколько десятков человек. К воротам кладбища пришло несколько сот. Они начинали свое движение, как траурная процессия, но постепенно превращали и превратили ее в демонстрацию — первую после переворота уличную демонстрацию в Сантьяго против фашизма.

После 11 сентября хунта официально запретила обращение «компаньеро» — товарищ. Но кто-то крикнул громко в толпе, идущей за гробом: «Компаньеро Пабло Неруда — пресенте!» — «Товарищ Пабло Неруда — с нами!» И толпа повторила этот крик.

И тут же были подняты над головами людей эти слова, спешно написанные от руки на куске материи.

Похороны Пабло Неруды.

Кто-то бросил из окна красный цветок. Его подняли и начали передавать друг другу поднятыми вверх руками.

Хунта блокировала кладбище. Сотни солдат и карабинеров стояли у ворот. У каждой могилы Альберто видел каску, за каждым памятником — штык или дуло автомата.

Но кто-то запел «Интернационал». И песню подхватили. «Весь мир насилья мы разрушим...» — пели рабочие, студенты, писатели, все, кто пришел проститься со своим великим поэтом-коммунистом. И слова революционного пролетарского гимна звучали как клятва бороться с хунтой.

К кладбищу подтянули еще и военную полицию на грузовиках. Теперь солдат здесь было не меньше, а то и больше тех, кто провожал поэта. Но хунта не посмела дать приказ прервать похороны, превратившиеся в демонстрацию.

Потом над гробом читали стихи Пабло. И снова пели «Интернационал».

А в это время в районе Сан Борха в Сантьяго был разложен и зажжен фашистскими офицерами хунты огромный костер из книг, среди которых были и книги Неруды.

...Поздно вечером, накануне похорон Неруды, в здание 4-го канала телевидения Лимы пришел человек, не назвавший своего имени. Он попросил свидания с редактором новостей. Сказал, что у него важное дело. Редактор вышел к нему.

— Мне привезли пакет из Чили,— сказал человек.— Кружным путем через Аргентину. Здесь в пакете последнее стихотворение, которое Пабло написал перед смертью. Простите, что я не могу назвать своего имени.

И он протянул листок с машинописным текстом.

В тот же вечер стихотворение было прочтено по телевидению и передано по радио в Лиме. А утром его напечатали прогрессивные газеты. Вот оно.

САТРАПЫ

Пиночет и Фрей.
Сегодня, в горький
Сентябрь семьдесят третьего,
Эти хищники истории
Зубами впились в наши знамена.
Сколько крови пролили вы,
Жиреющие в своих поместьях!
Грабители, достойные ада Сатаны.
Тысячу раз купленные и
перепроданные.
Натравленные волками из
Нью-Йорка.
Алчные машины боли,
Залитые кровью своих жертв.
Проституированные торговцы
Хлебом и воздухом Америки.
Безжалостные палачи,
Толпа продажных тиранов,
Не знающих других идеалов,
Кроме пыток и голода —
исхлестанному народу.

Утром я позвонил редактору телевидения.

— Можете ли вы с уверенностью сказать, что это стихотворение принадлежит Пабло Неруде?

— Не сомневаюсь в этом,— ответил редактор.— Есть подтверждение из Буэнос-Айреса, из Мехико, копию стихотворения получили многие радиостанции и газеты в разных странах.

Так он ответил мне, а я подумал, что даже если это стихотворение написал другой поэт — профессиональный или народный,— он написал именно те слова, которые чилийский народ ждал от Неруды.

Стихотворение «Сатрапы» было напечатано в те дни в газетах многих стран мира, его передавали по радио, читали по телевидению. И это действительно было стихотворение Пабло Неруды.

Только написал он его не в те трагические дни, а задолго до 11 сентября 1973 года. Но врагами Пабло и его народа и тогда и теперь были все те же «сатрапы, жиреющие в своих поместьях, проституированные торговцы хлебом и воздухом Америки, толпа безжалостных палачей и продажных тиранов».

Только раньше они назывались другими именами. А теперь — Фрей, Пиночет и иже с ними.

Не знаю, сам ли Неруда или кто-то другой по велению собственного сердца заменил те имена на сегодняшние. Только это не имеет значения. Все равно эти слова сказал Пабло. Сказал над телом замечательного чилийца Сальвадора Альенде, убитого 11 сентября, и над телом чилийского поэта и певца Виктора Хара, убитого 12 сентября, и над телами тех 600 рабочих, что погибли, обороняя фабрику «Сумар», и над телами тысяч чилийцев, погибших от рук фашистской хунты.

Кто-то вынул эти стихи из толстого тома и раздал народу, как раздают народу оружие, когда надо идти в бой...

Окончание следует.

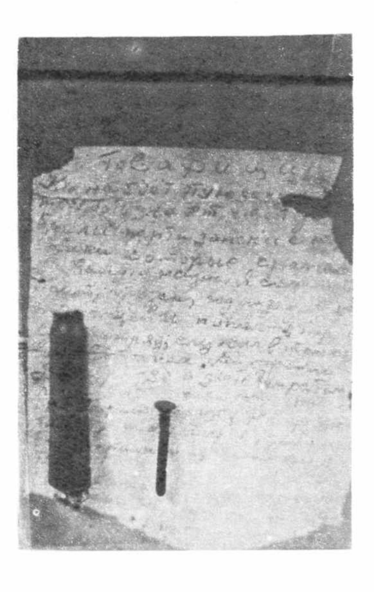
ЯКУТСКИЙ ПРИШЕЛЕЦ

Он лежал на боку, удобно вытянув ноги. Казалось, что он просто прилег отдохнуть, и мелкие хищники еще долго не решались приблизиться к гиганту. Мамонты умирают в одиночку. И этот, почувствовав, что старость ему уже не одолеть, незаметно отбился от стада и пришел на берег таежной реки. Он был стар, очень стар. Зубы его стерлись и с трудом перетирали теперь мох и траву. Но огромные бивни еще внушали всем опасение, хотя мамонт был недвижим! Снег начал заносить гигантское тело, а ударивший мороз и вечная мерзлота спасли его от разложения. И только тогда начался пир хищников. Они терзали его много дней, но все-таки не могли одолеть. Постепенно останки его заносились илом, пока совершенно не исчезли. Прошли миллионы лет...

Однажды якутский геолог Борис Сергеевич Русанов наткнулся в среднем течении реки Шандрин на огромные бивни мамонта, торчащие из земли. Само по себе это обстоятельство не было неожиданным. В Якутии в наши дни нередко находят бивни мамонта, и на этом основан даже целый промысел. Но, копнув глубже, Русанов обнаружил, что бивни крепятся к черепу, а это было уже редкостью. На место находки прибыла на вертолете целая экспедиция с мотопомпой. Размыв вечную мерзлоту, ученые обнаружили, что сохранился не только череп, но и весь скелет мамонта. Затем обнаружилось нечто совершенно неожиданное — в скелете сохранились в неприкосновенности внутренности мамонта. Это было событие мирового значения. Достаточно сказать, что с начала XIX века было найдено всего 10 скелетов мамонта, а целый мамонт с внутренностями был найден лишь однажды — экспедицией О. Герца в 1900 году на реке Березовке.

Весть о якутской находке распространилась по всему свету. Один московский врач прислал в Якутск письмо, в котором писал, что необходимо взять из семенников найденного мамонта немного вещества и попытаться произвести искусственное скрещивание с индийским слоном. Мысль, несомненно, интересная. Достижения современной медицины говорят, что в ней нет ничего фантастического. Если бы опыт удался, то из полученного гибрида мамонта со сло-

ПАТРОН

ном в будущем путем отбора можно было бы вывести чистый вид мамонта.

Об этом предложении услышал в Якутске один итальянский журналист, бывший там в то время. Вернувшись в Италию, он написал, недолго думая, в своей газете, что русские путем скрещивания вывели целое стадо мамонтов и гонят его сейчас через всю Сибирь в Москву, что целая эскадрилья вертолетов едва успевает подвозить к местам ночевок корм для мамонтов.

И смех и грех. Но сенсация лопнула. В шандринском скелете семенники не сохранились.

Ученые между тем продвигались к истине не столь бурными темпами. Прежде всего были приняты все меры предосторожности, чтобы не разморозить драгоценную находку. Внутренности мамонта перевезли в Якутск и поместили в геокриологическую шахту в вечной мерзлоте. С наступлением зимы их перевезли в Новосибирск, в Институт биологии СО АН. Там же был установлен и скелет мамонта. Изучением находки занялась специальная комиссия под председательством доктора биологических наук профессора Алексея Игнатьевича Черепанова. Из Ленинграда прилетел доктор биологических наук Николай Кузьмич Верещагин.

— Что же интересовало ученых? — спросил я одного из членов комиссии, кандидата биологических наук Бориса Степановича Юдина.

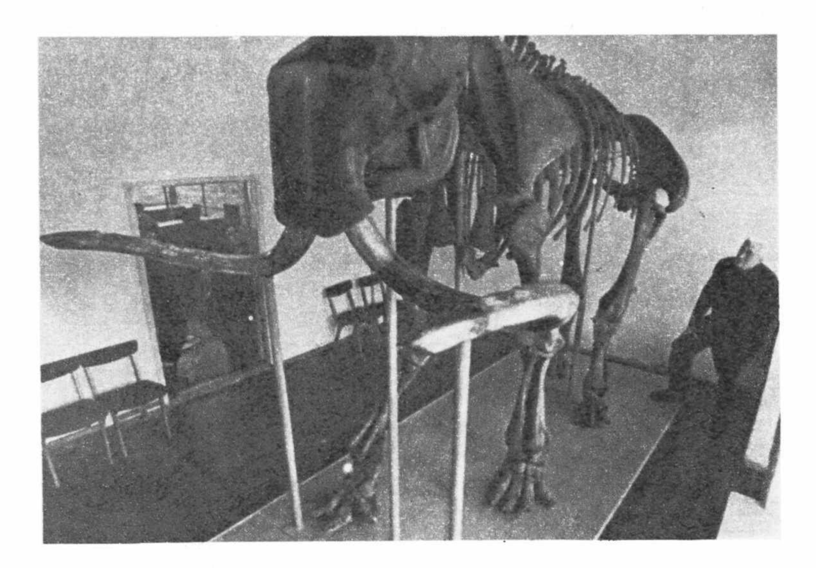
— Видите ли, находка настолько редкая, — ответил он, — что в будущем трудно надеяться на ее повторение. Поэтому мы произведем самый полный комплекс научных исследований, какой только возможен в настоящее время. Радиологическим методом будет установлен возраст мамонта и точное время его жизни. В его желудке сохранилась масса пищи (около 350 килограммов). Это важно не только потому, что мы точно узнаем, чем питался мамонт, но и потому, что если удастся реконструировать пыльцу съеденных растений (а их может оказаться сотни, целый гербарий), то мы сможем реконструировать и климат той далекой эпохи.

— Получены ли уже какие-то результаты?

— Да. Например, в кишечнике мамонта обнаружены личинки желудочного овода, жившего миллионы лет назад. Но современная наука развивается очень быстро. Не исключено, что лет через 20 — 30 будут разработаны совершенно новые методы исследования. Поэтому решено часть находки отправить в Якутск в геокриологическую шахту и хранить там для будущих ученых.

Ну что же, подождем.

Ю. ЛУШИН.
Фото автора.

Проселочная дорога между селами Иваньки и Юрполь на Украине, в Черкасской области. Возвращается паренек из школы домой. Идет, помахивает сумкой, поглядывает на дорогу, на лес впереди. Знакомо все до камешка в кювете...

Нет, это не камешек, это патрон, старый, стреляный. А ну его! Сколько таких подбирал! Да и не мальчишка уже, старшеклассник... Прошел мимо? Нет, вернулся, положил в карман.

Как-то в воскресенье вынул патрон, осмотрел. Немецкий. Странно: в шейке торчит ржавый гвоздь. Вытащил, а внутри бумага, прилипла к стенкам — достать невозможно. Взял напильник, стал отпиливать дно — не получилось. Вооружился плоскогубцами, и вот уже в руке у него маленький клочок бумаги, еле видны написанные карандашом слова. Но видны еще, видны!

И ударило этими словами по сердцу. Клочок бумаги пахнул запахом гари, зазвучал голосом прошлого. Где же это было? Здесь, в леске. Горстка советских бойцов билась до последнего. Не оставалось ни одного шанса. Командир нашел кусочек бумаги, карандаш:

«Товарищи! Кто найдет эту записку, тот пусть знает, что тут были партизаны-подпольщики, которые сражались за вашу жизнь. Я сам лейтенант, грузин, год назад бежал от немцев и попал в партизанский отряд, служил в танковых войсках. Моя фамилия Вежирадзе, а звать Зумратом. Со мной здесь еще три грузина — Георгий Сабадзе, Годерзи Варднеладзе, Александр Айдинян, они все старшины из танковых частей. И вот опять нас окружили, и мы не знаем, что нам делать. У нас кончились патроны. Нам немцы предлагают сдаться в плен, но еще русские не сдавались в плен. Наш отряд побило, и остались со мной пять человек, у нас осталось по одному патрону, это для нас. Но я верю! Придет час, большая русская армия победит немецко-фашистских захватчиков. И тот, кто найдет эту записку, тот пусть поедет на мою родину, в Грузию, в город Тбилиси, и запишут пусть там в ряды погибших героев моих трех товарищей, грузин из Сухуми. 43 год».

Тридцать лет прошло с той поры.

Совсем недавно письмо Зумрата Вежирадзе стало известно на его родине: украинцы переслали его в Грузию, напечатали в газетах, передали по телевидению. Все, как бывало не раз. Но здесь хочется сказать о Викторе Костенко, школьнике, комсомольце, юном пареньке, который не прошел мимо, поднял патрон и встретился с Зумратом Вежирадзе лицом к лицу, глаза в глаза.

«Мы сражались за вашу жизнь», — словно сказал ему Зумрат. Сказал это Виктору и всем юрпольским и иваньковским ребятам, поведал им о своих земляках, которые пали вместе с ним на украинскую землю.

Прошло тридцать лет. Но такое не подвластно времени.

Ия МЕСХИ

ПО ПРОСЬБЕ ЧИТАТЕЛЕЙ

Дорогие друзья! В своих письмах вы просите рассказать о планах журнала на 1974 год. Выполняем ваши просьбы.

В 1974 ГОДУ

«Огонек» расскажет о крупнейших стройках страны, о важнейших событиях, происходящих на переднем крае пятилетки, познакомит читателей с героями четвертого, определяющего года, будет регулярно освещать ход социалистического соревнования.

На страницах журнала выступят видные ученые с рассказами о своей работе, о научных исследованиях, ведущихся в нашей стране и за рубежом. На заседаниях «Клуба неразгаданных тайн» читатели получат ответы на многие вопросы.

Мы будем печатать материалы, посвященные советской молодежи, ее труду, учебе, раздумьям и стремлениям. Как и в прошлые годы, читатель найдет публикации на темы морали, нравственности, правового воспитания.

Быт, торговля, сфера обслуживания, производство товаров широкого потребления — этими важнейшими вопросами «Огонек» будет заниматься постоянно.

Советские и зарубежные публицисты, журналисты-международники расскажут о борьбе за мир, об успехах в развитии стран социалистического содружества, о классовых битвах в странах капитала.

Вместе с корреспондентами «Огонька» и представителями Волжского автозавода вы совершите путешествие на машине «Жигули» по братским социалистическим странам и увидите, как воплощаются в жизнь планы Совета Экономической Взаимопомощи. Читатели «Огонька» смогут принять участие в конкурсе, посвященном тридцатилетию народной Польши.

Учитывая многочисленные просьбы читателей, мы печатаем четвертую, последнюю часть романа А. Калинина «Цыган» и продолжим публикации произведений приключенческого жанра — второй книги романа А. Азарова и В. Кудрявцева «Дом без ключа», повести Р. Зерновой «Дело о телефонных звонках», повести американского писателя Э. Лемана «Сладкий запах успеха» и других. В портфеле редакции — произведения ведущих советских и зарубежных писателей и поэтов.

К 175-летию со дня рождения А. С. Пушкина редакция выпустит специальный номер, посвященный жизни и творчеству великого русского поэта.

«Огонек» на своих цветных художественных вкладках широко покажет работы с выставки, посвященной 25-летию Академии художеств Союза ССР, познакомит читателей с экспозицией «Сокровища гробницы Тутанхамона», продолжит публикацию материалов о классиках мирового и русского изобразительного искусства. Кроме того, по вашим просьбам в нынешнем году журнал продолжит разговор о «домашних Третьяковках» — о коллекционировании художественных репродукций.

Фоторепортеры «Огонька» будут путешествовать по нашей Родине и создадут галерею портретов лучших рабочих и колхозников — героев труда.

Мы расскажем о современной Советской Армии, о ее людях и технике, о подвигах в мирное время, о поисках неизвестных и малоизвестных героев Великой Отечественной и гражданской войн, постоянно будем публиковать воспоминания военных лет, фотографии и другие материалы, присланные нашими читателями.

«Огонек», как всегда, расскажет о новых фильмах, спектаклях, концертах, представлениях цирка, об известнейших мастерах всех жанров сценического творчества и дебютантах, а также о новых интересных постановках телевидения и радио, о работе самодеятельных городских и сельских коллективов.

Советский спорт будет широко представлен на страницах «Огонька».

В конце номера вы всегда найдете фельетоны, сатирические рассказы, карикатуры, веселые фоторепортажи, кроссворды и изочайнворды.

Сало ФЛОР,
международный
гроссмейстер

СЫГРАЛИ НА ПЯТЕРКУ!

Позади сражение на четырех фронтах в четвертьфиналах, важном этапе в борьбе на первенство мира. Наши гроссмейстеры еще раз продемонстрировали шахматному миру свой высокий класс. Все трое иностранных участников — Р. Бирн, Э. Мекинг, Л. Портиш — выбыли из конкурса. Если бы в шахматах существовала, как в фигурном катании, высшая оценка — 6 баллов, то мы скажем, что советские гроссмейстеры сыграли на пятерку с плюсом, и подобная оценка достаточно убедительна.

Быстрее всех справился Борис Спасский со своим партнером Р. Бирном. Ясно, что Роберт Бирн — отличный шахматист, но заменить таких крупных мастеров, как Б. Ларсен, В. Смыслов, М. Таль, которые, к сожалению, не попали в турнир претендентов, он не смог.

Через несколько дней после встречи Спасский — Бирн в Пуэрто-Рико в Московском Доме литераторов стало известно имя партнера Спасского в полуфинале: Анатолий Карпов.

Поединок Карпов — Спасский ожидается с огромным интересом. Еще бы! Ведь Карпов — обладатель приза Оскара (лучший шахматист 1973 года), а Спасский — чемпион СССР, сильнейшей шахматной державы.

Если матчи Спасский — Бирн и Карпов — Полугаевский оказались «короткометражными фильмами», то встречи Корчной — Мекинг и Петросян — Портиш протекали по очень интересному, напряженному сценарию.

Бразильский гроссмейстер Э. Мекинг еще до начала матча вел психологическую атаку в лучшем стиле Б. Ларсена, который, как известно, заранее говорит «гоп», что в спорте делать не рекомендуется. И хотя Корчной на 20 лет старше Мекинга, человек он не из слабонервных. После 11-й партии счет стал 2:0 в пользу ленинградского гроссмейстера. Но Мекинг не прекратил «бумажную войну». В интервью он заявил: «А все равно я играю сильнее Корчного!» И когда бразильский гроссмейстер одержал победу в 12-й партии, то его поклонники да и сам Мекинг воспрянули духом. Но... ненадолго. В следующей встрече Корчной нанес решающий укол, и счет стал 3:1. На этом «проблема Мекинга» была успешно решена Корчным.

Напряженнее всех протекал матч Т. Петросян — Л. Портиш в Испании.

Те, кто присутствовал на жеребьевке претендентов в Центральном шахматном клубе, помнят, как Т. Петросян огорченно улыбнулся, когда вытащил своим противником Л. Портиша, в прошлом самого неудобного для него партнера. Затем экс-чемпион мира успокоился и сказал: «А что, собственно говоря, за трагедия? Если я хочу стать чемпионом мира, то надо уметь победить д а ж е Портиша!»

После 9-й партии Петросян рассчитался за старые долги и вел в счете 2:0. В этот момент, возможно, экс-чемпион мира напрасно «сбавил скорость», решив, что можно дойти до полуфинала на ничьих (а кто на месте Петросяна поступил бы иначе?!). Но венгерский гроссмейстер показал, что он еще не нокаутирован, и в отличном стиле победил в десятой встрече. А когда в 12-й партии Портиш сумел уравнять счет 2 : 2, то исход матча висел, как говорится, на волоске.

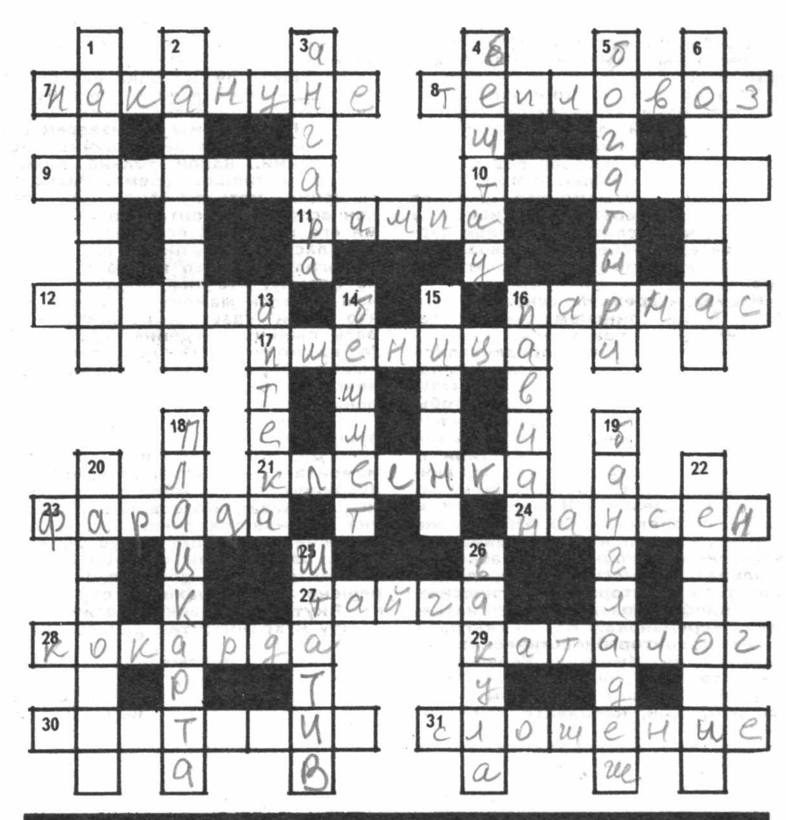
Не умаляя достижений венгерского гроссмейстера, следует отметить, что второе поражение Петросян потерпел после ошибки в ничейной позиции в ладейном эндшпиле. 2 : 2! И в этот ответственный, крайне напряженный момент Петросян выдержал сложнейшее испытание. Сказался богатый матчевый опыт Петросяна. Он в превосходном стиле одержал решающую победу в 13-й партии.

Удивительное совпадение: Корчной и Петросян закончили свои матчи после тринадцатой партии. Какое счастливое число 13!

Таким образом, Корчному стало известно имя своего соперника: Петросян. Это старые друзья-соперники. В прошлом они уже встречались в полуфинале.

В творческом отношении любопытно отметить, что в наши дни во встречах ведущих шахматистов большое значение имеет цвет фигур: из 15 результативных партий белые одержали 14 побед! Только в одной партии выиграли черные (в матче Спасский — Бирн).

Шахматный мир с нетерпением ждет весны. В апреле — мае внимание шахматного мира снова будет приковано к СССР. Спасский и Корчной вернулись из-за океана, Петросян — из Испании. В полуфинале встречаются только советские гроссмейстеры — наш замечательный квартет: Карпов — Спасский и Корчной — Петросян.

КРОССВОРД

По горизонтали: 7. Роман И. С. Тургенева. 8. Локомотив с двигателем внутреннего сгорания. 9. Летняя пристройка к зданию. 10. Ударный инструмент. 11. Барьер вдоль авансцены. 12. Стихотворение М. Ю. Лермонтова. 16. Созвездие южного полушария неба. 17. Растение семейства злаков. 21. Ткань, покрытая водонепроницаемой пленкой. 23. Единица электрической емкости. 24. Норвежский исследователь Арктики. 27. Обширные леса. 28. Значок на форменном головном уборе. 29. Перечень предметов в определенном порядке. 30. Водопад в Южной Африке. 31. Арифметическое действие.

По вертикали: 1. Рассказ А. П. Чехова. 2. Шерстяная ткань. 3. Река в Сибири. 4. Пятиглавая гора на Северном Кавказе. 5. Картина В. М. Васнецова. 6. Город в Московской области. 13. Медицинское учреждение. 14. Верхняя мужская одежда, распространенная у кавказских народов. 15. Горный массив на Кольском полуострове. 16. Обезьяна. 18. Железнодорожная квитанция. 19. Государство в Азии. 20. Искусственная смола. 22. Римский писатель-сатирик. 25. Приспособление для установки аппаратов. 26. Действующее лицо оперы П. И. Чайковского «Черевички».

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 8

По горизонтали: 4. Сумароков. 7. Бронза. 8. Монако. 11. «Фиделио». 12. Хоккей. 14. Ястреб. 18. «Коляска». 19. Парашют. 20. Носорог. 21. Обочина. 23. Фланец. 25. Гавань. 27. Телегин. 29. Драпри. 30. Эпитет. 31. Терренкур.

По вертикали: 1. Гурзуф. 2. Оранжевая. 3. «Хорошо!» 5. Морзе. 6. Палас. 9. Леонкавалло. 10. Треугольник. 13. Карабин. 15. Туполев. 16. Октод. 17. Банан. 22. Череповец. 24. «Ермак». 26. Аорта. 27. Терцет. 28. Нептун.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: На посту.

Фото Г. Макарова.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Выступает дважды Краснознаменный ансамбль песни и пляски Советской Армии имени А. В. Александрова. Солисты танцевальной группы Людмила Позднякова и Сергей Стрельников.

Фото А. Награльяна.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

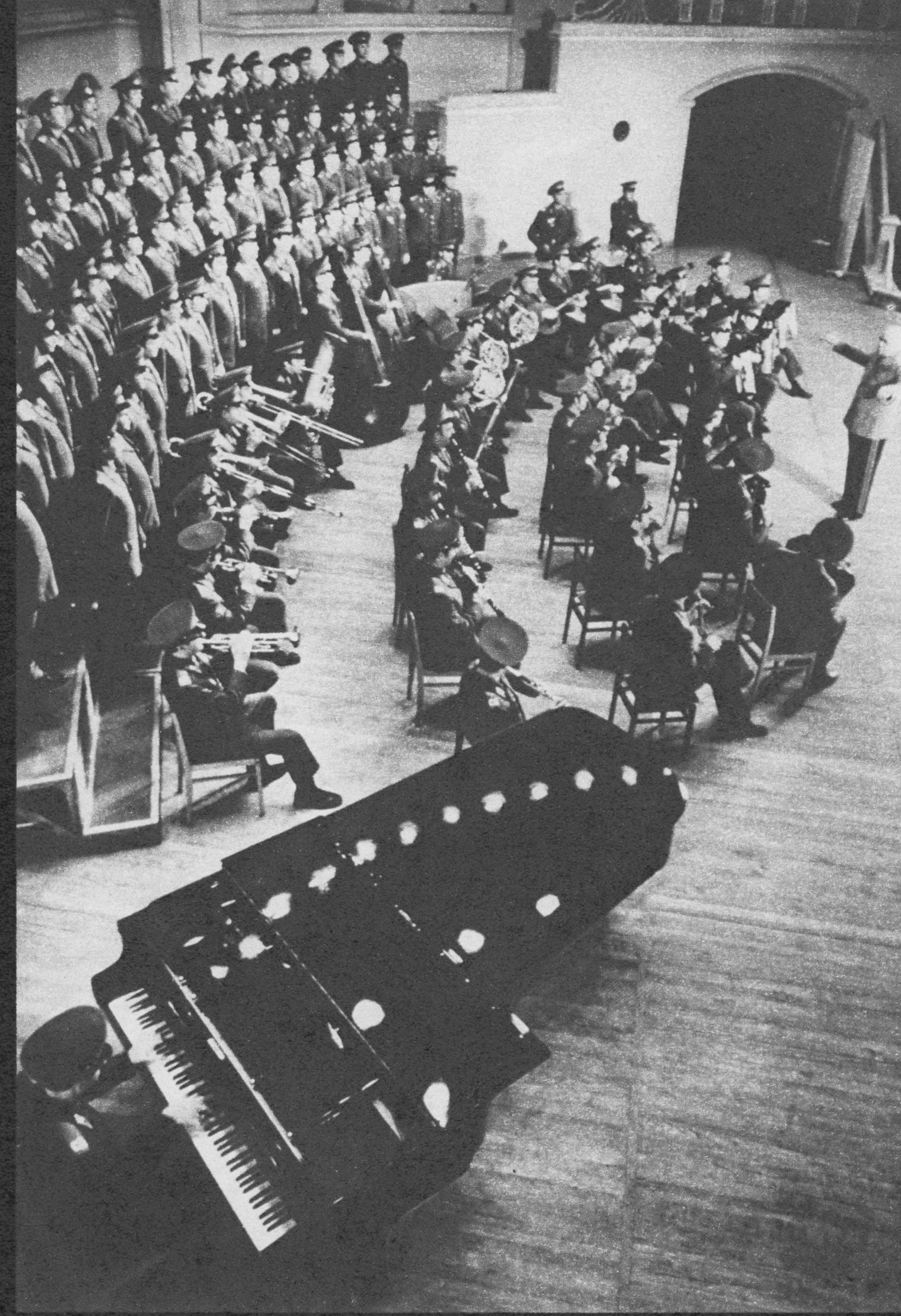
Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-87; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 4/II — 74 г. А 00521. Подп. к печ. 19/II — 74 г. Формат 70×108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 302. Тираж 2 100 000 экз. Заказ № 1758.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

Каждый год к 23 февраля Краснознаменный имени А. В. Александрова ансамбль песни и пляски Советской Армии готовит такую программу, где обязательно есть и новые сочинения прославленных уже композиторов и интересные дебюты молодых. Сейчас ансамбль знакомит слушателей с произведениями молодых авторов М. Минкова, Е. Мартынова, А. Пресленева, воспевающими армейскую славу.

Каждый праздничный концерт раньше всех смотрят и слушают солдаты и офицеры страны; ансамбль — всегда желанный гость в частях и подразделениях Советской Армии. Участники и руководители Краснознаменного помогают улучшению работы, обновлению репертуара армейских ансамблей на местах, своим искусством вдохновляют молодых артистов-воинов.

Так, например, в прошлом году ансамбль отправился с программой, посвященной 50-летию образования СССР, в очередной маршрут — к трудящимся и воинам Удмуртии. С особым творческим подъемом мы выступали на родине В. И. Ленина в Ульяновске. Символический ленинский круг гастролей ансамбля закончился в Ленинграде.

Давно стали традицией и шефские встречи в гарнизонах. В прошлом году это были войска Прикарпатского и Одесского военных округов. Кстати сказать, в Одессе наш коллектив пополнился еще одним талантом — в нынешних праздничных концертах ансамбля дебютирует певец, заслуженный артист УССР Валентин Анисимов.

Последняя работа ансамбля — кантата Б. Александрова на слова Э. Михайлова «Тебе присягаем, Отчизна». В исполнении принимает участие капелла мальчиков хорового училища под руководством А. В. Свешникова.

Теплая дружба давно связывает наш коллектив с зарубежными зрителями; Чехословакия, Польша, Канада — таковы маршруты недавних гастролей... И всегда неизменным успехом пользуются песни, которые звучат на языках народов мира. Они, эти песни, являются парламентерами советских людей — воинов нашей доблестной армии.

Иван БУКРЕЕВ,
солист ансамбля,
народный артист РСФСР

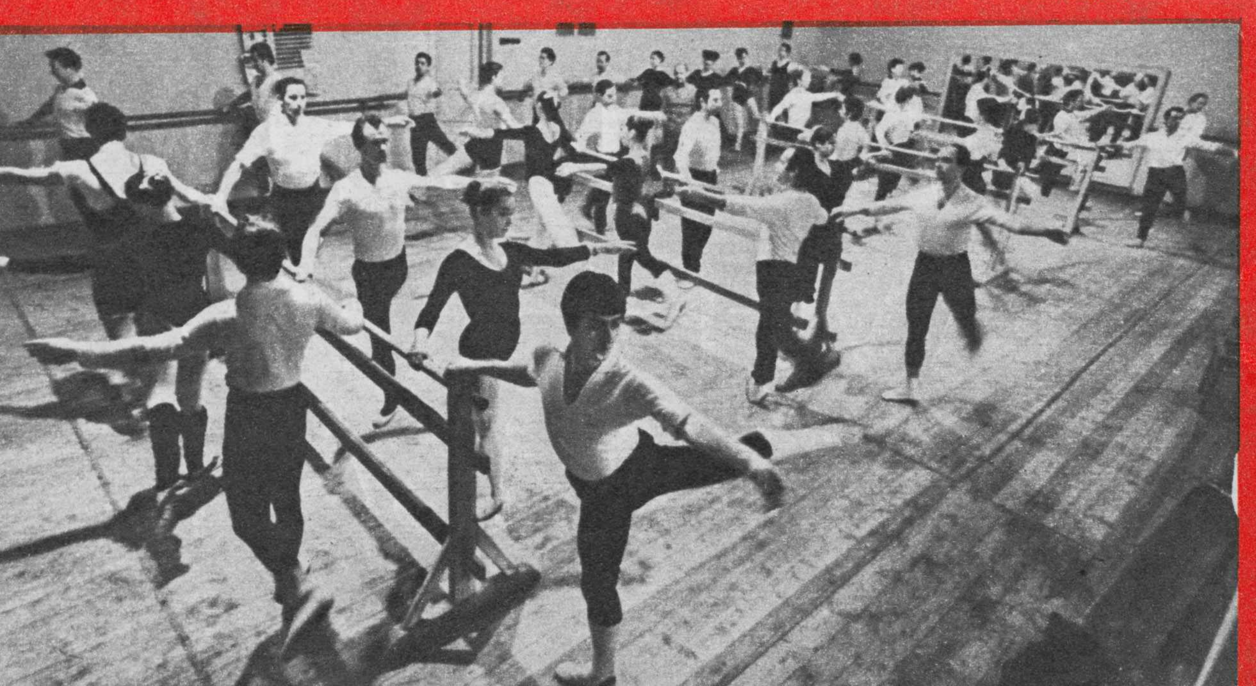
МАРШРУТЫ КРАСНОЗНАМЕННОГО АНСАМБЛЯ

Фото А. НАГРАЛЬЯНА.

Дирижирует Б. А. Александров.

«Матросская барыня». Солист А. Чечик.

Занятия в классе.

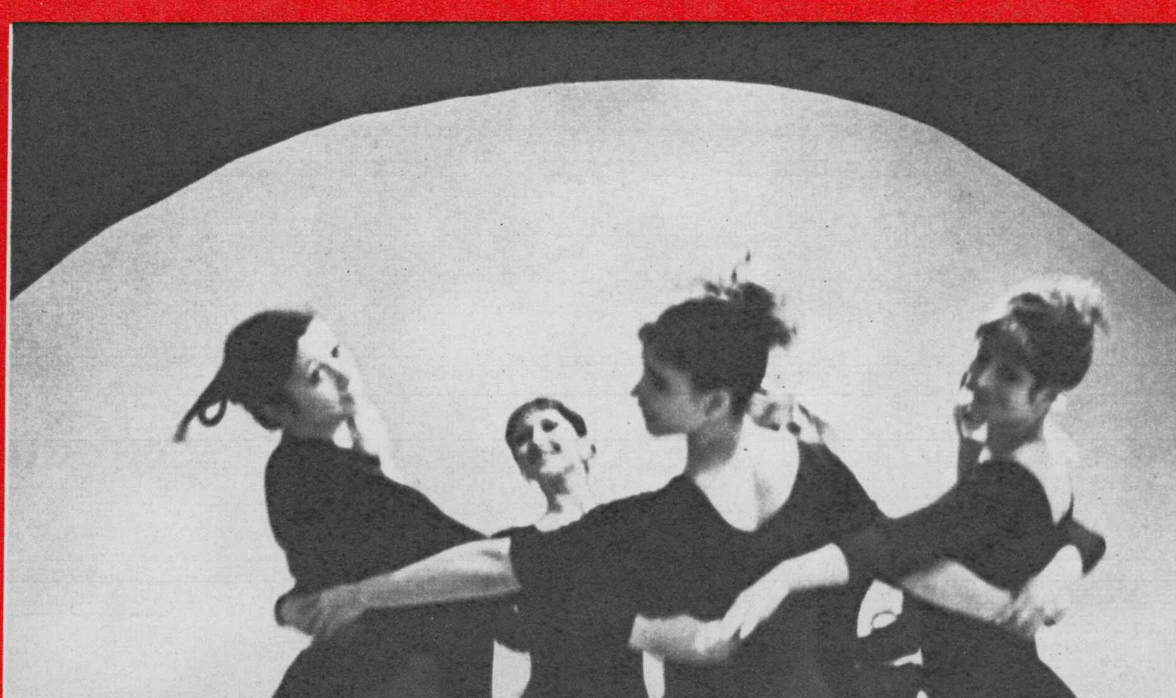

Народные артисты СССР А. Сергеев и Е. Беляев.

Веселая репетиция.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663